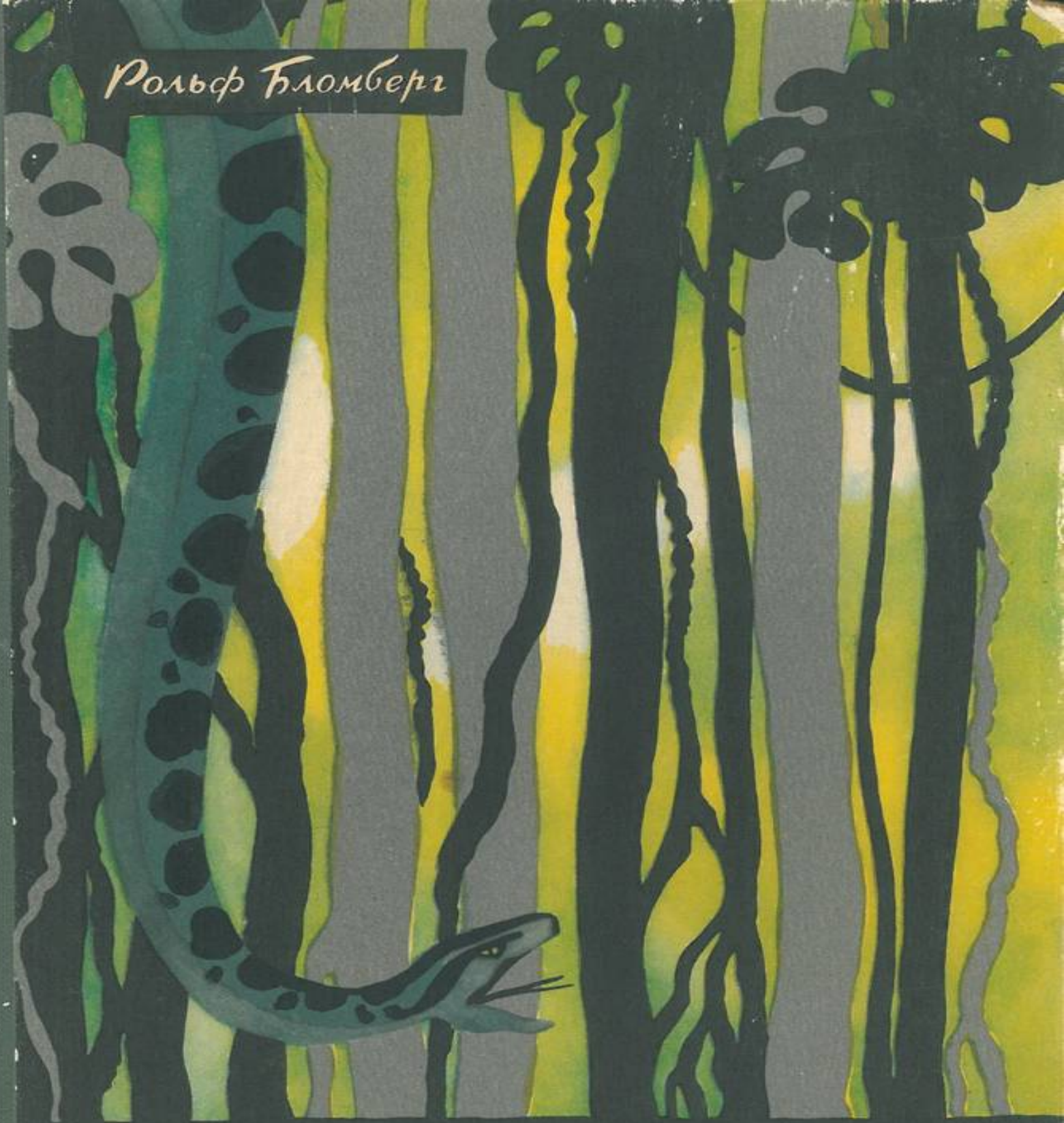
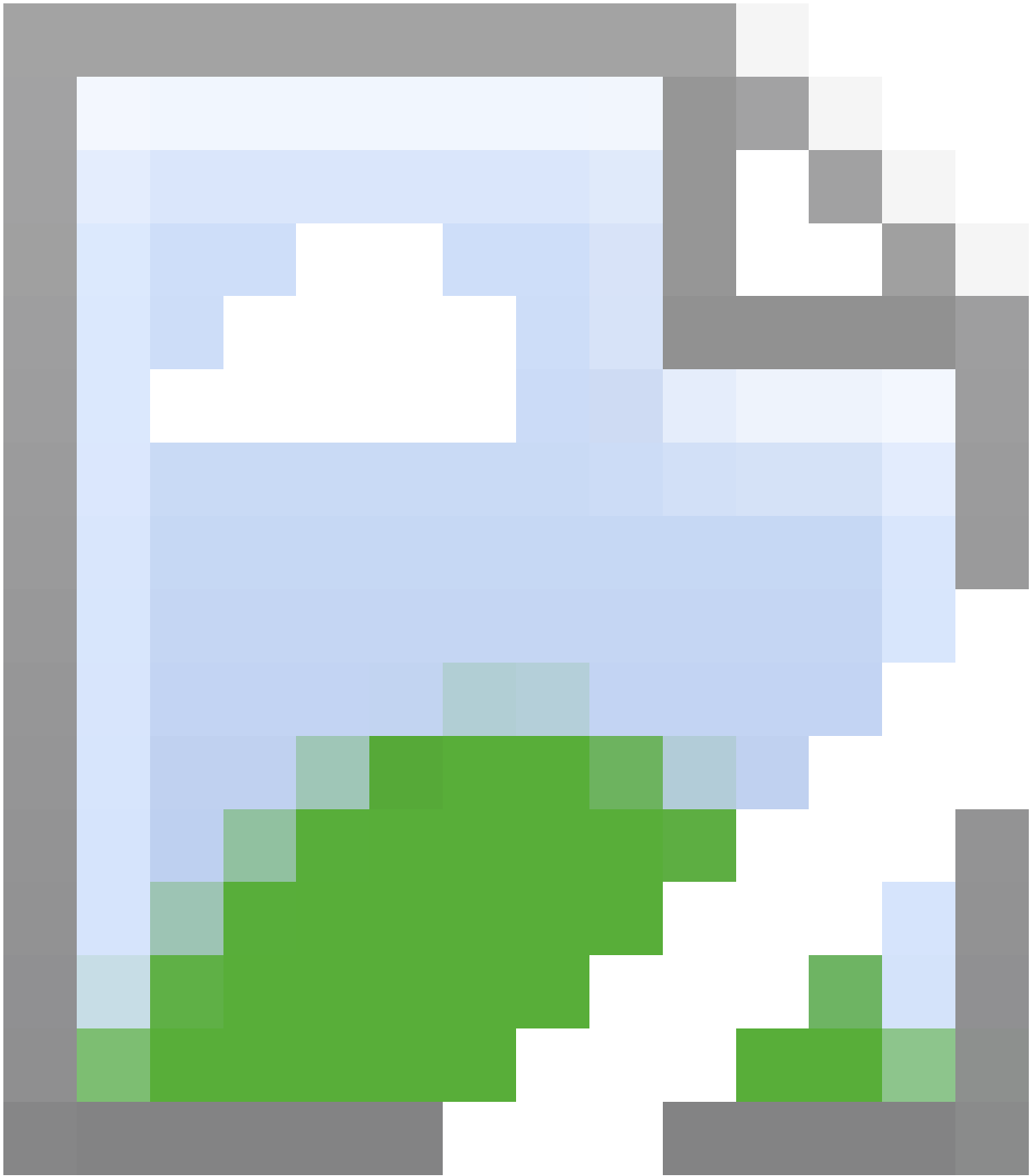

Рольф Бломберг

В ПОИСКАХ АНАКОНДЫ

Детгиз · 1958

Рольф Бломберг

В ПОИСКАХ АНАКОНДЫ

1

ТЕЩА КЛАДОИСКАТЕЛЬ

Если кого-нибудь винить, то только Карин Кобос. Это она подбила меня впервые заняться кладоискательством.

Я встретил ее в 1934 году, в свое первое путешествие на Галапагосские острова. Карин — очаровательная норвежка, вышедшая замуж за сына знаменитого в этих местах Мануэля Кобоса, который был когда-то самодержцем Галапагоса. Карин знает множество историй о сказочных сокровищах, зарытых пиратами на уединенных островах Тихого океана, и все ее рассказы звучат страшно правдоподобно и убедительно. С другой стороны, общеизвестно, что в XVII и XVIII веках Галапагосский архипелаг был излюбленным пристанищем пиратов. Здесь и в самом деле найдено несколько пиратских кладов — не такие уж невероятно богатые, но, во всяком случае, достаточно большие, чтобы один из счастливицов скончался от излишеств. Неудивительно, что я жадно прислушивался к рассказам Карин, пока у меня не зарябило в глазах от золота.

Я прибыл на Галапагос собирать удивительных животных для шведских музеев. Именно этому делу мне и надлежало отдаться со всем рвением. Но кладоискательская лихорадка оказалась сильнее всего. Я навьючил на осла лом, кирку, палатку и отправился в первую экспедицию за кладами. А за ней последовали многие другие...

Я искал то мраморную плиту с таинственными письменами, то старую якорную цепь, то пальмовую рожицу — всё это были подсказанные мне Карин приметы в местах зарытых сокровищ. Однако как мы с моим осликом ни трудились, все было напрасно.

Один из кладов следовало искать в земле под старым деревом манцинелла.^[1] Я нашел дерево, вырыл около него глубоченную яму, но приобрел только... мозоли. Другой клад, зарытый уже в более позднее время, хранился якобы под полом бывшего кабачка; по ночам в этой лачуге загорались голубые огоньки. Я взломал дощатый пол, разбил цементный фундамент, с помощью кирки и лопаты добрался до скалы — и снова ничего!

Карин Кобос рассказывает теперь, будто я, поддавшись на ее удочку, вырыл у них в саду глубокий колодец в погоне за пиратским золотом. Не помню... Скорее всего, она путает меня с кем-нибудь: ведь я далеко не единственный, кто пал жертвой ее богатой фантазии. А может быть, Карин просто шутит? Так или иначе, настал день, когда я решил махнуть рукой на золото и заняться животными. В этой области мне повезло больше.

Не подумайте только, что я единственный швед, убивавший силы и время на поиски кладов в этой части света, — дураков на свете хватает! Много лет назад я встретил одного земляка, отъявленного авантюриста, который потратил все свои деньги и годы труда, мечтая найти клад с инкским^[2] золотом. Ему удалось приобрести старинный пожелтевший документ с удивительными фигурами и значками. Это была карта, ее начертил в XVII веке иезуитский патер,^[3] утверждавший, что знает место хранения богатейшего клада.

Разумеется, драгоценная карта успела побывать во многих руках, прежде чем попала к шведу, и не один человек тщетно пытался отыскать сокровище. Мой земляк оказался не удачливее других. Он истратил на розыски все до последнего сентаво^[4] и испытал горькое разочарование. «Если кто-нибудь еще станет болтать мне про инкское золото, ему не поздоровится!» — говорил он с мрачной яростью. Несколько месяцев спустя до него дошел слух о какой-то реке на восточных склонах Анд — там двое золотоискателей меньше чем за неделю добыли огромное богатство. С тех пор я не видел моего земляка, но мне говорили, что кто-то встретил его на восточных

склонах Анд — он мчался верхом на муле, к седлу которого были приторочены кирка и лоток для промывания золота...

Впрочем, Аксель Паулин, автор интереснейшей книги «Шведы в Южной Америке», сообщает, что наши соотечественники искали клады в этой части света уже в конце XIX века. Шведов привлек Кокосовый остров, лежащий между Галапагосом и Панамой, самый знаменитый из всех «островов сокровищ» на свете. Сотни экспедиций пытались найти на острове сказочные богатства. Из всех кладов, которые помещает здесь молва, наиболее знаменит так называемый лиманский, оцениваемый в шестьдесят миллионов долларов. Он состоит из двенадцати апостолов и мадонны в натуральную величину, различной церковной утвари и многих других предметов — всё из чистейшего золота, — которые некий капитан Томпсон украл в Лиме в начале XIX века. Знаменитый пират Дэвис тоже, по слухам, упрятал на Кокосовом острове огромные сокровища: семьсот золотых слитков, триста тысяч фунтов серебряными долларами и семь бочонков старинных серебряных монет. Немало золота оставил там и пресловутый Бенито Бенито, известный также под именем Бенито Кровавый Меч. Желających найти все эти клады было так много, что на острове не осталось живого места — вся земля изрыта, каждый камень перевернут...

Шведских кладоискателей финансировал некий капитан Ларс Петер Люнд, поселившийся в Вальпараисо, в Чили. В числе других на остров выехали Андерсон и Хольм; последний — сын священника — раньше занимался золотоискательством в Австралии. Экспедиция провела на острове около года; когда кончился провиант, они стали ловить одичавших свиней, морских птиц и крабов, собирали кокосовые орехи. В конце концов поиски пришлось прекратить. С величайшей неохотой, глубоко разочарованные сели они на корабль, присланный за ними Люндом. Паулин пишет, что один лишь Хольм выгадал что-то от этой поездки — вскоре после возвращения он женился на дочери Люнда.

Я был уверен, что восьмимесячное пребывание на Галапагосских островах излечило меня от кладоискательской лихорадки, но стоило мне вернуться на материк, в Эквадор, как она вспыхнула с новой силой.

Поводом для этого послужило посещение одной гасиенды,^[5] где мне показали замечательные находки: маленькую статуэтку индейца, броши и слепок с лица — всё из чистого золота. Владелец гасиенды нашел в старых курганах золотые предметы общей стоимостью свыше тридцати тысяч шведских крон.^[6] На его земле оставалось еще множество необследованных курганов, и он надеялся сделать новые богатые находки. Разумеется, я немедленно предложил свои услуги. Можно ли придумать более увлекательное занятие, чем раскопка курганов!

«Увы, — ответил хозяин, — сейчас я не решаюсь трогать курганы. Кто-то уже проговорился, — о моей находке проведали власти. Теперь они требуют доли в добыче. Бóльшую часть найденного я переплавил и спрятал в сейф — там оно лежит надежно, но стоит мне начать новые раскопки, как сразу появятся всякие соглядатаи...»

Я просто оторопел, услышав откровенное признание хозяина, что он переплавил бесценные археологические находки! К сожалению, в этих краях сплошь и рядом поступают подобным образом. Редчайшие золотые изделия, за которые музеи готовы уплатить сколько угодно, превращают в слитки.

На этом мои соблазны и кончились, но когда я затем попал в Орьенте (так называют восточные провинции Эквадора, лежащие в верховьях Амазонки), то убедился, что здесь только о золоте и говорят. Мне пришлось выслушать бесконечное количество историй — о сказочных реках, на которых счастливицы набивали карманы самородками, и так далее, и тому подобное.

Познакомился я и с самими золотоискателями, однако большинство из них вели далеко не завидное существование. Добытого ценой больших усилий драгоценного песка едва хватало им, чтобы прокормиться. Лица золотоискателей были помечены печатью лишений и малярии. И несмотря на это, их отличал какой-то патетический оптимизм. Все до одного были совершенно уверены, что в один прекрасный день мучениям и тяжелой жизни придет конец, фортуна^[7] повернется к ним лицом и они найдут богатые месторождения золота.

Разве я не слышал о Пересе — одном из первых богачей страны!.. Он тоже искал золото в Орьенте, много лет из сил выбивался, пока не

набрел на речушку, где за месяц намыл на двести тысяч сукре,^[8] которые и положили начало его огромному состоянию...

Некоторые рассказчики проникались ко мне доверием и делились своими сокровенными замыслами. Появлялась грязная, измятая бумажка (карта, разумеется), затем мой новый приятель излагал шепотом длинную историю: как он совершенно случайно узнал о богатейшем месторождении. Каждый раз источником заманчивых сведений оказывался «один пьяный индеец». Не соглашусь ли я финансировать это предприятие? Всю прибыль пополам. А-а, денег нет... Жаль, жаль, больше всего меня, разумеется, теряющего такой случай. Что же до обладателя карты, то он не сомневался, что без труда найдет желающего вложить деньги в такое дело. Правда, не каждому можно доверять...

Я не прочь был быстро разбогатеть; к тому же мне хотелось испытать жизнь золотоискателя. Кончилось тем, что я купил снаряжение для промывки золота и вступил в ряды лавадорес де оро. Увы, тучи кровожадных мух, палящее солнце и жалкая добыча — всё это вместе взятое надолго отбило мне охоту искать золото.

Из первого путешествия в Южную Америку я привез в Швецию много забавных животных и ни крупинки золота. Я не сомневался, что окончательно излечился от золотой и кладоискательской лихорадки. Но в 1947 году, когда я после десятилетнего отсутствия снова приехал в Эквадор, лихорадка не замедлила вернуться. Кого я стану винить на этот раз? Разумеется, мою эквадорскую тещу!

Она страдает неизлечимой и притом крайне заразной формой кладоискательской лихорадки.

Я упоминал уже в одной из своих книг, как она подбила меня забраться в пещеру в поисках инкского золота; на ее совести еще много подобных злодеяний. Не одну пещеру облазил я по ее вине. Однажды меня чуть не похоронило заживо обвалом; я спасся каким-то чудом и несколько недель после этого был инвалидом...

Но хороший зять должен уметь мириться с мелкими неприятностями! В другой раз теща отправила меня за кладом на вулкан Пичинча. Целую неделю она ходила в церковь, жгла свечи и молилась, чтобы экспедиция увенчалась успехом. Увы! Лично мне поход на Пичинчу дал немало интересного — я собрал ценный зоологический материал, но тещу мои находки нисколько не радовали,

и она дала мне понять, что не стоило тратить время на поиски никому не нужных тварей.

Моя теща — неисчерпаемый источник историй о кладах. Некоторые из них основываются на документах и звучат весьма правдоподобно, другие же — чистые басни и легенды. Ее внуки готовы слушать их без конца, что не мешает им потихоньку посмеиваться над бабушкой. Зато сама теща непоколебимо верит во все эти рассказы. Верит в существование всевозможных сверхъестественных вещей и созданий, вроде заколдованных гор, косматых лесных людей с вывернутыми ступнями (чтобы их нельзя было выследить), летающих людей и так далее в этом же роде. В мире ее представлений все это кажется вполне естественным и даже не очень страшным. Каждый раз, когда я отправлялся на охоту, на поиски живых экспонатов для моих коллекций, теща не забывала напомнить, чтобы я постарался поймать животное, которое она называла карбункель. Судя по ее описанию, оно принадлежит к кошачьим, но отличается от прочих зверей прежде всего тем, что у него горит во лбу огромный алмаз. Отец тещи будто бы поймал однажды такого карбункеля на склонах Чимборасо, только зверьку удалось, к сожалению, удрать.

«Представь себе, — сказала она мне как-то раз, — сколько заплатил бы за такого зверя какой-нибудь зоопарк или музей! Я почти уверена, что его не найдешь ни в одной коллекции».

Я тоже почти убежден в этом. Что и говорить, славная была бы добыча!

Бывает, теща вдруг пропадает из дому, и ни тесть, ни кто-либо другой в семье не знает, куда она делась. А спустя недельку пропавшая возвращается; причем нередко ее возвращению предшествует телеграмма из какого-нибудь отдаленного уголка Эквадора с просьбой к мужу выслать ей денег на дорогу. Подробности тещиных путешествий всегда остаются тайной, однако никто не сомневается, что речь шла о кладе, золотом руднике или еще о чем-нибудь в этом роде.

Однажды мы с женой отправились в киноэкспедицию в провинцию Имбавура. И тут в одной индейской деревушке мы случайно обнаружили, что местные жители очень хорошо знают мою тещу.

Оказалось, она часто навещала эту деревню; один из индейцев, по имени Мессия, показал нам с гордостью дорогую куклу, которую она подарила его младшей дочери.

Дома, в Кито, жене удалось выведать, зачем теща ездила к индейцам.

Как-то раз Мессия, работая на гасиенде, заметил, что управляющий и несколько рабочих заняты раскопками. Мессию стало разбирать любопытство; вечером он прошел к тому месту и обнаружил глубокую яму. Тогда он спрыгнул в нее и стал рыться в земле...

И надо же было случиться так, что ему попался большой глиняный сосуд! А в том сосуде лежала золотая курица с изумрудными глазами да еще двенадцать золотых цыплят. Самый большой из них был величиной с обычного цыпленка, затем шли всё меньше и меньше, и самый маленький был не больше шмеля. Мессия отнес находку домой и тщательно спрятал. Когда управляющий пришел на следующий день продолжать раскопки, то сразу заметил, что кто-то побывал в яме, однако так и не смог выяснить, кто именно. А через несколько дней один из пеонов^[9] донес ему, что Мессия прячет дома золотую курицу с целым выводком цыплят. Мессию допросили, но он все отрицал, а обыск ничего не дал, потому что он успел перепрятать свое сокровище в лес.

Каким образом слух о кладе дошел до ушей тещи, не знаю; впрочем, ее агентура работала в таких случаях с поразительной эффективностью. Как бы то ни было, она отправилась в Имбавура и отыскала Мессию. А тот не имел ничего против того, чтобы обменять свою находку на хрустящие бумажки.

— Только, — сказал он, — сейчас я еще не решаюсь идти за кладом, потому что управляющий приставил ко мне шпионить одного пеона.

Теща навещалась в деревню к Мессии довольно часто и неизменно привозила дорогие подарки: сигары и вино самому Мессии, сардины и шоколад — его жене, игрушки и конфеты — детям. Разумеется, ее принимали с неизменной радостью, и каждый раз хозяин искренне сокрушался, что шпион по-прежнему не сводит с него глаз. В конце концов теща потеряла терпение и прекратила поездки.

«Значит, мама, вы поняли, что он вас обманывал?» — спросила моя жена.

«Обманивал? Ну, нет! — ответила теща. — Скорее всего, этот мошенник уже продал кому-нибудь и курицу и цыплят...»

В доме моего тестя в Кито, обставленном на англо-экуадорианский лад, я не раз встречал странных и необычных гостей: престарелых индейцев с потухшим взором, мрачных, свирепых бородачей... В самом начале знакомства с родителями моей жены я выразил как-то удивление по поводу этих загадочных визитов.

«Это всё приятели Клары! — сообщил мне тесть доверительно, скривив лицо в гримасе. (Клара — это и есть моя теща.) — Каждый из них знает, где зарыт клад, и ищет желающих финансировать поиски. О, если бы только Клара поняла, что величайшее сокровище, которым она когда-либо обладала и будет обладать, — это я!.. Да, кстати, у тебя нет противогаза? Кларе нужен. И еще ей, разумеется, нужен кто-нибудь, кто согласился бы надеть этот противогаз и забраться в одну из ее пещер, полную ядовитого газа и золотых слитков... А теперь учти, что я тебя предупредил, и не вздумай опять обещать...»

«Но почему? — спросил я. — Вдруг там и в самом деле...»

«Господи помилуй! — простонал мой тесть. — И ты тоже! Кажется, вы все начинаете сходить с ума!»

«Гм... — ответил я. — А что вы скажете про золотой рудник Сан-Энрике в Самора?.. Говорят, он назван в честь моего тестя, Энрике Робинсона, который был одним из пайщиков!»

«О-о-о, то было совсем другое дело! — воскликнул тесть, слегка смутившись. — Совершенно другое!»

Особенно часто появляется в доме моего тестя в Кито маленький индеец по имени Хосе. Он знает одну пещеру (речь идет почти всегда о пещерах) на склоне вулкана Пичинча. Я и сам успел уже побывать в двух пещерах на этой горе, но это еще какая-то третья. Перед входом в нее стоит вытесанный в камне индеец с копьем в руках. Внутри пещеры — другие скульптуры, поменьше; они расставлены в нишах вдоль стен. И, наконец, в ней есть золотые слитки. Много лет назад Хосе ходил в эту пещеру с одним немцем, и они взяли там столько золотых слитков, сколько могли унести. Правда, Хосе лишь потом сообразил, что это были именно золотые слитки...

Немец погиб вскоре при авиационной катастрофе, и теперь никто, кроме Хосе, не знает, как пройти к пещере. Почему он до сих пор не забрал сокровище? Дело в том, что он ждал, пока его старший сын —

ему сейчас десять лет — подрастет настолько, чтобы можно было взять его с собой. В такой поход надо идти вдвоем: нести палатки, канаты, провиант и все такое. Ну, и, разумеется, золотые слитки. Подойти к пещере не так-то просто. В одном месте из горы каждые пятнадцать минут вырываются газы, а путь проходит по узкому карнизу. Внизу под обрывом белеют три скелета; видно, были уже желающие, да только оказались чересчур медлительными. Особенно труден самый последний участок: надо спускаться по стене пропасти на канате, и если спутник ненадежный, то можно ждать чего угодно — ему может, например, прийти в голову перерезать канат...

Если Хосе открыл мне свою тайну, то, разумеется, исключительно благодаря теще. Она завоевала полное доверие Хосе и даже устроила его на работу на фабрике тестя. («Дай только волю Кларе, — говорил тесть, — и скоро на фабрике будут работать одни кладоискатели».) Теща рассказала индейцу, какой я замечательный, благородный человек и какое у меня замечательное снаряжение, и вот Хосе, после некоторых колебаний, решил предложить мне выступить в поход вместе с ним. А я, не в силах сказать «нет», конечно, обещал рискнуть жизнью ради тещи. Придется когда-нибудь исполнить это обещание...

Даже в самой столице Эквадора, Кито, орудуют кладоискатели, вооруженные ломami и кирками. Впрочем, это не так уж удивительно. История Эквадора полна смут и политических переворотов. Освобождение от испанского владычества стоило потоков крови и многих человеческих жизней; немало жертв потребовали и частые революции. В смутные времена люди нередко зарывали в землю или прятали иным образом свои деньги и драгоценности. А потом могло случиться, что владелец клада скоропостижно умирал, унося с собой тайну в могилу.

Многие клады были впоследствии обнаружены. Огромное состояние одной из самых известных семей страны зародилось именно из такой находки. Эта семья купила в Кито старый дом, а когда его начали сносить, чтобы построить новый, то под каменным полом нашли целое сокровище!

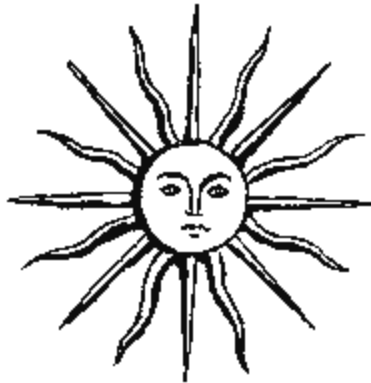
Еще один клад был найден года два-три назад. Несколько рабочих, занятых на прокладке водопровода, откопали сундук с церковной утварью, иконами и распятиями из серебра и золота. Предполагают,

что эти предметы были спрятаны каким-нибудь монахом в 1767 году, когда из Эквадора выслали всех иезуитов.

Разумеется, моя теща тоже искала клады в Кито; пока что безуспешно. А однажды она попала в неприятную историю. Она сняла старый дом, в котором надеялась найти сокровище, и принялась взламывать полы. Кончилось тем, что стены дома обвалились и ей пришлось потом объясняться не только с хозяином, но и с полицией!

Впрочем, теща знает столько заветных мест, что, сколько бы надежд ни рушилось, у нее в запасе остаются еще тысячи новых. К тому же ей приснился вещий сон, будто бы я разыскал самый большой из всех существующих кладов: инкское золото, скрытое в Льянганати, таинственной горной стране на востоке Эквадора. Разве этого не достаточно, чтобы спокойно смотреть в будущее?

Недоверчивый читатель спросит, вероятно: существуют ли вообще на свете какие-либо инкские клады или все это полнейшая ерунда? Но нет, история сообщает нам немало достоверных данных...

2

ИНКСКОЕ ЗОЛОТО

Вот что рассказывает история.

В 1532 году испанский завоеватель Франциско Писарро взял в плен инкского императора Атауальпу в Кахамарке, в Перу, проявив при этом, во имя святой церкви, вероломство и нечеловеческую жестокость. Атауальпа и его приближенные прибыли по приглашению Писарро в его лагерь на пир. Они явились безоружные, наивно веря, что пришельцы — благородные люди, но испанцы в страшном побоище истребили приближенных Атауальпы, а самого императора захватили в плен. Слишком поздно узнал владыка инков подлинную природу этих белых. Оказалось, что это не сыны Солнца, как думали многие. (Согласно преданию, предки инков были белые и сошли на землю из дворца бога Солнца; пророчество гласило, что бог Солнца снова придет на землю белых людей.) Нет, эти белые были не сыны Солнца, а коварные люди, невероятно свирепые и обуреваемые ненасытной жадой золота! Ради золота они преследовали, пытали и убивали... И золотом решил теперь Атауальпа купить себе свободу.

Атауальпа обратился к Писарро и сказал: «За свободу я дам тебе столько золота, сколько нужно, чтобы закрыть весь пол в этом помещении».

Помещение, где заперли Атауальпу, было большим: шесть метров в длину и четыре метра в ширину. Испанцы, сопровождавшие Писарро, обменялись недоверчивыми взглядами: они не могли поверить, что император в состоянии собрать такое богатство. Но Атауальпа не понял их взглядов — решил, что они хотят получить еще больше. Тогда он поднял руку и дотронулся кончиками пальцев до стены: «Вот до этих пор я наполню помещение золотом!»

Конквистадоры^[10] расхохотались. Все, кроме Писарро. Он много слышал о сказочных богатствах инкского государства и поверил Атауальпе. Писарро провел на стене около пальцев пленника красную черту, вызвал писца и приказал ему сделать запись об обещании инкского императора. Пленник обязался еще наполнить соседнее помещение — поменьше — серебром.

В тот же день Атауальпа разослал гонцов во все концы своего обширного государства с приказанием доставить в Кахамарку золотые и серебряные изделия, которые украшали храмы, дворцы и общественные здания.

Подданные Атауальпы немедленно приступили к выполнению воли императора, и вскоре сотни носильщиков устремились, в лагерь Писарро, сгибаясь под драгоценными ношами. Испанцы пожирали алчными глазами огромные богатства... Но шли недели, а большей части выкупа все еще не хватало. Писарро овладело нетерпение; волновался и его пленник, истосковавшийся по свободе. Тогда Атауальпа, чтобы ускорить уплату выкупа, предложил направить испанских гонцов с охранными грамотами в столицу империи, Куско, а также в храм Пачакамак, где скопились небывалые сокровища — дары тысяч паломников. Так и сделали, и гонцы вернулись в Кахамарку с новыми ценностями.

Но инкского императора снова подстерегало коварство и обман. Под влиянием своих воинов, а также чернорясников,^[11] опасавшихся, что Атауальпа готовит тайный заговор, Писарро устроил «суд», и пленника приговорили к смертной казни. Инкский император был убит; тем самым Писарро вписал одну из самых черных страниц в мрачную и без того историю испанской захватнической войны.

Доставленное в Кахамарку золото и серебро было поделено.

Его оцепили в 40 860 серебряных марок и 1 014 126 золотых песо. Серебряная марка отвечает примерно тридцати граммам серебра, а

золотое песо — монета, которую можно приравнять к ста шведским кронам. Таким образом, общая стоимость добычи превышала сто миллионов шведских крон. Пятая часть причиталась испанскому королю, остальное поделили конквистадоры, соответственно званию и положению. Львиная доля досталась Франциско Писарро — около семи миллионов крон. В числе прочего он получил трон, отлитый из чистого золота.

В момент гибели Атауальпы тысячи инков шли в Кахамарку с золотом и серебром в счет выкупа, но, как только распространилась весть об убийстве императора, все эти сокровища были немедленно спрятаны от испанцев. Конквистадоры поняли, что надо действовать быстро, если они надеются присвоить себе еще что-нибудь из сказочных сокровищ инков. Сам Писарро двинулся на юг, в Куско, а капитан Себастиан де Бенадькасар выступил на север, в сторону нынешнего Эквадора.

Писарро захватил немалую добычу, зато Бенадькасару не повезло. Придя в Кито, он обнаружил, что город разрушен. От храмов и дворцов оставались одни лишь дымящиеся развалины, а все золото и драгоценности исчезли. Организатором этого опустошения был Руминьяуи, один из великих полководцев Атауальпы. Он шел в Кахамарку с огромным караваном золота, когда распространилось известие о гибели императора. Руминьяуи поспешил вернуться в Кито, провозгласил себя главой государства и собрал войско для отпора белым захватчикам. Однако его усилия оказались безуспешными. Он был разбит в сражении у Тиокаха, отступил в Кито и сровнял город с землей. Руминьяуи проявил при этом большую жестокость, приказав убить священных дев Солнца^[12] и многих других, кого подозревал в сочувствии испанцам. Около пяти тысяч человек покинули город, унося огромные сокровища храмов и дворцов — золото, серебро, драгоценные камни. Вместе с Руминьяуи шли высшие индейские сановники, в том числе двое сыновей Атауальпы. Однако его продолжала преследовать неудача: несколько времени спустя Руминьяуи попал в плен к Бенадькасару поблизости от Пильяро. Но золото он успел спрятать, и, несмотря на то что его самого и его людей подвергли зверским пыткам, тайна клада осталась нераскрытой.

Первый официальный летописец испанцев, Фернандес де Овидео, сообщает, что караван Руминьяуи унес 70 тысяч карга (нош) золота.

Оно было спрятано так надежно, что удалось найти лишь ничтожную часть, «...хотя Беналькасар, стремясь раскрыть тайну, убил и пытал огнем многих видных индейцев Кито и окрестностей». Знатоки переводят эти 70 тысяч нош на деньги, и получается астрономическое число — 3500 миллионов шведских крон, что, естественно, звучит совершенно невероятно!

О стойкости индейцев во время пыток Овидео пишет, что «...когда начинали пытать трех или четырех индейцев, добиваясь от них признаний, то случалось, что один из них говорил: «Остальные знают!» Когда же остальные подвергались допросу, то отвечали, в свою очередь, то же самое и погибали медленной и мучительной смертью, не дав никаких сведений».

Небольшая часть спрятанного золота попала все-таки в руки испанцев; как это произошло, рассказывает документ, хранящийся в городском архиве Кито. Хотя история эта звучит сказкой, уверяют, что она полностью отвечает действительности.

В 1564 году в Кито умер индеец по имени Кантунья, и с его смертью обнаружили удивительные вещи.

Когда Кито был подвергнут разрушению, Кантунье исполнилось всего несколько лет. Его отец, Уалька, находился в числе людей Руминьяуи, участвовал в разрушении города и вывозе сокровищ, затем бежал в горы. Уалька решил, что сын погиб и погребен под развалинами. Но мальчик был жив. Обожженный и изувеченный, он на всю жизнь остался горбатым калекой. Лицо Кантуньи было настолько изуродовано, что «он напоминал демона». Оставшись без отца, без родных, которые могли бы позаботиться о несчастном горбуне, он стал работать у испанцев, причем с такой преданностью, что скоро завоевал всеобщую любовь. Спустя некоторое время мальчик был взят слугой в дом некоего Эрнана Суареса, «богобоязненного человека, доброго христианина, отличавшегося высокой нравственностью». Суарес быстро убедился, что Кантунья весьма одарен и заслуженно пользуется доброй славой. Он научил горбатого мальчика читать и писать и постепенно привязался к нему, как к родному сыну.

Неблагоприятные обстоятельства привели к тому, что Суарес потерял все состояние и, впад в крайнюю нужду, решил продать дом, свое последнее имущество, чтобы рассчитаться с долгами. Услышав об этом, Кантунья попросил Суареса не продавать дом, а сделать в нем

подвальное помещение и плавильную печь. Он вызвался доставить Суаресу столько золота, что тому больше никогда не придется думать о деньгах. Но хозяин должен был обещать никому не показывать золото до переплавки и никогда не говорить, от кого получены драгоценности.

Суарес послушался, построил с помощью Кантуньи подземелье с плавильной печью. Когда работа была закончена, индеец в один прекрасный день исчез и вернулся ночью, неся столько индейских золотых изделий, что их общая стоимость достигала 100 тысяч золотых песо.

Никто не мог понять, каким образом Суарес вдруг разбогател; только отныне у него всегда водились деньги, и он охотно помогал бедным. Суарес умер в 1550 году, назначив Кантунью своим наследником. Помимо золота, молодой индеец унаследовал также дом, стоявший поблизости от монастыря Святого Франциска.

Несмотря на то что Суарес был очень замкнутым и ни разу не проговорился, в городе ходили слухи, будто богатство получено им от Кантуньи. Слухи эти казались тем правдоподобнее, что наследник Суареса постоянно делал большие дары церкви и раздавал много денег бедным. Власти предложили ему сообщить, откуда у него такое состояние. Кантунья охотно согласился, и судьи получили такой ответ, что у них отпало всякое желание задавать новые вопросы и добираться до сокровищ Кантуньи.

Он заявил, что действительно дал Суаресу, а затем и многим другим большое количество золота и что может раздобыть еще сколько угодно, потому что вступил в сношения с дьяволом. В обмен за богатство он отдал душу, соглашение с дьяволом подписал собственной кровью. Испанские господа ни на минуту не усомнились в правдивости слов индейца: в то время было распространено убеждение, что индейцы стоят на короткой ноге с чертом. Священники прониклись глубоким сочувствием к Кантунье. Они принялись заклинять дьявола и убеждали индейца нарушить соглашение и вернуться в лоно господне. Больше всех старались его соседи, францисканцы,^[13] получившие особенно крупный дар. Кантунья отверг, однако, их старания, проявив непоколебимое упорство, и заявил, что предпочитает жить в довольстве до конца своих дней. Испанцы относились к нему кто с отвращением, кто со страхом и сожалением.

Когда Кантунья умер, к его телу со всех концов явились служители церкви; они покрыли умершего священными реликвиями и вознесли горячие молитвы за упокой его души. Затем дом обыскали, и тут было обнаружено потайное помещение с плавильной печью. Здесь лежало много золотых слитков, а также непереплавленных изделий. Только теперь испанцы открыли, что индеец провел их, что богатства были добыты из неизвестного тайника, а не от дьявола. Но так как Кантунья никому не выдал своего секрета, тайник так и остался необнаруженным.

Предания и старинные рукописи сообщают, будто другая часть выкупа Атауальпы, притом самая большая, была спрятана в районе Кинара, в Южном Эквадоре.

Летописцы указывают, что среди восьми тысяч индейцев, которые шли с семьей хуандо золота в Кахамарку (хуандо — большой груз, его несли на носилках одновременно много людей), был юноша, попавший впоследствии каким-то образом в Лиму. Здесь он нанялся на службу к иезуитам и прожил у них до глубокой старости. В благодарность за хорошее обращение индеец рассказал иезуитам, где находится кинарский клад. В числе других примет он назвал необычайного вида камни с вытесанными на них знаками. На одном из камней изображено лицо, обращенное в сторону клада.

Иезуиты досконально записали указания старого индейца и послали человека в Кинара на поиски клада. Посланный без труда нашел описанное место и приступил к раскопкам. Но камни со знаками ему обнаружить не удалось, а тут деньги подошли к концу, и он возвратился ни с чем в Лиму. Здесь он доложил, что индеец, скорее всего, все сочинил, и иезуиты не стали делать новых попыток.

Запись иезуитов переходила из рук в руки, и многие пытались счастья после них. Некий сеньор Браво безуспешно производил раскопки в XVII веке, а в начале XVIII века несколько жителей города Лоха учредили компанию для добычи вклада — и тоже безрезультатно.

В 1787 году капитан Ромеро нашел в ущелье Гуауанга, близ Кинара, большое количество инкского золота. Документы того времени сообщают, что губернатор Лоха, генерал Педро Хавье, проведаль о находке и взыскал часть, причитающуюся по закону казне.

Поощренный успехом Ромеро, Педро Хавье решил сам заняться раскопками. Они обошлись ему в 8000 песо — значительная по тому

времени сумма, — но зато губернатору повезло больше, чем его предшественникам. Он нашел камни, о которых некогда говорил индеец, в том числе даже и камень с изображением лица. К сожалению, лицо заметили уже после того, как камень вытащили из ямы и несколько раз перевернули. Таким образом, губернатор не мог воспользоваться самым главным указанием: в каком направлении искать клад. Подавленный неудачей, он прекратил работы.

В XX веке раскопки продолжались. Особенно усердно искал сокровище немец Эрнст Витт, который призвал на помощь геодезию. Эрнст Витт считает, что познания инков в математике и географических измерениях были значительно выше, чем мы предполагаем; он обнаружил поразительные доказательства этого. Витт убежден, что подошел вплотную к цели — какой кладоискатель не убежден в этом! — и ищет теперь в долине Писковамба последнюю недостающую точку, необходимое звено в его расчетах. Предполагается, что в районе инкской столицы Куско укрыт еще один огромный клад. Правда, летописец Педро Писарро сообщает, что часть этого клада была обнаружена в пещере. При этом, к немалой печали индейцев, нашли золотую статую первого великого инкского владыки, которую инки считали священной реликвией. Кроме того, здесь лежали золотые омары и множество блюд с рельефными изображениями птиц, змей, пауков, ящериц и других животных. Все эти предметы были слишком хрупкими, поэтому их и спрятали в пещере, а не зарыли в землю.

О кусковом кладе рассказывают немало историй. Правда, они производят малодостоверное впечатление, но одна из них настолько занимательна, что я все же перескажу ее здесь.

В 1814 году индейский вождь Пумакауа задумал поднять восстание против испанских угнетателей. Дело происходило в Чинчеро, в Перу; у Пумакауа был среди испанцев друг, некий полковник Доминго Луис Астете, которого он решил привлечь на свою сторону. Астете не возражал, но заметил, что для революции необходимо много людей и много денег. Пумакауа ответил, что людей он обеспечит — нет того индейца в Новом Свете, который не выступил бы на его стороне, — а что касается денег, то он может раздобыть достаточно для ста революций. Астете посчитал это бахвальством, но Пумакауа вызвался на определенных условиях показать ему сокровища.

Вечером вождь пришел в дом своего испанского друга в Куско в сопровождении рослого, сильного индейца. Они завязали Астете глаза, затем индеец взвалил его себе на спину. После короткого перехода испанца опустили на землю и развязали ему глаза. Астете увидел квадратное помещение, а приглядевшись, обнаружил в дымном свете факела зрелище, от которого у него дух захватило. Вдоль стен тянулись длинные полки, а на них стояли статуи инков, ростом с двенадцатилетнего подростка — все из чистого золота. Рядом лежало множество ваз и блюд из золота и серебра, громадные золотые пумы с изумрудными глазами и груды золотых слитков; один такой слиток Пумакауа подарил другу.

Астете догадался захватить из дому гагатовые четки; на обратном пути он оборвал нитку и ронял одну бусинку за другой. Испанец рассчитывал с их помощью найти тайник! Всю ночь он просидел, разглядывая свой слиток и лелея радужные мечты, а едва рассвело, вышел на улицу, чтобы пройти за бусинками к тайнику. Представьте же себе удивление Астете, когда он вдруг столкнулся с Пумакауа, который приветствовал его с величайшей сердечностью и протянул горсть бусинок, говоря: «Пожалуйста, дорогой друг, — вы, кажется, потеряли вот это вчера».

ДЕРРОТЕРО ВАЛЬВЕРДЕ

Если из города Амбато, расположенного в высокогорной части Эквадора, вылететь курсом ост-норд-ост (для этого необходима хорошая погода, бывающая здесь очень редко) в маленький городок Тена, в джунглях, поблизости от реки Напо, то, пролетев сто километров, вы пересечете, пожалуй, наиболее пустынную часть Эквадора: совершенно необитаемую, практически неизученную и лишь частично нанесенную на карту область Льянганати. На обычном рейсовом самолете это путешествие займет минут двадцать — двадцать пять. А между тем один британский офицер, привычный к тяжелым переходам, потратил свыше семидесяти дней на то, чтобы пройти около трети этого пути! Льянганати — исключительно трудный для передвижения край, к тому же здесь ужасный климат — почти круглый год дождь и туман. И, наконец, путешествия по этой горной стране осложняются частыми обвалами, оползнями и наводнениями. Но и это не все: в более низких местах, покрытых почти непроходимыми субтропическими джунглями, в определенные времена года жизнь отравляют тучи насекомых.

Кого, кроме ученых — ботаников, зоологов или геологов, — может привлечь такой край!

И тем не менее то, что мы знаем о Льянганати, известно не от ученых. Подобно тому, как Франциско де Орельяна в погоне за неисчислимыми сокровищами Эльдорадо сделал выдающееся географическое открытие, обнаружив величайшую реку мира — Амазонку, так золотоискатели и кладоискатели (иногда стыдливо прикрывавшиеся званием исследователей) дали нам немногочисленные имеющиеся сведения о Льянганати. При этом больше всего их манил так называемый клад Вальверде, содержащий невероятное количество инкского золота.

Вальверде был испанский солдат. В конце XVI века, несколько десятилетий спустя после завоевания инкской империи испанцами, он поселился в городе Латакунга. Здесь он женился на индианке и вскоре после этого загадочным образом стал обладателем огромного богатства. Прошел слух, что отец индианки, касик (то есть вождь), живший поблизости, в городе Пильяро, провел Вальверде к тому месту в Льянганати, где хранится сокровище.

Вальверде уехал со своими богатствами в Испанию, а перед смертью завещал испанскому королю документ, известный под наименованием Эль дерротеро де Вальверде, с описанием пути к тайнику в Льянганати, где он нашел золото. Король незамедлительно отправил документ Вальверде своим чиновникам в Латакунге и Амбато с повелением снарядить экспедицию за кладом.

И вот в Льянганати выступила экспедиция во главе с латакунгским губернатором и неким падре Лонго. Поначалу все выглядело весьма многообещающе: благодаря тщательным, подробным указаниям Вальверде найти дорогу не представляло никакой трудности. Но всего в одном-двух дневных переходах от цели произошла беда: падре Лонго исчез ночью из лагеря, исчез бесследно, при необъяснимых обстоятельствах. Несколько дней его тщетно искали в окружающих лесах и ущельях, после чего экспедиция вернулась в Латакунгу ни с чем.

Неизвестно почему, но новых экспедиций не снаряжали, а дерротеро Вальверде поступило на хранение в латакунгский городской архив. Там документ лежал до тех пор, пока сто пятнадцать лет назад какому-то кладоискателю не пришло в голову выкрасть его. Впрочем, большой беды в этом не было, потому что дерротеро успели скопировать — и не один раз.

Вот как начинается этот удивительный документ:

«Очутившись в городе Пильяро, спроси гасиенду Мойя и в первую ночь разбей лагерь, порядком отойдя от нее, затем спроси Серро Гуапа (гору Гуапа). Став спиной к Амбато, в ясную погоду посмотри с вершины горы на восток — ты увидишь три Серрос Льянганати,

образующие треугольник. На их склонах находится искусственное озеро, в него было брошено золото, приготовленное для выкупа Инки (убитого испанцами императора Атауальпы), когда стало известно о его смерти...»

Следует подробное описание пути с указанием различных географических точек. Всего потребуется пять дней, чтобы выйти к тайнику. В одном месте говорится, в частности:

«...на левом склоне горы ты должен найти обшитую золотом гуайра — так называли в старое время печи для плавки металла».

Можно ли верить дерротеро Вальверде? Послушайте, что говорят об этом два человека, подробно изучивших вопрос. Один — ботаник Ричард Спрюз, известный ученый и критический наблюдатель. Спрюз побывал в Эквадоре сто лет назад, услышал о необычайном документе и произвел тщательные исследования. О результатах своих изысканий он сообщил Королевскому географическому обществу в Лондоне. Спрюз, по его словам, собрал неопровержимые доказательства того, что дерротеро было послано испанским королем чиновникам в Латакунге и Амбато. Географические сведения в документе точно соответствовали действительности; только человек, хорошо знавший Льянганати, мог составить такое описание, считал Спрюз.

Позднее другой исследователь, эквадорский географ Люсиано Андраде Марин, также тщательно изучил вопрос и пришел к выводу, что Вальверде — действительно существовавшее лицо и документ подлинен.

Помимо дерротеро Вальверде, кладоискатели, проникавшие в Льянганати, имели обычно с собой и другой документ — карту, составленную Анастасио Гусманом.

Гусман — испанский ботаник; он прожил некоторое время в Пильяро, откуда не раз выходил на поиски золота и других ископаемых в Льянганати, а также, разумеется, на поиски клада Вальверде. Золота он не обнаружил, зато нашел много серебряных и медных рудников инкского времени и открыл месторождения других ископаемых.

Вместе с несколькими компаньонами Гусман даже наладил работу в некоторых рудниках. Однако скоро ее пришлось прекратить: с одной стороны, начались расхождения между совладельцами, с другой — и это сыграло, очевидно, главную роль, — они решили, что это слишком уж трудоемкий способ сколачивать богатство, когда под рукой находится золотой клад Вальверде.

А в 1806 году Гусман погиб. Он был лунатиком; гостя на гасиенде «Лейто», отправился ночью во сне на прогулку, упал с обрыва и разбился насмерть. После него осталась карта Льянганати, на которой Гусман пометил свои маршруты. Карта эта отличается в одно и то же время поразительной точностью и обилием выдумок. Так, Гусман нарисовал тут и там курящиеся вулканы, которых нет в действительности. Ричард Спрюз отыскал карту Гусмана, снял с нее копию и разослал разным лицам.

Много экспедиций ходило по следам первой — той самой, которая кончилась таинственным исчезновением падре Лонго, и много новых трагедий произошло. Однако никому не удалось найти клад. До какого-то определенного места следовать указаниям дерротеро не представляло никакого труда, но потом начинались осложнения.

О попытках, совершенных в XVIII и XIX столетиях, известно очень мало. Во всяком случае, в 1812 году — шесть лет спустя после смерти Гусмана — генеральный губернатор Монтес разослал своим подчиненным циркуляр, в котором предлагал им заняться поисками клада.

О кладоискателях XX века нам известно больше.

В 1912 году американский полковник Брукс совершил поход с романтическим началом и трагическим концом. Полковник Брукс влюбился в прекрасную эквадорианку Исабелу, и она последовала за ним в экспедицию. Увы, Исабела умерла в Льянганати, проводники и носильщики бросили полковника, и ему пришлось бродить в одиночку в пустынном краю, пока спасательная экспедиция не разыскала его — полусумасшедшего и страшно истощенного. Брукс вернулся в Соединенные Штаты и вскоре скончался.

В начале XX века в Льянганати несколько раз побывал австриец Тур де Коос. Он повел дело основательно и съездил, в частности, в Севилью, чтобы ознакомиться с Аркиво де Индиас — архивом, в котором собраны тысячи документов времен испанских завоеваний. Утверждают, будто ему удалось отыскать там подлинник дерротеро Вальверде. Из своей последней экспедиции в Льянганати Тур де Коос привез якобы найденное в озере золото. После этого он отправился в Европу, чтобы раздобыть капитал для новой большой экспедиции, оснащенной водолазным снаряжением. Однако в тот момент, когда Тур де Коос, раздобыв денег и приобретя всевозможное снаряжение, подплывал уже к Португалии, откуда должен был двинуться опять в Эквадор, в Льянганати, он умер от воспаления легких.

Но упорнее всех разыскивал клад Вальверде франко-американец Ричард д'Орсей, проводший в Льянганати много лет. В трех-четыредневных переходах от Пильяро (примерно там, где дерротеро начинает путать) он устроил базу — удобный лагерь с достаточными запасами провианта и снаряжения. Д'Орсей проводил в Льянганати девять месяцев в году, остальные три месяца жил в Кито, в благоустроенной гостинице с первоклассным баром. Истратив последние гроши и не найдя золота, он вернулся в конце концов в Соединенные Штаты. А недавно его имя промелькнуло в репортаже о большой горнорудной компании. Д'Орсей по-прежнему мечтает о Льянганати и объявил интервьюеру, что думает вернуться туда, как только соберет 50 тысяч долларов.

Пятнадцать месяцев провел в общей сложности в Льянганати известный английский путешественник Дайотт (много лет назад он снарядил большую экспедицию на поиски исчезнувшего в Гран Чако полковника Фосетта[14]). Не раз ходил в Льянганати поселившийся в Эквадоре итальянец Туллио Бошетти. Уже упомянутый выше географ, эквадорец Андраде Марин участвовал в одной из экспедиций Бошетти в 1933–1934 годах и написал о своих наблюдениях и впечатлениях книгу, которая содержит наиболее подробное из существующих на сегодня описаний Льянганати. Подводя итог пережитым лишениям, Андраде Марин заключает:

«...должен сказать, что мое возвращение в Пильяро потребовало предельного напряжения сил, на какое только способен истощенный человек, прилагающий остатки физической энергии, чтобы вернуться к жизни из области, которая скорее, чем какая-либо другая в мире, заслуживает быть помеченной на карте устрашающей надписью: НАВСЕГДА НЕ ПРИГОДНА ДЛЯ ОБИТАНИЯ».

Список экспедиций XX века можно продолжить, но я скажу еще в заключение только об экспедиции шотландского капитана Эрскина Лоха. Шотландец не пожалел средств на розыски золота Вальверде; именно знакомство с Лохом родило также и во мне желание попытаться счастья, хотя его рассказ, казалось, должен был только отпугнуть меня. Лох называл Льянганати «страной лживых обещаний и разбитых надежд», экспедиция чуть не стоила ему жизни.

Капитан Лох был высокий, статный мужчина; служил в британской армии в Африке и Индии и участвовал в ряде кампаний. Оставив военную службу, он совершил немало смелых путешествий в разных частях света. Дошел и до Лоха слух о кладе Вальверде, и в марте 1937 года он отправился туда во главе большой экспедиции. Трудно было выбрать худшее время для похода: единственный сезон с относительно сносной погодой в Льянганати (и то если повезет) — с конца октября по начало января.

В Пильяро капитан встретил старика по имени Хосе Игнасио Кинтерос, который отдал всю свою жизнь поискам клада Вальверде и провел в Льянганати чуть ли не еще больше времени, чем д'Орсей. Кинтерос умолял Лоха взять его с собой. Он уверял, что разобрался во всех ошибках, сделанных предшествующими экспедициями, и обнаружил важные следы и ориентиры. Старый кладоискатель клялся, что приведет экспедицию к великому сокровищу. Лох принял его в свой отряд.

И вот путешественники выступили в поход. С первого же дня установилась отвратительная погода: дождь, резкий ветер, а в более высоких местах и снег. Был период, когда дождь лил тридцать девять дней и ночей подряд! Однажды ночью прошел особенно сильный ливень, и лагерь экспедиции затопило. Лоху пришлось до утра

просидеть на дереве, немалая часть провианта и снаряжения была испорчена и унесена водой. Носильщики стали ворчать, а затем и дезертировать. Старик Кинтерос, который поначалу вел отряд с большим энтузиазмом, внезапно резко переменялся: он весь ушел в себя, держался как-то странно, потерял ориентировку и в конце концов совершенно пал духом. Лишь много времени спустя, уже в Пильяро, его отпустила эта «болезнь Льянганати» — психическая депрессия, которую испытал не один человек и которая побудила народ назвать этот край «заколдованным».

В дальнейшем Лох вышел к озеру, где якобы нашел свое золото Тур де Коос и где побывал также полковник Брукс. В тот день, вопреки всем законам местной природы, царила чудесная погода. И что же они увидели? На дне озера сверкало золото! ЗОЛОТО! С радостным криком один из пеонов бросился в воду и вернулся, блаженно улыбаясь, с полными горстями... кошачьего золота! Прошло несколько минут, прежде чем до него дошла истина, и он расплакался, как ребенок.

Но Лох не захотел смириться с неудачей. «Неужели Тур де Коос не умел отличать слюду от золота?» — спрашивал он себя и решил взять еще несколько проб со дна озера. Пеоны связали плот из камыша, и один из членов экспедиции выплыл на озеро (оно оказалось очень мелким). Наскоро сделанной ручной драгой он добыл множество проб — во всех них была только слюда.

К этому времени почти все носильщики успели уже разбежаться, продолжать экспедицию было невозможно. Капитан Лох вернулся в Пильяро, затем поехал в Кито. Здесь он обратился к президенту Паесу и заручился помощью эквадорианских саперных частей в обмен на обещание произвести измерения и картографические работы для Эквадора.

Вторично Лох двинулся в Льянганати; помимо каравана носильщиков, с ним шли офицер и семнадцать солдат. Экспедиция взяла с собой много вьючных животных, однако это оказалось ошибкой. Тех мулов, которые не утонули в болотах и реках, не сорвались в пропасти и не погибли от истощения и бескормицы, пришлось отправить обратно в

Пильяро. Погода оставалась отвратительной, и снова люди Лохы столкнулись с непосильными лишениями; индейцы-носильщики ушли, их примеру последовали метисы, а из семнадцати солдат очень скоро только семеро были в состоянии двигаться дальше.

В невероятно тяжелых условиях экспедиция продолжала поиски клада Вальверде. И все-таки пришлось опять возвращаться ни с чем. Но Лох не сдавался: он знал, что многие реки, текущие из Льянганати на восток, к Амазонке, золотоносны. Если не удалось найти клад Вальверде, то можно в том же краю открыть богатые золотые месторождения, говорил он себе. Итак, большинство участников экспедиции вернулись в Пильяро, а капитан Лох вместе с одним пеоном и двумя солдатами продолжал путь к Рио-Напо.

Это был не поход, а настоящий кошмар, длившийся целых семьдесят дней. Несчастные случаи следовали один за другим. Сам Лох сорвался с обрыва, сломал два ребра и сильно повредил ногу. Не везло и его спутникам. Отряд вышел к бурной речке, семнадцать раз наводил мост, и семнадцать раз его смывало. В конце концов они попытались перебраться на плоту, но стремительное течение унесло плот вместе с одним солдатом, и тот бесследно исчез.

Оставшиеся трое продвигались очень медленно; были дни, когда они одолевали не более нескольких сот метров. Голод довел их до галлюцинаций, и Лох начал серьезно опасаться за психическое состояние своего маленького отряда.

Все же им удалось выбраться из дебрей Льянганати. Сначала они напали на заброшенное индейцами старое поле, где выкопали несколько корней маниока.[\[15\]](#) А еще шесть дней спустя совершенно обессиленные путешественники вышли к гасиенде в верхнем течении Рио-Напо.

Лох нашел свое золото. На берегу Рио-Ансу, притока Напо, он добыл изрядное количество пепас де оро — золотых самородков. Впрочем, найденного не хватило даже на покрытие расходов по экспедиции... Конец сей истории весьма печален: разочарованный Лох приставил себе к виску пистолет и спустил курок.

ДВА МИЛЛИОНА ЗА ПРОГУЛКУ НА САМОЛЕТЕ

— Вон... вон там, прямо!.. Видишь, три вершины образуют правильный треугольник! — Джордж Хоуден изо всех сил старался перекричать гул мотора. — А вон озеро с водопадом! Теперь ты знаешь, куда идти за золотом?..

Наш «Дуглас» мчался прямо на горные вершины, затем заложил крутой вираж и совершил круг на бреющем полете. Внизу простиралась дикая, труднопроходимая страна. Островерхие скалистые горы, глубокие ущелья, головокружительные пропасти... «Не хотелось бы совершать вынужденную посадку здесь, в Льянганати», — подумал я. Один из самолетов нефтяной компании «Шелл» попробовал... А может быть, он упал — подробности так и не были выяснены. Спасательный отряд, пробившийся ценой невероятных усилий к месту катастрофы, смог только установить, что самолет разбит вдребезги, а люди все погибли.

Но почему я вдруг вспомнил эту катастрофу? В данный момент не имелось никакого повода для мрачных размышлений. Стояла идеальная летняя погода — ослепительно ясное утро, ни одного облачка, почти полное безветрие.

— Тебе чертовски везет! — прокричал Джордж. — Никогда еще я не видел такой погоды в Льянганати! Если и дальше все пойдет так же хорошо, ты станешь миллиардером...

Мне, действительно, повезло, но позвольте рассказать по порядку, что предшествовало этой воздушной разведке.

Маска и нагрудные украшения из тонкого листового золота.

Капитан Эрскин Лох, бородатый, одетый в овечью шкуру, около озера с «кошачьим золотом».

Кладоискатель Луис Андраде — добрый товарищ в пути.

...Льянганати! Под нами простирались сверкающие озера.

...Мы летели над дикой, труднопроходимой страной...

В парамос. Луис Андраде около цветущей пуйи.

Экспедиция в пути!

— Как ты думаешь, что, кроме золота, могли инки перевозить по этим дорогам? — спросил Луис Андраде.

Переправа через реку Милин.

Немало трудных мест было на нашем пути.

В тропических дебрях.

Фраилехоны — красивые представители своеобразной флоры Льянганати.

Древовидный папоротник кажется прекрасной гравюрой.

Джунгли.

...Там рос древовидный папоротник и трава эспаданья со штыковидными листьями, а еще ниже — почти непроходимые заросли бамбука...

На востоке выстроилось множество безымянных, неисследованных вершин, а за ними простиралось море джунглей, из которого, словно остров, торчал вулкан Сумако...

После недели непрерывных дождей выдалось несколько ясных дней, и мы смогли сориентироваться...

Детеныш длинношерстого горного тапира.

Вдоль дороги Пасто — Путумайо выстроились обросшие паразитами деревья.

*Андреаде около одного из многих водопадов, которые попались нам в дебрях
Льянганати.*

*Подъем становится все круче и круче. С одной стороны отвесная скала, с другой
— глубокая пропасть.*

Ничего не подозревавший удав становится нашим пленником.

Сердитый обитатель джунглей.

Мне, открывшему эту жабу, она казалась настоящей красавицей.

В верховьях Амазонки.

Ох, и жарко!

Хотя этот привал и вынужденный, но никто не сидит без дела.

Прежде всего, интересы истины требуют, чтобы я объяснил, что влекло меня в Льянганати. После того как я уже признался в грехе кладоискательства и сообщил, что многие из отправлявшихся в Льянганати «для научных исследований» только маскировались этим благовидным предлогом, было бы неловко и смешно утверждать, будто я стремился в эти дебри исключительно из желания послужить науке или же присущего мне неискоренимого любопытства перед лицом неизвестного. Нет, конечно же меня манило золото, знаменитый клад Вальверде.

Среди моих друзей, лелеявших те же мечты, был Джордж Хоуден, прекрасный летчик, в прошлом военный пилот британских военно-воздушных сил. В 1949 году он оказал мне неоценимую помощь в розысках воинственного индейского племени аука (эту экспедицию я описал в книге «Дикари»). В то время он состоял на службе «Шелл компани оф Экуадор», занимавшейся разведывательным бурением в Орьенте. А когда поиски нефти ни к чему не привели и компания прекратила работы, Джордж остался в стране, поступив в экуадорианскую авиакомпанию «Ареа».

Джордж тоже заражен лихорадкой кладоискательства. Несколько лет назад мы совершили с ним вместе поход в пещеру, о которой (как и о всех здешних пещерах!) говорили, будто она полна инкского золота. Увы, наша экспедиция не увенчалась большим успехом, а множество инициалов и дат, высеченных на стенах пещеры, свидетельствовало, что мы далеко не первые поддались на заманчивые слухи.

Летая на службе у «Шелл» между Орьенте и Андами, Джордж в тех редких случаях, когда позволяла погода, делал крюк над Льянганати. При этом он следил по лежавшему у него на коленях дерротеро Вальверде. Постепенно Джордж убедил себя, что нашел искомое, и

собирался теперь выступить в пеший поход к трем вершинам, которые соответствовали, по его мнению, описанию Серрос Льянганати.

Однако, когда подошло время отправляться в путь, выяснилось, что ему никак не удастся освободиться на работе. Правда, нанимаясь в «Ареа», Джордж поставил условие, что ему дадут отпуск месяца на два для поисков клада. Но тут получилось так, что двое пилотов заболели, и добросовестный Джордж не захотел подводить компанию.

Таким образом, я оказался внезапно без спутника. А между тем шел уже ноябрь, надо было спешить отправляться в путь, пока держалась хорошая погода.

И тут ко мне обратился господин, назвавшийся Луисом Андраде; его направил один из моих друзей, посвященный в мои планы относительно Льянганати.

— Вы бывали в Льянганати? — спросил я недоверчиво. Глядя на Андраде, ни за что нельзя было поверить, чтобы он был в состоянии совершить подобное путешествие.

— Двенадцать раз, — ответил он.

— Искали клад Вальверде?

Он кивнул.

— И вы надеетесь в тринадцатый заход найти его?

— Для меня теперь нет загадок в дерротеро Вальверде, — сказал Андраде. — Я знаю, что напал на верный след. У вас есть время выслушать меня?

Я слушал его. Час. Два часа. Через три часа мы с Андраде уже договорились идти вместе, и, когда он ушел, я держал в руках бумагу следующего содержания:

Пятого ноября 1950 года в городе Кито господин Рольф Бломберг и господин Луис Андраде заключили следующее соглашение: Андраде

покажет путь и будет сопровождать Бломберга и его людей до Серрос Льянганати в Восточной Кордильере, согласно дерротеро Вальверде, каковое известно Бломбергу, до точки, в которой Андраде предполагает найти Клад, то есть спрятанное инками золото. Бломберг берется оплатить пеонов, провиант и прочие экспедиционные расходы; Андраде выступает в качестве проводника, знающего место, где вышеназванные лица предполагают найти Золотой клад. День начала путешествия будет согласован договаривающимися сторонами особо.

В случае, если они найдут Золотой клад или часть Клада, или же рудники, или другие месторождения золота, то пятьдесят процентов находки причитаются господину Бломбергу, поскольку он взял на себя расходы, а остальные пятьдесят процентов — господину Андраде. Настоящее соглашение будет неукоснительно выполняться обеими сторонами.

Соглашение составлено в двух идентичных экземплярах, по одному для каждого из подписавших его, в городе Кито, ноября месяца пятого дня, 1950 года.

Рольф Бломберг. Луис Андраде.

Немало договоров приходилось мне подписывать за мою жизнь, но такой — впервые!

А на следующий день из Нью-Йорка пришла телеграмма от еще одного желающего принять участие в экспедиции: «Прибываю Кито вторник встречай аэродроме Гюстав».

Правда, Гюстав Альгорд предупреждал меня раньше, что последует со мной в Льянганати. Выполняя данное ему обещание, я сообщил о дате выступления в поход, однако ни на минуту не верил всерьез, что он действительно приедет.

Мы познакомились с Гюставом в Трэвеллерс клуб (Клуб путешественников), когда я ненадолго ездил в Швецию, а немного спустя встретились опять у одного общего друга, старого охотника, не

раз путешествовавшего по Африке. Там же был «король золота» Майк Йослин, а в обществе Майка разговор неизбежно заходит о золоте. Я поделился тем, что знал в этом отношении об Эквадоре, упомянул также клад Вальверде и мои планы экспедиции в Льянганати.

«Вот это приключение в моем вкусе! — обрадовался Гюстав. — Если ты не против, пойду с вами...»

«Милости просим», — ответил я, зная, что нам очень пригодится опыт старого золотоискателя и охотника, если только он и в самом деле пойдет.

В двадцать лет Гюстав отправился в Британскую Колумбию, прельщенный канадской пропагандой. Однако высшее образование и превосходные отметки там негодились, и для начала он попал на медный рудник. Впрочем, рудокопы зарабатывали не так уж плохо; довольно скоро Гюстав скопил несколько сот долларов. С этим капиталом и в компании с одним ветераном он решил попытать счастья в Скалистых горах. Им повезло. Правда, золота они не нашли, но зато обнаружили... платину! Все шло хорошо, пока однажды ночью не случилось наводнение и река унесла все плоды их труда и снаряжение; сами они едва спаслись.

Друзья остались ни с чем. Надо было искать новой работы, и они попали на строительство дороги. В свободное время Гюстав занимался охотой на пушного зверя и торговлей с индейцами. Его дела шли неплохо, но, когда до Канады дошла слава об Аргентине как о стране больших возможностей, Гюстав решил снова двинуться в путь и купил билет в Буэнос-Айрес. Пять дней спустя после прибытия на место он уже ехал в запряженном четверкой фургоне через пампасы. Скупал шкуры и кожи, пережил всевозможные приключения и очутился в конце концов в Патагонии, где и осел в качестве торговца среди индейцев аррауано. А еще пять лет спустя он вернулся в Швецию с неплохим капиталом и основал фирму «Гюстав Альгорт, оптовая торговля пушниной».

Направляясь в Эквадор весной 1950 года, я повидался с ним в Нью-Йорке.

«Не забудь сообщить мне, когда соберешься в Льянганати», — попросил он.

Такова предыстория приведенной выше телеграммы, свидетельствовавшей, что Гюстав в самом деле решился идти со мной.

Кито встретил его не особенно радушно: небо было затянуто плотными дождевыми тучами, и самолет четыре часа кружил над аэродромом, прежде чем оказалось возможным сесть. Но разве такие мелочи могли испортить настроение Гюстава!

Втроем мы в мгновение ока упаковали снаряжение и провиант; нельзя было терять ни минуты. (Вклад Гюстава в снаряжение экспедиции составляли: клей «Карлсон», жидкость против комаров и мятные таблетки — без сих важных предметов он не отправляется ни в одно путешествие!) Однако перед выступлением нужно было еще выяснить одну деталь, и я обратился к Луису Ариасу, шефу компании «Ареа».

— Мне нужно на два часа нанять один из твоих самолетов, чтобы совершить полет над Льянганати, — сказал я.

— Льянганати! Тогда уж лучше лететь на луну!.. — ответил Луис. — Ты ведь знаешь, что Льянганати славится на весь Эквадор самой отвратительной погодой!

— Предлагаю два миллиона — долларов, разумеется...

— Ха-ха!

— Да я серьезно!

— Ха-ха-ха!

— Но заплатить смогу только при одном условии: если найду клад Вальверде. Через несколько дней я отправлюсь с экспедицией в Льянганати — решил отыскать золото инков, но сначала хотелось бы сделать несколько аэрофотоснимков и сориентироваться с воздуха, чтобы наметить подходящий маршрут.

— Клад Вальверде... гм...

Луис взялся за подбородок, погрузился на десять секунд в размышление, потом оглушительно расхохотался, так что секретарша даже подпрыгнула на своем стуле.

— Олл райт, — сказал он. — Когда ты хочешь лететь?

— Завтра, если погода позволит. А из пилотов я выбрал бы Джорджа Хоудена — он летал там уже не раз.

— Хорошо. Больше всего надежд на хорошую погоду с самого утра. Будь на аэродроме в пять, вылет полшестого. Я предупрежу Джорджа. Вторым пилотом полетит мой брат Аугустин. Желаю удачи!

Я уверен, что ни одна другая авиакомпания в мире не предоставила бы мне самолета на таких условиях, и если Луис согласился, то не только потому, что он на редкость хороший парень, но еще и потому, что сам заражен кладоискательской лихорадкой. К тому же его всегда влекло в Льянганати — с тех самых пор, как он шестнадцатилетним пареньком побывал на Верде-Яку, одной из рек, вытекающих из Льянганати, и вернулся оттуда с золотым самородком величиной с грецкий орех.

Он отправился туда вместе со своим отцом, который не раз ходил к восточным предгорьям Льянганати. Кроме них, в состав экспедиции вошло человек шесть индейцев племени юмбо и двое метисов. Они передвигались в невероятно трудных условиях, в той самой местности, с которой имел дело капитан Лох. Однажды ночью индейцы сбежали, а тут еще отец Луиса тяжело заболел. Но до цели оставалось совсем немного, и он не хотел сдаваться. Поэтому он послал Луиса дальше с двумя метисами, [\[16\]](#) и они стали с огромным трудом пробиваться вверх по течению Верде-Яку (Зеленой реки).

Река стремительно мчалась по дну глубокого каньона, на ее берег можно было попасть, только спустившись сверху на веревке.

«Конечно, приходилось опасаться, что мои спутники перережут веревку, если я нападу на золото, — рассказывал мне Луис. —

Поэтому, когда они вытаскивали меня, я всегда держал наготове револьвер, чтобы не вводить их в соблазн».

Луис нашел несколько самородков, самый большой, как я уже говорил, — величиной с грецкий орех. Отец Луиса заключил, что его предположение о наличии богатых месторождений золота в верховьях рек, вытекающих из Льянганати, доказано. Он собирался прийти туда снова во главе крупной экспедиции, однако скончался сразу после возвращения в Кито, куда его принесли на носилках. Пришел конец увлекательным походам Луиса: оставшись старшим в семье, он должен был усиленно работать, чтобы прокормить братьев и сестер. Стал механиком, затем летчиком. Во время войны находился на военной службе у американцев и пережил при этом приключение, из которого вышел живым исключительно благодаря своему железному здоровью. Самолет Луиса упал в море у побережья Эквадора; одного из членов экипажа утащила акула, а сам Луис плыл целые сутки, добираясь до берега.

«Днем еще не так опасно было, — рассказывал он. — Зато ночью, когда я не мог видеть, есть ли поблизости акулы, это был сплошной кошмар. Представляешь себе мои нервы, когда я наконец спасся!.. Да они и теперь еще не наладились... Как-то я пошел в кино в Майами, а там как раз показывали схватку человека с акулой. Опомнился я уже на улице, далеко от кинематографа...»

Когда Луис, невзирая на конкуренцию богатых компаний, основал «Ареа», многие предсказывали, что его ждет быстрый крах. Но мрачные предсказания не оправдались.

В полете над Льянганати должен был, разумеется, участвовать мой компаньон Луис Андраде. Я пригласил и Гюстава Альгорда, но тот еще не пришел в себя после четырех часов, проведенных в небе над Кито.

Вместе с Андраде я пришел к Джорджу, чтобы разработать детали полета. Разгорелось горячее обсуждение. Джордж и Андраде наперегонки чертили карты Льянганати. В общем и целом, их чертежи совпадали, только Джордж и Андраде никак не могли прийти к

единому мнению относительно местоположения трех вершин. Согласно данным дерротеро Вальверде («Став спиной к Амбато... посмотри с вершины горы Гуапы на восток...»), правильным представлялся чертеж Джорджа. Но другие указания в том же дерротеро говорили за то, что прав Андраде.

Я начинал понимать, почему до сих пор никто не нашел клад...

В пять утра следующего дня мы явились на аэродром Кито, точно в половине шестого поднялись в воздух. С гулом пронеслись над Кито и Эль-Панесильо (возвышенность, на которой, по преданию, стоял инкский храм Солнца), поднимаясь все выше и выше в ясном утреннем воздухе. Вот на востоке показалось солнце и позолотило снежный конус Котопахи. Мы неслись на юг над лунным ландшафтом Анд, впереди вздымал на шесть с лишним тысяч метров свою белую вершушку Чимборасо, курился Сангай, силуэт которого напоминает Фудзияму, четко вырисовывались очертания могучих вершин Альтар и Тунгурагуа. Затем мы повернули на восток и прошли над Пильяро, обратившись спиной к Амбато, в точном соответствии с указаниями Вальверде.

И вот мы над Льянганати! Тут и там под нами сверкали озера. Джордж показывал: Антеохос («Очки»), Яна Коча (Черное озеро). Оба эти озера упомянуты в дерротеро. Теперь мы летели напрямик на три вершины. Солнце уже поднялось над горизонтом, и его косые лучи придавали сказочный вид дикому краю.

Мы заложили несколько виражей над тремя пиками Джорджа, но Андраде прокричал мне на ухо, что это не то, и указал на юг. А там и в самом деле высились еще три горы, образуя правильный треугольник!

Мы кружили над Льянганати, словно высматривающий добычу кондор. Снимая через открытое окошечко фотографии — первые в мире аэрофотоснимки Льянганати, — я думал обо всех тех, кто на протяжении веков проник в этот пугающий и в то же время такой манящий край. Какая пестрая компания! Падре Лонго, Гусман, полковник Брукс, капитан Лох и многие другие кладоискатели проходили перед моим внутренним взором. В этом лабиринте внизу

они пробивались вперед, метр за метром. Путь, на который у них ушли недели и месяцы тяжелейшего труда, мы одолели на серебристой гудящей птице за несколько минут...

Не успел я опомниться, как пришла пора возвращаться в Кито: ровно в восемь самолет должен был вылетать в рейс, а до этого надо было еще успеть погрузить вещи и пассажиров. Когда мы покинули пределы Льянганати, самые высокие вершины уже окутались в неизвестно откуда появившиеся облака, а с востока, со стороны влажных джунглей, медленно вползал вверх по склонам густой туман.

— Через несколько часов вся область скроется под облаками, — заметил Джордж. — А там, глядишь, не одна неделя пройдет, пока опять прояснится. Не забудь захватить с собой туда калоши и зонтик...

5

ЭКСПЕДИЦИЯ В ПУТИ...

Мы сидели с Гюставом Альгордом в кабачке в Амбато и беседовали с Кенгуру-Брауном. В это время вошел крайне озабоченный Луис Андраде.

— Чем это ты так расстроен! Садись лучше, выпей с нами! — скомандовал Кенгуру-Браун и налил ему стаканчик виски.

Кенгуру-Браун — старик-австралиец, ветеран джунглей, с которым я впервые познакомился в 1935 году на реке Напо, когда направлялся в Амазонас.^[17] После того мы встречались с ним не раз. Я не сразу узнал его, увидев снова в Амбато. До тех пор он всегда ходил бритый, теперь же отрастил длинную бороду, отливавшую белым, серым, желтым и рыжим. А обзавелся он столь красочным нарядом на старости лет потому, что укус ядовитой змеи совершенно вывел из строя его правую руку. Правда, Кенгуру-Браун пытался бриться левой, но потерпел буквально кровавое фиаско. С большой неохотой покинул он свои дебри и пришел в Амбато, чтобы обратиться к врачу.

(Недавно я узнал, что Браун умер. Он жил совсем один в своем доме на берегу Напо, когда его поразила тяжелая болезнь. А тут река разлилась, превратившись в бурный, неудержимый поток, и отрезала ему путь на ту сторону, в деревню Напо.)

Но вернемся к Андраде. За несколько дней до этого он выехал из Кито с большей частью нашего снаряжения и с заданием нанять носильщиков в Пильяро, откуда мы должны были выступить на поиски клада. Но в Пильяро Андраде столкнулся с трудностями и пришел теперь доложить об этом, чтобы мы могли принять необходимые меры и предотвратить задержку.

Оказалось, что какой-то полицейский в Пильяро потребовал от Андраде удостоверения личности и письменного разрешения властей

на экспедицию в Льянганати. Андраде ответил, что это требование нелепо — никто не может запретить эквадорцу путешествовать по собственной стране. Тогда полицейский предложил ему замолчать и пригрозил посадить в тюрьму, а снаряжение конфисковать, если Андраде не подчинится.

Луис полагал, что полицейского подкупил некий влиятельный господин, намеревающийся приобрести концессию в Льянганати, если там найдут что-нибудь ценное. С помощью полицейского этот господин рассчитывал вывести цель нашей экспедиции и имена участников... Возможно, Андраде угадал.

Происшествия подобного рода научили меня запасаться рекомендательным письмом от кого-нибудь из высших чиновников страны. На этот раз в кармане у меня лежало подписанное секретарем президента письмо с предписанием всем властям оказывать нам всяческую помощь. Андраде прочитал бумагу и успокоился.

Распроставшись со стариком Брауном (он отлично управлялся со стаканчиком левой рукой), мы выехали на автомашине в Пильяро. Извилистая опасная дорога проходила по районам, которые в августе 1949 года опустошило сильное землетрясение. Повсюду виднелись следы катастрофы — оползни и обвалы, разрушенные дома и ограды. Пильяро, куда мы добрались за полчаса, выглядел так, словно здесь сбросили атомную бомбу.

Страшное дело — эти землетрясения. Они всегда происходят так внезапно, неожиданно, причем чувствуешь себя совершенно бессильным. Катастрофа 1949 года застала меня в Кито. Помню все, как если бы это происходило вчера. Я сидел за письменным столом, дописывая последнюю главу очередной книги, и настроение у меня было отличное. Вдруг я вскочил на ноги. Весь дом качался, жена испуганно кричала:

— Выходи сейчас же! Землетрясение!

Мы бросились в сад. Земля ходила под ногами, деревья гнулись, точно в шторм. Затем все так же внезапно успокоилось...

В Кито обошлось без серьезных разрушений; на нашем доме только немного потрескалась штукатурка. А в соседней провинции, Тунгурагуа, многие города и деревни подверглись страшному опустошению, сильно пострадали и дороги. На следующий день после катастрофы я отправился в Амбато и увидел потрясающее зрелище.

Среди развалин лежали мертвые и раненые, кругом бродили бездомные. На лицах выживших написаны ужас, горе, отчаяние и безразличие. Но я видел также и твердую решимость, видел людей, прилагавших все усилия, чтобы помочь пострадавшим.

Из Кито в Амбато примчались автомашины с продуктами, лекарством, людьми. Были мобилизованы все самолеты в стране. Они забирали раненых и оставшихся без крова и увозили в Кито, где врачи круглые сутки работали у операционных столов. Особенно пострадали восточные части провинции. Пелилео, Патате, Пильяро — маленькие красивые городки — были почти совершенно уничтожены. В Пелилео не оставалось ни одного целого здания, только развалины, из-под которых доносились стоны и крики тысяч людей. Некому было спасать заживо погребенных, некому было помочь раненым и умирающим, схоронить погибших и отогнать стервятников и собак.

Но помощь стекалась со всех сторон. Помогали воинские части, Красный Крест, тысячи добровольцев, шла помощь из всех латиноамериканских стран, из США, даже из Швеции! Самолеты спешили в Эквадор с лекарствами, кровяной плазмой, перевязочным материалом, одеждой, палатками, продуктами, деньгами... Куда нельзя было добраться на машинах, шли пешие и конные отряды, спускались парашютисты. Постепенно — удивительно быстро — жизнь вошла в обычную колею...

В Пильяро Андраде сложил наше снаряжение у кабатчика Панчо Дуэнья, который разместил свое заведение в наскоро сколоченном деревянном сарае.

Дон Панчо был человек разговорчивый и описал нам землетрясение во всех его страшных подробностях. Сам он и его семья чудом спаслись, но потеряли почти все свое имущество.

— Когда сюда явились фоторепортеры и кинооператоры, они усиленно снимали груды развалин, бывшую моим домом, — рассказывал дон Панчо. — А снимали потому, что из всех моих вещей остался в сохранности лишь портрет Черчилля, изображавшего пальцами знак V — победы. Он висел на остатке стены. Я понял это как знак того, что не следует падать духом, взялся за работу и выстроил новый кабачок. Как только дороги привели в порядок, я заказал новый запас напитков. Кружка пива, стаканчик винца — от

этого люди никогда не отказываются, особенно же в такое трудное время, так что дела мои пошли хорошо!..

— Ла В де ла Виктория! (V означает «победа») — произнес Андраде, косясь на пивные бутылки с маркой «Виктория» — лучший сорт пива, изготавливаемый в Кито.

Один за другим подошли отобранные Андраде носильщики — девять человек индейцев и метисов — и начали упаковывать провиант и снаряжение в прорезиненные мешки так, чтобы получились равные по весу ноши.

Провиант состоял, помимо нескольких банок консервов, из риса, кукурузной муки и муки хаба (хаба — бобовый злак, выращиваемый индейцами), мачики (поджаренная ячменная мука тонкого помола), огромных количеств лука, а также свиного сала, масла, сахара, соли, хлеба и других продуктов. В таких походах удобнее всего готовить только утром и вечером, а во время марша мы собирались подкрепляться пиньо́лем (сладкий питательный напиток, получаемый разведением в воде смеси мачики и ячменного сахара), чифле (нарезанные тонкими ломтиками и поджаренные зеленые бананы), жареной кукурузой и фритадас (кусочки свинины, поджаренные в собственном жиру). Еще мы несли с собой солидный запас рома. «Немаловажная деталь», — подчеркнул Андраде и напомнил, что один немецкий исследователь, составляя список предметов, необходимых для походов в Андах, поставил ром на первое место.

Наши запасы были рассчитаны на месяц — правда, не на двенадцать человек: по прибытии к реке Сан-Хосе, на место, которое Андраде избрал в качестве исходной точки для наших вылазок, большинство носильщиков должны были отправиться назад в Пильяро, с тем чтобы осталось не больше двух-трех пеонов. Кроме того, часть провианта предполагалось оставлять в складах по пути к реке, чтобы можно было воспользоваться им на обратном пути.

Вопрос питания — один из самых сложных для путешествующих по Льянганати. В этом краю, не считая дичи, не найдешь ничего съедобного. Правда, оленей, горных тапиров и медведей сколько угодно, также и птиц, но, объяснил нам Андраде, для успешной охоты нужно потратить столько времени, что она себя совершенно не оправдывает.

Наконец все было уложено, и мы отметили несколькими стаканчиками вина последний день в цивилизованной обстановке. Дон Панчо согласился выпить вместе с нами и развлекал нас историями о многочисленных кладоискателях, которых он провожал в Льянганати и встречал потом опять в Пильяро.

— Правда, — уточнил он, — их не так-то легко было узнать, когда они возвращались. Уходили веселые, здоровые, одетые во все новенькое, а приходили в лохмотьях, унылые, худущие, обросшие... А некоторые и вовсе не вернулись...

Старик Кинтерос, спутник капитана Лоха, был одним из последних, кого схоронили в Льянганати. Он находился недалеко от реки Сан-Хосе вместе с одним помешанным пеоном. Когда провиант стал подходить к концу, пеон ушел, бросив Кинтероса на произвол судьбы. Старик попытался вернуться в одиночку, но обессилел от голода и лишений, свалился под деревом и уже больше не встал. Позже д'Орсей нашел скелет старого кладоискателя.

— А удалось Кинтеросу хоть раз найти золото? — любопытствовал я.

— Да, — ответил Андраде. — Однажды он отправился в поход вместе с одним парнем по имени Элой Аро. И вот как-то раз, когда этот Аро взбирался вверх на высотку — тоже около Сан-Хосе, — он споткнулся, сильно ушибся и не мог сразу встать. Пока лежал и приходил в себя, стал ковырять пальцами мох на скале и увидел в камне желтую жилку, не толще конского волоса. Аро позвал Кинтероса; тот достал пузырек с какой-то жидкостью и помазал жилу. «Медь», — заключил он, но все-таки отколол киркой несколько камешков.

А позднее, в Амбато, Кинтерос отдал камни на исследование, и в них обнаружили золото. Тогда он решил вернуться туда, уже без Аро. Только он никак не мог найти то место, потому что вокруг проложил столько пика, что теперь не знал, по какому следовать (пика — прорубленный ножом проход в чаще). Пошел еще раз, вместе с Аро, но и тот не смог найти скалу.

Сколько историй про искателей кладов и золота кончаются таким образом!

— Да, — заметил дон Панчо, — насколько мне известно, никто из ходивших в Льянганати не нашел там себе богатства. В прошлом там,

правда, добывали в разных местах серебро и медь, а во время освободительной войны жители Пильяро, говорят, помогали финансировать поход Симона Боливара^[18] серебром из Льянганати. Но с тех пор уже ничего ценного обнаружить не удалось. Конечно, по своему Льянганати — настоящая сокровищница для Пильяро. Здесь следовало бы поставить памятник Вальверде. Сколько денег оставили тут кладоискательские экспедиции, расплачиваясь с носильщиками и проводниками, закупая провиант и особенно рассчитываясь в кабачке за... гм... В общем, будем здоровы, господа!

На следующее утро в пять часов, наскоро позавтракав, мы выступили в Льянганати. Гюстав — верхом, остальные — на своих двоих. (Я почти всегда предпочитаю идти пешком: сколько бы я ни шел, никогда не испытываю таких неприятных ощущений, как если поеду после большого перерыва верхом.) Кое-кто из носильщиков привел ослов и водрузил свои ноши на них, чтобы не слишком утомляться поначалу. После Эль-Понго, перевала на горе Гуапа, который называют «Ворота в Льянганати», им все равно предстояло взвалить мешки на спины и отправить ослов домой: дальше начинается совершенно непроходимая для вьючных животных местность.

Дорога представляла собой сплошное скользкое, глиняное месиво. Мы двигались очень медленно, а упорно моросящий дождь явно не собирался останавливаться. Было пасмурно, уныло и холодно. Когда мы проходили мимо мазаных хижин пеонов, из них выходила жена какого-нибудь из наших носильщиков и подавала ему горячий суп. Глава семейства жадно глотал содержимое миски, а его супруга, окруженная детишками, лила в это время горькие слезы. Да и сами носильщики без особого энтузиазма шли в Льянганати. Изнурительный труд, тяжелые переходы, отвратительная погода и неудобный ночлег — вот что ждало их впереди, а то и что-нибудь еще похуже... Но не всегда выдается возможность зарабатывать по десять сукре в день на готовом питании, да еще получить в конце щедрое дополнительное вознаграждение, как это принято в этих краях.

Прощальные слова, которыми нас провожали местные жители, звучали не особенно ободряюще, подтверждая плохую славу Льянганати.

— Киерен морир? Устэдес ван а морир! — кричали нам... (Вы хотите умереть? Вы умрете!)

— Что они говорят? — спросил Гюстав слегка озабоченно. — Неужели и в самом деле думают, что мы погибнем?..

— Э! — ответил Андраде. — Просто здесь какие-то странные понятия о шутках.

— Вот уж что верно, то верно, — согласился Гюстав.

6

СВИНОВОДЫ И КЛАДОИСКАТЕЛИ

Мы медленно взбирались вверх по склонам Гуапы; дороги, поля, дома остались позади. Здесь росла только высокая, по колено, жесткая трава да кое-где торчали растения пуйя с копьевидными листьями и редкие кустики.

Погода прояснилась. Мы увидели вдали под собой, в зеленой плодородной долине, Пильяро; по ту сторону бурной реки Патате сквозь мглу можно было различить Амбато. Лишь вздымающиеся к самым небесам снежные вершины Чимборасо и Тунгурагуа продолжали кутаться в плотные белые облака. Прекрасная, величественная картина... Однако лирические излияния, которыми мы с Гюставом приветствовали чудесный вид, совершенно тонули в потоке брани: пеоны никак не могли поладить со своими несчастными ослиами.

(Здесь уместно упомянуть, что ослы настолько привыкли к самым нехорошим и оскорбительным словам, какие только способен придумать пеон, что другими словами их и не «подбодришь». Не раз я

пытался ободряюще гикать — впустую! Зато стоило мне извергнуть несколько звучных карахос, как осел тут же ускорял ход.

— Увы, это распространяется и на некоторых людей, — заметил Гюстав, когда я поделился с ним своими наблюдениями.

Возможно, он прав...)

К полудню мы достигли перевала Эль-Понго, устроили привал и перекусили. Пеоны освободили ослов от вьюков и взвалили тюки себе на спину. Снова пошел дождь, на перевале дул холодный ветер. Пытаться увидеть три вершины Серрос Льянганати было, разумеется, бесполезно: серая пелена дождя и низкие тучи закрыли вид на восток. Такая погода держится здесь большую часть года; путешественникам приходилось днями и неделями выжидать прояснения, чтобы хоть мельком увидеть с перевала горы Вальверде. Лишь однажды за все двенадцать предыдущих походов Андраде выдалась такая ясная погода, что он мог отчетливо различить знаменитые три вершины.

От Эль-Понго наш отряд двигался под гору, затем вышел на ровное топкое место, где лошадь Гюстава пробиралась с большим трудом, погружаясь местами по самое брюхо. Впрочем, Гюстав, хотя он уже не молод, умело справлялся со всеми трудностями, а когда конь почему-либо падал, всадник легко соскакивал с седла, обнаруживая завидную сноровку. Видно было, что Гюстав не новичок в седле; не зря его учили аргентинские гаучо!^[19]

Мы перешли вброд две неглубокие реки, затем одолели небольшой подъем, после которого начиналась Ла каррера ларга — «Большая магистраль». Так называли пеоны несколько параллельно идущих удобных троп. Вышло солнце, тучи рассеялись, и под вечер нашим взорам открылась замечательная картина. Внизу в обрамлении гор и лесистых холмов простирались в свете предвечернего солнца сверкающие озера. Те самые горы и озера, которые мы рассматривали с воздуха, — и все-таки совсем не те. Красивее, суровее, красочнее! В тот самый миг, когда солнце скрылось за горами, наш маленький караван подошел к Тамбо-де-Мама-Рита. Здесь на высоте 3600 метров над уровнем моря, на берегу озера Коча-де-Тамбо, мы увидели несколько жалких лачуг — последнее поселение на пути в Льянганати. Теперь, чтобы увидеть населенный пункт, надо было, подобно капитану Лоху, идти до самой реки Напо. (Как вы помните, ему потребовалось на этот путь больше двух месяцев.)

Мы узнали, что Тамбо-де-Мама-Рита принадлежит немцу по имени Гейнц, который небезуспешно занялся в этом захолустье животноводством. Парамос (обширные степи выше границы лесов) богаты кормовыми злаками. Свиньи поедают питательное, способствующее отложению жира растение чикория; для крупного рогатого скота пастбищ тоже достаточно. Местные свиньи выглядели довольно забавно: в прохладном климате они обрастают длинной курчавой шерстью.

Мы не застали Гейнца дома, зато встретили двоих вакеро (так называют по-испански ковбоев); они предложили нам переночевать в их лачугах и вообще приняли нас очень дружелюбно. Вакеро навещают эти края для того, чтобы собрать бродящие на воле полуодичавшие стада. Вскоре появился еще один вакеро, мокрый насквозь. Он искупался нечаянно в реке вместе со своей лошадью, пытаясь выследить с собаками пуму, которая утащила немало свиней.

Судя по тому, что нам рассказали о Гейнце, это был довольно необычный человек. Уже много лет он жил здесь совсем один. Во время второй мировой войны его объявили нацистом и отправили в лагерь для интернированных в США. Целая полицейская экспедиция прибыла сюда из Пильяро и увезла с собой связанного пленника! Однако после конца войны он вернулся в Тамбо-де-Мама-Рита. (Был ли он нацист и в самом деле, так и не выяснено. Сам Гейнц объявил себя пацифистом, ненавидящим всё и вся, что имеет отношение к войне; на этом основании он обстрелял из своего маузера не то американский, не то эквадорский военный самолет, пролетавший над Тамбо-де-Мама-Рита. Именно за это Гейнца и арестовали. Говорил ли он правду, объясняя свое донкихотство, я, понятно, судить не могу.)

Вакеро описали Гейнца, как атлетически сложенного молодого человека, не боящегося никаких трудностей. Он явно сумел завоевать их уважение, пользовался авторитетом и среди других людей, навещавшихся в Льянганати. Хотя его никто не уполномочивал на это, он выступал тем не менее в качестве охотничьего инспектора, грозя вздуть каждого, кто убьет лань с теленком, утку с утятами или хотя бы разорит птичье гнездо. Стоило Гейнцу прослышать, что к его владениям приближается компания охотников, как он немедленно отправлялся верхом в парамос в сопровождении своих собак и разгонял всю дичь, стреляя в воздух. По этой и по другим причинам у

него не раз были столкновения с людьми, однако диктаторские повадки Гейнца не мешали ему быть довольно популярным. Пеоны уверяли, что он справедлив и всегда готов помочь другому. Вместе с тем, продолжали они, Гейнец, подобно всем гринго (так называют в Латинской Америке американцев и европейцев, причем в Эквадоре это слово не имеет оттенка неприязни), не без причуд. Так, он ест конину; каждое утро, даже в ливень, купается в озере и приходит в страшную ярость, если кто-нибудь плюнет на пол!

Наши носильщики устроились в одной хижине с животноводами, туда же пошел Андраде, чтобы приглядывать за вещами. (К сожалению, это было вызвано необходимостью. Один из пеонов откровенно заявил мне, что если у них, бедняков, появится возможность украсть что-нибудь и они ею не воспользуются, то их сочтут глупцами, даже преступниками. Печально, но вполне объяснимо в стране, где царит такая нищета и вопиющая социальная несправедливость.) Мы с Гюставом заняли хижину Гейнца. Это было примитивное сооружение, наподобие индейских: низкая глинобитная стена и конусообразная травяная крыша.

Мы проголодались и порядком устали после двенадцатичасового перехода. Особенно тяжело досталось Гюставу: сердце работало плохо, сказывалась высота, и он не скрывал известного беспокойства. С таким здоровьем опасно было отваживаться в длинные трудные переходы по Льянганати: в случае серьезного заболевания не было никаких надежд на скорую врачебную помощь. Но как отговорить Гюстава следовать дальше? Он приехал ради этого путешествия из самого Нью-Йорка и проявил такой энтузиазм... Ему было бы страшно обидно возвращаться ни с чем. Вместе с тем совесть не позволяла мне умолкать, что, хотя в дальнейшем мы и не будем двигаться на таких высотах, нас ожидают впереди еще большие трудности. «Ладно, — подумал я в конце концов, — завтрашний переход покажет, в состоянии ли Гюстав идти с нами до конца...»

Однако он сам тоже обдумал положение и принял решение.

— Как ни горько, придется мне завтра идти обратно, — сказал Гюстав. — Если я заболею или трудности пути не позволят мне поспевать за всеми, я окажусь только бременем для экспедиции. Малейшее опоздание сорвет все замыслы, приведет к неудаче. Ясно

как день, что я обязан смириться с собственным разочарованием, а не подвергать риску исход всей экспедиции...

Самопожертвование Гюстава безусловно было разумным, но мы с Андраде все-таки опечалились, теряя такого хорошего товарища.

Рано утром следующего дня мы распрощались. Андраде, я и восемь носильщиков двинулись на восток, а Гюстав направился в обществе одного вакеро и носильщика из нашей компании в противоположную сторону, обратно в Пильяро.

Спустя несколько часов мы вышли к месту, которое называется Милин. Здесь очень много маленьких холмиков; некоторые считают, что это толас — курганы, и время от времени тут производили раскопки. Насколько мне известно, никому не удалось обнаружить никаких памятников древности. Сам я склонен считать, что эти бугры — во всяком случае, большинство из них — возникли естественным путем. Впрочем, уже вернувшись в Пильяро, я встретил некоего сеньора Серафино Робайо, который уверял, будто может доказать, что милинские холмики — курганного характера. Робайо сделал немало интереснейших археологических находок в районе Пильяро, обнаружил замечательную керамику и даже изделия из меди и золота. Он считает вполне возможным, что и в Льянганати могли сохраниться древние могилы с богатыми кладами инкского и доинкского времени.

Робайо неоднократно раскапывал холмы Милина и уверяет, что наткнулся в одном случае на помещение, выложенное каменными плитами. На полу лежал пепел; отсюда Робайо заключил, что это могила, притом могила вождя, и надеялся обнаружить золотые предметы. Однако все его дальнейшие поиски были напрасными. Совсем недавно я получил от него известие, что он пока еще не добрался до клада.

Другой житель Пильяро, также занимавшийся раскопками в Милине, вернулся оттуда с сундучком, полным глиняных черепков и подобных редкостей. Впрочем, один из наших пеонов выдал нам секрет этой «находки». Поскольку никак не удавалось найти желающих вложить деньги в дорогостоящие раскопки, сей ловкач взял с собой черепки из Пильяро и подбросил в том месте, где рыли пеоны. Он рассчитал, что они найдут их и потом подтвердят, что эти холмы — действительно курганы.

Повсюду мы видели следы динамита, лопат, заступов, и я невольно вспомнил слова тестя: деньги, потраченные на розыски золота и кладов, неизмеримо превосходят стоимость всех когда-либо найденных кладов..

— Гейнц не занимался раскопками? — спросил я пеонов.

— Нет, он говорит, что только дураки тратят время и деньги на такую ерунду, вместо того чтобы заниматься делом.

Что ж, он, пожалуй, прав. Вряд ли у него был бы сегодня такой счет в банке (говорят, что Гейнц скопил немалую сумму), если бы он забросил своих свиней и коров и принялся искать золото...

Пройдя Милин, мы пересекли вброд реку того же названия и вышли на обширное болото, о котором упоминает дерроторо. По истечении двух с лишним часов после выступления из Тамбо-де-Мама-Рита наш отряд очутился на пригорке; с него открывался вид на два озера, «которые называют Лос-Антеохос («Очки»), потому что их разделяет полоска земли, напоминающая очертаниями нос». Описание Вальверде оказалось настолько точным, что ошибиться было просто невозможно.

В дерроторо говорится, что отсюда опять можно увидеть Серрос Льянганати; во время своего шестого путешествия Андраде и в самом деле отчетливо различал с этого места три вершины. Англичанин Дайотт тоже подтверждает это указание, причем он определил направление по компасу; судя по его данным, речь шла о тех самых горах, которые видел Андраде. Но нам не повезло. Хотя погода стояла сносная и то и дело проглядывало солнце, видимость на восток была плохая, самые высокие вершины скрылись в облаках.

Увижу ли я когда-нибудь заветный «треугольник»? Да и существуют ли они вообще — три вершины, описанные Вальверде?

7

ТРИ ВЕРШИНЫ

Путь от озер Антеохос до Яна-Коча — Черного озера, также упоминаемого в дерротеро Вальверде, — занял еще около часа; мы шли сначала через топкое болото, затем сквозь густые заросли по извилистой тропе.

Несколько раз нам попадались свежие следы пумы. Это был на редкость крупный экземпляр; возможно, тот самый, который производил опустошения в стадах Гейнца. Андраде показал нам место, где застал как-то пуму, пожиравшую убитого ею оленя.

Медведей здесь также было немало, если судить по объединенным растениям пуйя по обе стороны тропы. Сочная сердцевина этих колючих растений — самое любимое блюдо обитающих в парамос медведей. Если сорвать лист пуйя, на стволе получается чашеобразное углубление, которое во время дождя заполняется водой.

Как-то на вулкане Пичинча мне пришлось вместе со своими спутниками разбить лагерь в совершенно безводном месте.

К счастью, медведи лакомились здесь пуйя, и мы смогли набрать из «чаш» много литров воды. Выходит, медвежья услуга может быть полезной! Кстати, в этот раз у нас было плохо и с провиантом. Мы последовали примеру медведей и стали есть пуйя. Оказалось, что это довольно вкусно, вроде пальмовых почек. Как ни странно, ни один из пеонов, ходивших с нами в Льянганати, не знал, что пуйя съедобна.

Мы дивились: уж кто-кто, а они-то должны были знать все, что можно употреблять в пищу в этом диком краю!

В Льянганати обитает очковый медведь — «Урсус орнатус», причем здесь встречаются два-три подвида, различающиеся и цветом и размерами. Капитан Лох сообщает, что крупнейшие экземпляры достигают в весе 550 фунтов! Очковый медведь нападает только в исключительных случаях, но зато оказывает яростное сопротивление, если сам подвергнется нападению. В период спаривания он, подобно многим другим животным, становится раздражительным; это испытал на себе один вакеро — из тех, которых мы встретили в Тамбо-де-Мама-Рита. Он ехал верхом по парамос и заметил двух медведей — они ухаживали за медведицей и время от времени обменивались оплеухами. Вдруг один из медведей обнаружил всадника, забыл о сопернике и о прекрасной даме и стремглав помчался на чужака. Вакеро пришлось пришпорить коня, чтобы спастись, да и то рассерженный медведь долго преследовал его. В тот же день вакеро вернулся туда с ружьем и собаками, но медведей уже и след простыл.

Нам попадались следы не только пум и медведей, но и — что гораздо важнее для кладоискателя! — древних дорог, по всей вероятности проложенных еще инками.

— Что, кроме золота, могли инки перевозить по этим дорогам! — воскликнул Луис Андраде убежденно.

Мы продолжали идти согласно указаниям дерротеро: «...по ту сторону Черного озера тебе следует спуститься по склону пригорка таким образом, чтобы попасть в ущелье, в которое низвергается водопад. Здесь ты найдешь мост из трех бревен; если же его нет, то сделай сам в наиболее подходящем месте и переходи».

— Тут легко ошибиться, — сообщил Андраде, — и многие ошибались. Дело в том, что водопадов два. Один ближний — в конце Черного озера, второй — на Рио-Гольпе, одном из правых притоков Рио-Льянганати. Если перейдешь реку, вытекающую из Черного озера, — это и есть Рио-Льянганати, — то выйдешь к горам Кордильера-де-Мулатос, окажешься слишком далеко на севере, и местность уже не будет соответствовать указаниям дерротеро. Правда, там тоже есть гора с тремя вершинами, есть также озеро и водопад, но они расположены слишком высоко, поэтому совсем нет лесов, о которых говорится в дерротеро. Капитан Лох, Бошетти и д'Орсей

тщетно искали клад у этой горы. Один пеон, ходивший с д'Орсеем, рассказывал, что когда д'Орсей пришел туда, то сел и зарыдал; от радости или огорчения, сказать трудно. Глядя на него, пеон и сам прослезился. Именно вокруг этой горы кружил Джордж Хоуден, когда мы летали над Льянганати. Но я готов поклясться, что все, кто искал клад Вальверде севернее Рио-Льянганати, только зря тратили время.

Со спуском в долину Рио-Льянганати все вокруг изменилось. Мы очутились внезапно в сказочных субтропических дебрях. Деревья казались бородатыми от влажного мха, рядом с громадными папоротниками росла высокая трава эспаданья со штыковидными листьями, а еще ниже склоны были покрыты густыми зарослями бамбука. Проход, который прорубил Андраде годом раньше, совершенно зарос, и нам пришлось пустить в ход тесаки. Откуда ни возьмись, налетели тучи насекомых. Огромные злые слепни и тысячи маленьких кровожадных мух, так называемых аренилья, набрасывались на малейший незащищенный участок кожи и сосали кровь до того, что едва не лопались. К счастью, у меня было с собой несколько бутылочек жидкости против комаров — она творила чудеса.

Нелегко приходилось носильщикам с их тяжелыми, громоздкими ношами. Тюки цеплялись за ветки, ноги застревали в корнях. Чтобы пробиться вперед, приходилось либо совершать акробатические номера, либо ползти на четвереньках. В итоге пеоны с ног до головы вымазались в глине.

На маленькой прогалине в лесу, откуда открывался вид на восток, Андраде вдруг схватил меня за руку и взволнованно прошептал:

— Постой!.. Пусть носильщики пройдут немного, я тебе покажу что-то...

Мы пропустили вперед носильщиков, и, когда исчезла спина последнего из них, Андраде указал рукой в восточном направлении:

— Серрос Льянганати! Три вершины!

Мне не пришлось напрягать зрение, чтобы увидеть их: они вырисовывались ясно и отчетливо.

Во второй половине дня отряд вышел к Эль-Гольпе — небольшой вырубке в лесу, с которой мы слышали гул водопада. Здесь мы разбили лагерь. А на востоке на фоне ясного неба высились голубым силуэтом три вершины!

Андраде ни капельки не сомневался, что это и есть Серрос Льянганати, указанные Вальверде. В подтверждение он сослался на мнение других путешественников. Некий Грегорио Асунья из Пильяро тоже видел три вершины сначала с горы Гуапа, со стороны озер Антеохос, а затем — притом не один раз — с Эль-Гольпе, где теперь расположен наш лагерь. Асунья прожил здесь три месяца подряд — расчищал поляны в лесу. Своими наблюдениями он поделился с Бошетти и ходил с ним однажды проводником. Но Асунья не сумел сориентироваться, и, проблуждав некоторое время, экспедиция вынуждена была вернуться. Удачнее сложилась следующая экспедиция: путешественникам удалось выйти к реке Сан-Хосе у подножия трех гор. Однако погода стояла в это время на редкость отвратительная: проливной дождь не позволял даже костра разжечь. Прождав три дня, Бошетти снова вынужден был отступить со своим отрядом.

«Нос фальто карактер! (Выдержки не хватило!)» — говорил потом Бошетти.

— Много экспедиций доходило сюда, до водопада Рио-Гольпе, следуя дерротеро Вальверде, — рассказывал Андраде. — Но дальше начинали путаться. Стали даже поговаривать, будто имеющийся текст дерротеро не соответствует оригиналу. А вот для меня в дерротеро все ясно. Если только клад по-прежнему лежит там, где его видел Вальверде, то мы обнаружим сокровище. Все дело в том, что еще никто не искал клад в том месте, где я надеюсь его найти!

— А если ты найдешь клад, что ты станешь потом делать, Андраде?

— Даже не знаю... Только не думаю, чтобы моя жизнь сильно переменилась. Ведь меня влечет не столько золото, не столько возможность разбогатеть, сколько желание во что бы то ни стало разгадать загадку. Раскусить орешек, о который столько людей обломали зубы. Много лет назад мне точно так же захотелось отыскать «Клад сорока разбойников». Говорили, будто он спрятан в одной пещере в провинции Имбавура. Правда, потом я бросил поиски, но только потому, что сильно сомневаюсь в существовании этого сокровища. А в клад Вальверде я верю. К тому же, ведь это страшно увлекательно — вся эта история про Вальверде, про падре Лонго и многочисленных кладоискателей, которые пытались здесь счастья на

протяжении веков. Может быть, как раз на этом вот месте стоял сам Вальверде со своим тестем-индейцем. А падре Лонго пропал именно тут, если верить карте Гусмана. На ней даже пометка есть: крест и надпись «Муэрте дель падре Лонго»...

Солнце уже зашло. Я забрался в спальный мешок и при свете пылающего костра стал размышлять, что бы я сделал, если бы нашел клад...

А теперь предоставляю на некоторое время слово дневнику.

«14 ноября. Выступаем в 8.15. С утра светит яркое солнце. Переправились через Рио-Понго по стволу переброшенного на тот берег дерева. Повсюду — следы горных тапиров. Они здесь проложили длинные тропки и коридоры в зарослях. Не один час ушел на поиски прошлогодней пики Андраде. Он уверяет, будто пеоны нарочно идут неверно, чтобы подольше задержаться в Льянганати и тем самым больше заработать. Один из пеонов увидел двух тапиров, швырнул в них мачете, ^[20] но промахнулся. Разбили лагерь уже в 16.15; двое продолжают рубить пику. Один пеон сильно поранил себе ногу тесаком, я только что сделал ему перевязку.

15 ноября. Первую половину дня светило солнце, потом небо затянулось тучами, пошел дождь. Весь день рубили пику, прокладывали дорогу сквозь густые заросли бамбука и эспаданьи. Напали на свежие следы большого тапира, а потом увидели и самого зверя. Он удрал со страшным треском и шумом. Около 18 часов пересекли вброд оба рукава Парка-Яку, в 18.30 разбили лагерь. Здесь нам впервые за все время попались пальмы. Высотомер показывает 2800 метров. Все устали, настроение скверное, но несколько глотков рома помогают. Одному только Андраде все нипочем, он при всех обстоятельствах сохраняет хорошее расположение духа».

...Здесь я должен вставить несколько замечаний.

Успех экспедиции зависит от многих обстоятельств, но важнее всего, на мой взгляд, — согласие между ее участниками. Если кто-то не захочет работать наравне с другими и попытается облегчить себе труд за счет других, то ссоры и раздоры неизбежны, а тогда отношения могут стать просто невыносимыми. Поэтому предпочтительно выступать в поход с людьми, которых хорошо знаешь и на которых можно положиться.

Впрочем, тут очень легко промахнуться. Мне пришлось однажды совершить длинный переход в джунглях с человеком, которого я считал идеальным спутником. Мне казалось, что я хорошо его знаю, мы всегда отлично ладили, к тому же он уверял, что привык ко всяким лишениям и обожает жизнь в джунглях. Но едва дело дошло до настоящих трудностей, нередко сопряженных с опасностью, как мой храбрый друг резко переменялся. Выдержка изменила ему: он стал раздражительным, оказался настоящим эгоистом. Ел он, совершенно не считаясь с тем, что у нас ограниченные запасы. А когда я вынужден был сделать ему замечание, что мы все одинаково хотим есть и никто не имеет права получать больше других, он воскликнул, что я хочу уморить его, и пригрозил объявить голодовку. То он угрюмо молчал, то обрушивал на нас истерическую ругань; один раз дело чуть не дошло до драки. Чтобы предотвратить трагедию, пришлось нам отнестись к нему, как к больному, и предоставить льготы, которые он без зазрения совести принял.

Андраде я совершенно не знал, когда мы выступали из Льянганати, и поначалу меня беспокоило, как мы будем ладить на протяжении нескольких недель, не надоедим ли друг другу. Вероятно, Андраде испытывал такие же сомнения в отношении меня. Он рассказывал мне кое-что о своих прежних спутниках в Льянганати, причем отзывался о них довольно критически.

Один был такой скупой, что покупал продовольствие только самого низшего качества. В конце концов пеоны возмутились и ушли обратно в Пильяро.

А вот что рассказывал Андраде о другом своем спутнике:

«Вообще-то он был ничего, только совершенно беспомощный. Называл себя эксплоратор — исследователь — и для пущей важности ходил с двумя пистолетами за поясом и с ружьем. Уверял, что совершил в свое время большие переходы в Гран-Чако; ну, я и поверил в его выносливость. Да только Льянганати сбilo с него спесь. «Лучше месяц в Гран-Чако, чем день в Льянганати», — говорил он потом. Каждый переход был для него страшным мучением; он не поспевал за остальными и сильно тормозил всю экспедицию. Помню один дождливый и ветреный день. Мы начали разбивать лагерь, а он стоит и дрожит. «Сои ун мисерабле, — говорит. — Я — ничтожество. Хочу помочь и не могу». Наконец впал в такое отчаяние, что хотел прыгнуть

со скалы, покончить с собой. В последний миг мне удалось помешать ему. Понятно, что тут нечего было и думать о том, чтобы идти дальше, оставалось только несолоно хлебавши брести потихоньку обратно в Пильяро...»

К счастью, наши с Андраде взаимные опасения оказались необоснованными. Мы отлично ладили все то время, что находились в Льянганати. Андраде был идеальный спутник — всегда уравновешенный, уживчивый, готовый помочь другому. Хотя он вовсе не казался таким уж сильным, можно было только позавидовать его бодрости и выносливости.

А теперь снова вернемся к дневнику.

«16 ноября. Всю первую половину дня держалась чудесная солнечная погода, затем хлынул ливень. Прорубали себе путь, не останавливаясь. Перешли реку Павамикуна, к полудню вышли к реке Сан-Хосе. Река бурная, множество порогов и водопадов. Затем последовал крутой подъем по труднопроходимой местности. Сейчас разбили лагерь на берегу ручья. Над нами свисает громадная скала — кажется, что она вот-вот упадет... «Не храпеть ночью, а не то она нас накроет!» — предупреждает Андраде. Пеоны испуганно кивают и крестятся, бормоча молитвы.

17 ноября. Выступили в 7.45, за ночь основательно продрогли. Идем всё в гору, пробиваясь сквозь бамбуковые заросли. В 13.45 выходим на зеленую прогалину на берегу Сан-Хосе. Андраде говорит, что это место упомянуто в дерротеро Вальверде. Мы вышли к подножию тех гор, которые Андраде считает Серрос Льянганати. Пеоны торопятся разбить лагерь, ставят большой навес. Завтра шестеро из них пойдут обратно, двое останутся.

Здесь множество маленьких зеленых лягушек, и наш лагерь получает название «Кампаменто де лос сапос Вердес» — «Лагерь зеленых лягушек». По пути сюда и здесь поймал несколько штук для коллекции, а также улиток и других тварей; тут можно сделать интересные находки. Предложил одному из пеонов помочь мне; он засмеялся и ответил: «Много раз ходил я в Льянганати — все искали золото, а су мерсед (ваша милость) ищет лягушек! На что они вам?..»

Я постарался доходчиво объяснить, как важно изучать животных, рассказал, как удалось открыть, что некоторые из них распространяют

заболевания, и так далее. Позже я услышал, как пеон сообщал товарищу: «Гринго говорит — от этих лягушек можно заболеть!»

8

У ЦЕЛИ

Вспоминая совершенную вместе с Бошетти экспедицию в Льянганати, эквадорский географ Андраде Марин рассказывает о старом носильщике-индейце. Старик упал с ношей в озеро, и тяжелый тюк потянул его на дно. Тогда индеец стал звать на помощь, — но не ради себя!

«Спасайте ношу, обо мне не думайте!» — кричал он.

Его вытащили на сушу и спросили, почему он больше беспокоился о провианте, чем о собственной жизни. Индеец ответил: «Лучше мне утонуть, чем если десять человек погибнут с голоду. К тому же вы молодые, а я старик».

Этой поучительной историей Андраде Марин хотел показать, насколько добросовестны и надежны, порой даже самоотверженны, чистокровные индейцы. Метисов он считает вероломными, трусливыми и ленивыми. Впрочем, обобщать рискованно и несправедливо. Сам я думаю, что раса тут ни при чем: мой опыт говорит, что попадаются и хорошие и плохие метисы, как попадаются хорошие и плохие индейцы.

В числе наших людей были и индейцы и метисы; все без различия работали прекрасно. Возможно, они были не прочь немного поленившись и сознательно «заблудиться», как уверял Андраде, чтобы

тем самым продлить поход и заработать побольше, — но на такие вещи смотришь сквозь пальцы. Все они — были бедные люди; дневной заработок в нашей экспедиции представлял для них значительную сумму. За жалкие три кроны в день они с утра до вечера тащили на спине тридцать — сорок килограммов... Восьмичасовой рабочий день — для них понятие неизвестное! Как не понять после этого их маленькие хитрости, тем более что в их глазах каждый гринго богач! И они по-своему правы...

Итак, из «Лагеря зеленых лягушек» шестеро носильщиков пошли обратно в Пильяро. На прощание они обняли нас, перекрестили и благословили, даже поцеловали честно заработанные, но довольно грязные ассигнации. Двое пеонов — Давид и Даниель — остались. Это были симпатичные парни, не боящиеся тяжелой работы. Всем своим поведением они убедительно опровергали болтовню о пороках метисов. Давид оказался к тому же отличным поваром — желанное лицо в любой экспедиции!

Мы задержались на один день отдохнуть в «Лагере зеленых лягушек». Андраде отправился с лотком для промывки золота к реке, но не добыл ни крупинки. Я занялся — с большим успехом — сбором живых экспонатов; мне удалось, в частности, поймать полдюжины лягушек, неизвестных дотоле науке — или, во всяком случае, еще никем не описанных.

А на следующий день наш отряд снова выступил в поход. Мы искали путь к Серрос Льянганати, «золотой» горе. Во главе каравана шли Давид и Даниель. Они прорубали проход своими мачете соответственно указаниям Андраде. Мне приходилось и раньше иметь дело с труднопроходимой местностью, но ничего подобного я еще не видел. Деревья и камни поросли густым мхом, напоминавшим на ощупь мокрую губку. Хватаясь за сук или ствол, невозможно было заранее знать, не гнилой ли он; толстый ковер мха скрывал многочисленные углубления в почве. Невольно вспоминались мангровые заросли. Стволы и ветви протягивались во все стороны, словно извивающиеся змеи, образуя непролазный лабиринт.

Прорубиться сквозь этот заколдованный лес оказалось почти невозможным. Порой мы лезли точно обезьяны, на расстоянии одного-двух метров от земли, в других местах прокладывали туннели. Раз за разом наш отряд упирался в отвесную скользкую скалу, и приходилось

искать обход. Два дня мы бились впустую: каждый новый маршрут оказывался тупиком. Все же спустя еще два дня упорнейших усилий мы выбрались из лабиринта и вскарабкались наконец на четвереньках, тяжело дыша, на высотку, с которой открывался изумительный вид.

На севере и северо-востоке возвышались вершины Серрос Льянганати, на востоке вырисовывались четкие силуэты многочисленных безымянных и неисследованных пиков. А еще дальше простиралось море джунглей, из которого, точно остров, торчал вулкан Сумако.

По расчетам Андраде, мы были недалеко от цели. Теперь предстояло отыскать описанные Вальверде ущелье и озеро — заветный тайник, где хранится клад.

И тут разразилось! Шесть дней и шесть ночей непрерывно лил дождь, все небо над Льянганати затянули холодные тучи, видимость была равна нулю. Я заболел: у меня начался жар, голова раскалывалась от боли, и каждый шаг стоил мне невероятных усилий. Местность была почти непроходимой: глубокие ущелья сменялись скользкими отвесными скалами. В отдельные дни мы продвигались всего на несколько сот метров. Каким-то чудом никто не разбился насмерть, хотя мы то и дело летели кубарем в провалы и трещины, прикрытые сверху мхом и кустарником.

Животные попадались редко: здешние заросли явно были слишком густы для крупных млекопитающих. В первую неделю похода, как я уже говорил, мы ежедневно видели следы пумы, медведя, оленя, горного тапира, а порой наталкивались и на самих зверей.

Андраде Марин метко прозвал горного тапира «инженером джунглей». Он считает его неоценимым помощником путешественников: тропы и туннели тапиров безошибочно указывают надежный путь. В частности, тапиры умеют находить самый удобный проход через перевалы.

Теперь же мы оказались в местности, куда не заходили даже горные тапиры. Уже по одному этому можно судить, в какие дебри нас занесло. Правда, иногда нам попадались птички. Они совершенно не знали страха и с любопытством разглядывали нас, подпуская почти вплотную. Пернатые явно удивлялись необычным существам. Забавнее всего выглядели крохотные зеленые колибри, словно одетые в белые штанишки.

Если животный мир не отличался разнообразием, то тем богаче была растительность. Кругом цвели чудесные огромные орхидеи и другие прекрасные редкие цветы, которых мне нигде больше не приходилось видеть.

После недели непрерывных дождей выдалось несколько дней получше; ясная погода с утра позволяла нам кое-как ориентироваться. Андраде был доволен. Все совпадало с указаниями дерротеро, уверял он, оставалось пройти только каких-нибудь два-три километра, отделявших нас от определенного пункта... Только... Мы петляли и кружили, передвигались со скоростью улитки, а на третий день нам опять преградило путь глубокое ущелье с крутыми стенками. Попытались спуститься с помощью веревок; они оказались слишком короткими. Снова надо была искать обход! А обход грозил затянуться...

Наши запасы продовольствия сократились угрожающим образом, как ни старались мы экономить. Джордж Хоуден должен был сбросить нам пополнение. Мы ждали его во второй день нашего пребывания в «Лагере зеленых лягушек» на берегу Сан-Хосе, но ему не удалось отыскать нас.

Луис Ариас (шеф компании «Ареа», которому я должен 2 миллиона долларов) обещал, если позволит погода, направить один из своих самолетов в Льянганати, чтобы доставить нам продовольствие и почту. В условленный день стояла чудесная погода — на небе ни облачка. Утром в начале восьмого мы услышали далекий гул авиационного мотора. Я не сомневался, что Джордж обнаружит нас.

Мы расстелили на земле брезент и одеяла и подбросили в костер сырого мху, чтобы получился густой дым.

И вот на западе показался самолет... Но он шел напрямик... на те горы, которые Джордж — не Андраде! — считал кладовой Вальверде. А они находились к северу от нашего лагеря... Неужели Джордж действительно уверен, что мы пошли туда, хотя мы совершенно ясно просили его искать нас южнее реки Льянганати? Или его притягивает невидимый магнит?..

Самолет описал круг около горы и скрылся в восточном направлении. Немного спустя он показался опять, высоко-высоко над нами, и снова курсом на проклятую гору Джорджа!

«Ну, теперь-то он должен нас увидеть!» — думали мы. Увы! Костер дымил вовсю, но дым стелился по земле, вместо того, чтобы подниматься кверху. Сверху он должен был казаться туманом. К тому же на лагерь падала густая тень от горы. Мы орал, не думая о том, как это нелепо, махали одеялами. Все напрасно. В течение получаса самолет кружил над Льянганати и трижды подлетал к горам, облюбованным Джорджем... Пропал долгожданный провиант и письма моих родных!

Когда мы вернулись из Льянганати, Джордж заявил, что твердо рассчитывал найти нас у «его» горы, а не у горы Андраде. Конечно, он помнил наш наказ, но был уверен, что мы просто не хотели признаваться, а на самом деле пойдем именно к тем горам, которые так приглянулись ему.

Так или иначе, наши запасы продовольствия не были пополнены. И вот настал день, когда нам пришлось признать необходимость возвращения в Пильяро. Андраде готов был рыдать от злости.

Обратный путь был нелегко. Погода стояла наисквернейшая; непрекращающийся дождь заставил все реки выйти из берегов. Высокая температура и дикая головная боль доводили меня до иступления. Когда мы добрались до хижин Тамбо-де-Мама-Рита, я был готов тут же свалиться; только предельное напряжение помогло мне дойти туда. Ни в одном первоклассном отеле я не наслаждался отдыхом так, как в этих примитивных, полуобвалившихся хижинах. После непрерывных дождей и ночевки в сырых местах — иметь возможность растопить очаг сухими дровами, просушить одежду и обувь, спать на сухом земляном полу... Было время, когда это казалось мне недостижимой мечтой.

Один из вакиро одолжил мне лошадь, так что завершающую часть пути до Пильяро я проделал с большими удобствами. А там мы, разумеется, не замедлили объесться, прежде чем отправились в Кито. Почти целый месяц мы не видали мяса — если не считать поделенного на десятерых зайца — и теперь уписывали за обе щеки свинину и другие лакомые блюда, по которым так истосковались. Зная заранее, что такого рода излишества чреваты тяжелыми последствиями, и желая предупредить революцию в желудках, мы распили в качестве «успокоительного средства» бутылку крепкого вина. Его действие было подобно атомной бомбе!

Дон Панчо, на долю которого выпало встречать столько разочарованных кладоискателей, изобразил на лице глубокое сочувствие (одновременно он с явным удовлетворением пересчитывал полученные с нас за пиршество деньги), вздохнул и сказал:

— Что ж, похоже, на этот раз ваши надежды не оправдались — ведь вы не везете с собой золотых слитков, не правда ли? — но я надеюсь увидеть вас опять в следующем году...

Мы заверили его, что через год обязательно вернемся.

9

МИЛЛИОНЕР?

Год спустя мы с Андраде снова очутились в Льянганати. У нас было больше носильщиков и провианта, снаряжение значительно превосходило прошлогоднее. Не буду описывать долгий путь до того места, откуда нам пришлось вернуться в первый раз: мы преодолевали примерно те же препятствия и трудности. Андраде вышел неделей раньше меня во главе большинства носильщиков. Встреча была назначена в «Лагере зеленых лягушек». Там я догнал Андраде, но перед этим успел заблудиться и пробродить несколько дней по лесу вместе с носильщиками. Из лагеря мы отослали почти всех пеонов обратно в Пильяро. Остались только двое: Давид, который ходил с нами в прошлый раз, и его брат Сегундо. Передохнув один день, мы выступили по направлению к Серрос Льянганати.

Разрешите процитировать сделанную двумя неделями позже запись в дневнике, рассказывающую о нашей второй попытке отыскать тайник:

«...Вот уже несколько суток не прекращается дождь. Мы разбили лагерь на склоне горы, и вода проносится сквозь него без задержки. Сколько мы ни искали, нам не удалось найти ровной площадки для лагеря. Все промокло насквозь, дрова сырые, и Андраде пришлось три часа подряд раздувать тлеющие головешки, чтобы вскипятить котелок

воды. Сейчас девять часов утра, мы выступаем к тайнику. По нашим расчетам, он находится где-то совсем близко.

Кажется, я скоро поверю, что Льянганати — тьерра энкантада, заколдованная страна, непрерывно изменяющая свой вид, чтобы сбить с толку кладоискателей. Прошлый раз, покидая Льянганати, мы были уверены, что нам оставалось всего несколько дней до цели. Но вот прошло уже две недели, как мы миновали крайнюю точку прошлого похода, а до клада, похоже, все так же далеко. Правда, до сих пор все указания дерротеро оправдывались, но теперь, кажется, начались расхождения. Видимо, за пятьсот лет, прошедших со времени похода Вальверде в Льянганати, землетрясения и обвалы изменили местную географию. Впрочем, Андраде отнюдь не падает духом — напротив, он убежден, что через два-три дня мы будем у цели...»

После этой записи прошло еще три дня, а нашему путешествию все не было видно конца. Больше того, мы убедились, что в пределах доступного нам времени вряд ли вообще дойдем до нужного места, если будем и дальше следовать избранным путем — он оказался почти непроходимым. Расселины и ущелья преграждали нам дорогу, и пришлось в конце концов поворачивать обратно к исходной точке у подножия Серрос Льянганати. Оттуда мы снова двинулись в обход, который обещал затянуться самое малое на неделю, чтобы атаковать гору с другой стороны. Зато на этот раз я впервые был по-настоящему убежден, что мы оказались на верном следу. Наконец-то чары разрушены — всё до мелочей совпадало с дерротеро!

Мы проверили свои запасы продовольствия. Хватит ли нам на оставшийся путь? Взвесили все продукты — оказалось не так уж много. Если уменьшить дневной паек, на неделю хватит, но уж на две — никак... А нам требовалось две недели, если не три. Волей-неволей вторично приходилось поворачивать, не дойдя до цели... Мы чувствовали себя отвратительно. А может быть, все это было только к лучшему? Погода вдруг испортилась, начались бури и ливни, реки выходили из берегов, то и дело происходили обвалы. Мы до того измотались, что, когда наконец добрались до Тамбо-де-Мама-Рита, я спрашивал себя: стоит ли все золото на свете таких мучений?

Итак — снова крах! А значит, и конец всей истории? О нет!

Еще до окончания похода мы назначили начало следующей экспедиции на сентябрь будущего, 1952 года. Разве можно было

сдаваться теперь! Еще одно усилие — и мы будем точно знать, — существует клад или нет. В четырнадцатый раз предстояло Андраде идти в Льянганати!

Вскоре после нашего возвращения в Кито Андраде как-то раз пришел ко мне в страшном возбуждении.

— Тебе приходилось раньше слышать о двоих кладоискателях, которые давным-давно побывали как раз в тех же местах, что мы? — спросил он. — Один из них якобы упал в ущелье и разбился насмерть...

— Нет, никогда не слыхал.

— И я тоже, — продолжал Андраде задумчиво. — А уж, казалось бы, кому знать, как не мне! Видно, все это выдумка...

— Да кто тебе рассказал об этих кладоискателях?

— Гм... об этом ты узнаешь в другой раз.

А спустя еще две недели Андраде появился снова, сияющий от радости.

— Послушай, оказывается — это правда! — воскликнул он.

— Что правда?

— Это случилось лет девяносто или сто назад. Двое англичан, морские офицеры, отправились на поиски клада Вальверде. Они были совершенно уверены, что идут правильно, причем следовали, по-видимому, там же, где и мы. При переходе через ущелье один из них сорвался и погиб. Тогда второй вернулся. Обо всем этом говорится в английской книге, которая вышла восемьдесят лет назад. Так что теперь подтвердилось все, что она мне говорила!

— Да кто она?

— Ворожея.

И тут наконец Андраде рассказал мне о своих делах. Среди знакомых моей тещи в Кито была одна ворожея, которая славилась потрясающей проницательностью. Теща позвала Андраде с собой к этой ясновидящей; меня она пригласить не решилась, зная, что я отношусь к прорицательницам без должного доверия.

— Вот этот человек собирается в путешествие, — сообщила теща ворожее. — Чем оно кончится?

Старуха зажгла свечу, долго глядела на ее огонек, потом заговорила:

— Это будет трудное путешествие, по очень дикой стране. Надо прорубать себе путь через дебри, переходить топи и реки. Многие ходили туда на поиски чего-то, но никто не нашел искомого... Да, я вижу, что они искали. Золото древних инков. Золото язычников. Два человека были очень близко от золота. Они нашли верный путь. Но один из них сорвался в ущелье; тогда второй возвратился. Я вижу, что вы тоже, — старуха указала узловатым пальцем на Андраде, — вместе с тремя другими были у этого самого ущелья. Да только вам не удалось спуститься. И не пытайтесь! Иначе случится беда. Обойдите кругом, тогда вам легче будет найти клад. Но будьте осторожны!

— Да она просто читала твои мысли! — сказал я Андраде.

— Какое там читала! Ведь я же не знал ничего о тех двоих кладоискателях, никогда и не слыхал о них! И старуха, конечно, не слыхала. Нет, называй это чтением мыслей, жульничеством или чем хочешь, но только я верю в ее предсказание!

Наша третья экспедиция началась в условленный срок. Я считаю себя вправе говорить «наша», хотя сам не мог в ней участвовать, так как был вынужден срочно выехать на родину. Однако финансировал экспедицию я, как и предусматривало наше соглашение. Меня заменил в составе экспедиции один мой хороший друг. Кладоискатели собирались взять с собой новейший прибор, который определяет местонахождение руд и металлов с помощью электромагнитного излучения. Аппарат прибыл в Кито своевременно — об этом позаботился Гюстав Альгорд, но полагающиеся к нему батареи почему-то так никогда и не были получены. У Андраде не хватило терпения дожидаться, и он решил отправиться в путь без современного прибора, вооружившись обыкновенным «волшебным» прутом.^[21]

Я с волнением ожидал в Швеции вестей от Андраде. Наконец из Экуадора пришло письмо.

«Я нашел место, которое мы искали, — писал он. — Прут указал на тайник. Впрочем, я и без того знал, что пришел к заветному месту. Все в точности соответствует указаниям дерротеро Вальверде. Однако я не мог, да и не решался, раскапывать сокровище. С одной стороны, я не доверял своим спутникам; с другой стороны, у меня не было нужного инструмента. Приезжай как можно скорее!»

Не может быть! Неужели я миллионер?..

Читатель, может быть, сочувственно улыбнется на этом месте.

Но согласитесь: не будь у меня веских причин верить в существование клада Вальверде, разве стал бы я тратить заработанные упорным трудом денежки на его розыски, выбиваться из сил и рисковать жизнью в дебрях Льянганати! Я не сомневаюсь в существовании клада. Но тогда кому-то ведь предстоит найти его, так почему не мне и Андраде? Разумеется, такой случай может показаться почти невероятным. Однако столь же невероятной кажется мне возможность выиграть первый приз в лотерее — и все-таки кто-то же его получает!

Но экспедиции требуют денег, а чтобы иметь деньги, надо работать, что-то производить — например, совершать такие экспедиции, на которых и в самом деле можно заработать. Как ни хотелось мне этого, я не мог сесть на первый же самолет и отправиться в Эквадор. Я совершал лекционное турне, к тому же мне предложили одну интересную работу, которая как раз сулила нужную сумму.

Итак, я написал Андраде и попросил его подождать, объяснив, как обстоит дело: прежде чем мы вместе добудем золотой клад, я должен добыть в Амазонас гигантскую змею.

НЕУДАЧНАЯ КИНОЭКСПЕДИЦИЯ

Итак, в то время, когда Луис Андраде совершал очередной утомительный поход в Льянганати, я находился в Швеции.

Однажды ко мне пришли в гости киноработники: режиссер Торгни Андерберг и оператор Вальтер Буберг. Они хотели обсудить со мной возможность заснять полнометражный научно-популярный фильм. Мне предлагали возглавить киноэкспедицию. Предложение показалось мне соблазнительным, к тому же оба были уверены, что смогут заинтересовать своим замыслом кинокомпанию и тем самым будет решен денежный вопрос. Во всех моих предыдущих экспедициях основной проблемой были финансы — а тут мне вдруг предлагают совершить увлекательнейшее путешествие и берутся оплатить расходы! Нужно ли говорить, что я не стал долго раздумывать!

Но где будет сниматься фильм? Решить это предоставлялось мне; единственным условием было участие в фильме малоизученного народа и редких животных в окружении тропической природы.

— Амазонас! — предложил я.

— Хорошо, едем в Амазонас, — согласился Андерберг.

По прежним походам в необъятные джунгли в бассейне величайшей реки мира я знал, что там раздолье для кинообъектива. Вместе с одним моим земляком, который заведует естественно-историческим музеем в Попаяне, я уже наметил путешествие в юго-восточную Колумбию. Здесь, по течению рек Путумайо и Какета, расположена малоизученная в зоологическом отношении область. Особенно меня влекла анаконда — гигантская змея, о которой ходят столь разноречивые слухи. Именно в этих краях обитают самые крупные

анаконды. Попытаться поймать рекордный экземпляр — трудно придумать более заманчивое задание! Гигантская змея в главной роли! Эта мысль увлекла и Андерберга и Буберга, мое предложение пришлось им очень по душе. Торгни Андерберг тут же назвал будущий фильм «Анаконда».

Поначалу все шло как по писаному. Компания «Нурдиск Тунефильм» отнеслась к замыслу с большим интересом и взяла на себя все расходы. Начались энергичные приготовления: мы подбирали снаряжение, оформляли визы и так далее. Надо было торопиться, чтобы успеть со всем до дождей, которые льют в Амазонас с марта до октября — ноября. Однако непредвиденные обстоятельства задержали нас, и мы смогли вылететь лишь в середине января. В Нью-Йорке мы докупили кое-какое снаряжение, в Панаме испытали в тропических условиях кинокамеры, ленту и звукозаписывающую аппаратуру и наконец прибыли в Боготу.

Еще до нашего появления печать Колумбии сообщила о предстоящей экспедиции. В результате нас засыпали письмами, в которых местные жители предлагали свои услуги в качестве проводников и подсобных рабочих. Среди желающих оказалась даже восьмидесятипятилетняя дама! Она разработала для нас замечательный сценарий, обеспечив себе видную роль — нечто вроде невесты Тарзана... Бойкое предложение! Однако мы не решились его принять.

Одно из писем заметно выделялось среди других. От него веяло ароматом джунглей: автор пятнадцать лет путешествовал по Амазонас, встречался с гигантскими змеями, ягуарами и прочим зверьем. К тому же он явно был человек, неизлечимо влюбленный в лесные дебри. Подпись под письмом гласила: Хорхе Санклементе, служащий управления по делам охоты и рыболовства министерства земледелия.

Я встретился с Санклементе в Боготе и сразу же убедился, что он самый подходящий для нас человек. Это был настоящий мужчина, конквистадор, бесстрашный и суровый. Амазонас он знал, как свои пять пальцев. С первых же шагов Санклементе оказал нам неоценимую помощь.

Немало помогли нам и колумбийские власти; наша затея их очень заинтересовала. Они снабдили нас, в частности, оружием, патронами и соответствующими удостоверениями, которые иначе невозможно было достать. Шведское посольство также не пожалело сил, чтобы помочь нам; впрочем, так поступали все наши земляки в том краю.

Мы спешили выбраться из Боготы, чтобы управиться со съемками до начала дождей, но вместо этого день за днем проходил в нетерпеливом ожидании недостающего снаряжения. Корабль, который вез его из Швеции, блуждал где-то между портами Центральной Америки. Наконец мы получили свое имущество — с опозданием на три недели.

Было уже начало марта, когда наша экспедиция смогла двинуться дальше.

По пути к городу Пасто, в южной Колумбии, откуда отряд должен был направиться на юго-восток, к реке Путумайо, мы остановились ненадолго в Попаяне и повидались с моим другом. Мы рассчитывали на его участие в экспедиции, но просчитались, к своему великому огорчению. Он не смог присоединиться к нам и предложил взять взамен Лаурентино Муньоса, с которым не раз ходил в джунгли собирать коллекции для музея. Лаурентино владел вместе со своим братом небольшой кофейной плантацией в районе Попаяна, но отдавал явное предпочтение приключениям. Едва представлялся случай отправиться на охоту или сбор коллекций, как он навешивал на себя ружье и мачете — длинный широкий тесак, — забирал накомарник и прочие нехитрые принадлежности и оставлял плантацию на попечение брата.

Перед тем как продолжать путешествие, мы, разумеется, зашли в музей моего друга — крупнейший и лучший музей во всей Колумбии.

В Попаяне есть две выдающиеся достопримечательности: заспиртованное сердце героя освободительной войны Симона Боливара (впрочем, ученые сомневаются в подлинности этой реликвии) и чучело лося, убитого шведским королем Густавом V. Лось стоит в музее моего друга; он приобрел его у придворного препаратора Туре Хансона в обмен на нескольких представителей

животного мира тропиков. Невиданный северный зверь занял почетное место в южноамериканском музее, народ валил туда толпами. За четыре дня 10 тысяч из 38 тысяч жителей Попаяна побывали в музее. Огромное впечатление произвели на них размеры лося: таких крупных животных в Южной Америке нет. Попаянцы страшно гордились этим приобретением, особенно, когда прочли, что «эсте эхемплар фуэ касадо пар Су Махестада эль Реи Густаво де Суэсиа» («этот экземпляр убит его величеством королем Густавом V шведским»). На четвертый день в музее скопилось столько народу, что чуть не случилась беда — под тяжестью посетителей проломился пол! К счастью, никто не пострадал, лось тоже уцелел, а сильно возросшие доходы музея позволили сделать новый замечательный мозаичный пол.

Из Попаяна мы доехали до Пасто, у подножия вулкана Галерас, оттуда спустились на грузовике по восточным склонам Анд, затем пересели на лодку и поплыли вниз по реке Путумайо. Отряд достиг намеченного района как раз к началу дождей. Читатель, вероятно, уже догадывается, что экспедиция кончилась неудачей, поэтому я не стану тратить на нее много слов. Расскажу только о шестом участнике нашего похода, чернокожем поваре Хокке.

Мы разбили лагерь возле устья маленькой кебрада — протоки, соединяющей озеро Чайра с рекой Кагуан; здесь было единственное сравнительно сухое место. Дождливый сезон был в разгаре, он начался в этом году значительно раньше и интенсивнее обычного. Из-за сильных ливней Рио-Кагуан вышла из берегов и превратила окрестные джунгли в сплошную топь.

Наше настроение упало до нуля, мы стали такими же мрачными, как небо у нас над головой. Низко нависшие серые тучи напоминали грязные мокрые тряпки. И это в то время, когда нам требовалось для съемок солнце, солнце и еще раз солнце! Положение сложилось отчаянное. Совершить путешествие из Швеции до Амазонас, ухлопать кучу денег — и вдруг такое разочарование! Что делать? Надеяться на улучшение погоды и ждать? Но есть ли вообще какие-либо основания для такой надежды? Каждый лишний день означал большие

дополнительные расходы, так не лучше ли уж сразу вернуться? Хотя нам далеко не удалось собрать необходимый материал...

В эти печальные дни у нас все не ладилось, не только съемки. Муньюсу пришлось выбросить препарированных птиц и зверей: они загнили от сырости. Погибла моя коллекция редких представителей животного мира с реки Кагуан. Столько трудов пропало...

Или взять нашего чернокожего повара Хокке. Что с ним такое происходит? Он стал какой-то вялый, двигается еле-еле, от работы отлынивает, сплошь и рядом не откликается, когда его позовешь. Вокруг очага и в ящиках с провиантом — беспорядок, посуда постоянно грязная...

Прозвище «Хокке» было выдуманно Торгни, который никак не мог выговорить непривычное имя Хоакин. Мы нашли Хокке (вернее будет сказать: он нашел нас) в Пуэрто-Асис, на берегу реки Путумайо. Он уверял, что замечательно готовит, да к тому же умеет обращаться с моторами. Учитывая все это, а также его знакомство с английским языком, мы решили, что нам просто повезло. Правда, у Хокке был довольно затрапезный вид, но мы выдали ему новую одежду, и он стал выглядеть вполне прилично.

Хокке пришелся нам по душе. Разумеется, он значительно преувеличивал свои познания в кулинарии и механике, но это можно было поправить. Зато его недостатки с лихвой перевешивались хорошими качествами: он охотно работал, всегда готов был помочь и относился к нам, как заботливая мать. Торгни, кажется, предпочел бы повара, умеющего петь и играть на гитаре — так было намечено в его сценарии; пришлось ему утешиться тем, что фотогеничная внешность Хокке возмещала отсутствие музыкального дарования. Хокке знал только обрывок какой-то печальной индейской песенки, пять-шесть нот, которые напевал без конца, с утра до вечера. Неудивительно, что нам очень быстро приелись эти его «позывные». Однажды утром я решил подсчитать, сколько раз он исполнит любимый мотив за то время, пока закипит котелок с кофе. Костер горел хорошо, дрова были сухие, и Хокке успел спеть свою «песенку» всего двадцать три раза.

А на четвертую неделю нашего знакомства (мы поднимались в это время вверх по реке Кагуан) Хокке внезапно переменился. Он весь как-то поник и стал запускать свои обязанности. Один раз наша лодка, из-за явной небрежности Хокке, со всего разгона налетела на бревно и чуть не перевернулась. К тому же мотор без надлежащего присмотра то и дело капризничал. Кончилось тем, что мы отстранили Хокке от должности моториста.

Не лучше обстояло дело и с приготовлением пищи, заготовкой дров и другими обязанностями Хокке. От его трудолюбия не осталось и следа, он ходил все время мрачный и замкнутый.

— В чем дело, Хокке? — спросил я в конце концов. — Что-нибудь случилось? Ты заболел?.. Ты же знаешь, что у нас полно лекарств — чем тебе помочь?

— Да нет, мистер, я в полном порядке.

— И еще одно дело, Хокке: почаще купайся. В такую жару купаться обязательно, а тебе так даже необходимо. Ты меня извини... но от тебя нехорошо пахнет...

Обычно я воздерживаюсь от упреков подобного рода, но тут был просто вынужден сделать замечание Хокке. От него не то что нехорошо пахло, а прямо-таки воняло! А так как он обычно устраивался спать на ночь по соседству со мной, то мои органы обоняния подвергались довольно сильному испытанию, хотя их никак нельзя назвать изнеженными.

Хокке послушался и стал чаще купаться, но всякий раз дожидался наступления темноты. Правда, есть люди, которые стесняются показываться нагими даже представителям своего же собственного пола. Я решил, что Хокке относится именно к таким чудакам...

После двухнедельного унылого путешествия по реке Кагуан мы добрались до озера Чайра и разбили там свой лагерь. Я уже говорил, что в эти дни у нас в отряде царило мрачное настроение; поведение Хокке только подливало масла в огонь. Его приходилось без конца

подгонять, чтобы заставить выполнить даже самую простую работу; бóльшую часть времени он сидел неподвижно, устремив взор в пространство. «Уж не психоз ли какой-нибудь напал на него?» — спрашивал я себя. Дурной запах все усиливался и стал уже совсем невыносимым.

Как-то раз Торгни и Хорхе удалось выловить здоровенную рыбу, килограммов на шестьдесят — желанное пополнение наших продовольственных запасов. Хокке получил задание почистить рыбину и разрезать ее на тонкие куски, чтобы мы могли коптить их над костром. Пришлось несколько раз повторить распоряжение, пока он взялся за мачете и стал вяло — нарочито вяло, на наш взгляд! — ковырять рыбу. Хорхе резким тоном предложил ему двигаться поживее. Хокке не отвечал и продолжал не спеша отковыривать толстые куски. Тогда Торгни прыгнул в лодку к нему, чтобы показать, как нарезать филе.

И тут Хокке повел себя самым неожиданным образом. Он издал дикий вопль и замахнулся мачете, собираясь ударить Торгни. Тот едва успел спастись на берег.

— Хокке сошел с ума! — закричал Торгни.

Мы пристально следили за движениями нашего повара. Постепенно он успокоился, но не стал больше возиться с рыбой, а вышел из лодки, медленно прошел к костру и присел там, уставившись на огонь.

Я подошел к нему.

— Что с тобой происходит, Хокке? — спросил я.

Он не ответил, только поднял взор и все так же молча стал смотреть на меня.

— Отвечай же, Хокке!

Инкские маски из золота.

Кито, красивая столица Эквадора, расположена на высоте трех тысяч метров над уровнем моря, у подножия потухшего вулкана Пичинча.

Котопахи — самый высокий действующий вулкан в мире (5943 м).

По пути в Льянганати. Не так-то просто переправиться с грузом по скользкому стволу!

Лесные клопы — представители удивительно разнообразного мира насекомых, обитающих в джунглях Южной Америки.

Так цветет обитающее в дебрях растение, родственное банану.

Опустошенное огнем болото Ла-Апая.

Берегитесь зубов эль перро!

Нелегко было подниматься вверх по реке Сан-Мигель.

Победители состязания.

Именно так должен выглядеть настоящий индеец: убор из перьев, ожерелье из клыков ягуара и кабана.

Лиловые губы стали модными после того, как один торговец привез химические карандаши.

Вождь кофанов.

Юная кофанка с большим вкусом изготовила украшение из перьев тукана.

Птичьи перья украшают и мужчину.

Цветы можно не только нюхать!

Один из наших маленьких помощников с громадной улиткой.

Есть в Швеции деревни, где девушки наряжаются в красные чулки. У кофанов чулок нет, зато здесь красят ноги ачиоте, и получается ничуть не хуже.

Приготовление кураре. Ядовитый настой варят из лиан и этим ядом смазывают стрелы.

Одной стрелой охотник поражает насмерть небольшого зверя.

Не только женщины носят серьги!

Снимайте скорее, мне некогда!

Чем не меховой воротник?

Анаконда!

Наконец, когда я уже потерял надежду услышать ответ, он заговорил:

— Я... все время... так мучаюсь, а вы... только ругаете меня!
Посмотрите, мистер!

Хокке завернул штанину, и я поспешил отвернуться, чтобы меня не вырвало.

На ноге Хокке зияла отвратительная язва... Как только он еще жив оставался!

— Хокке! — воскликнул я, придя в себя. — Я ведь давно спрашивал тебя, не заболел ли ты, и ты сказал — нет. Какого же черта ты молчал! Ведь ты знаешь, что у нас есть всевозможные лекарства.

— Я боялся потерять работу, если вы узнаете, что я болен, — пробормотал Хокке.

— Бедный Хокке! — расчувствовался я.

— «Бедный»! Черт бы его побрал, этого бедного! — возмутился Хорхе. — Мне его ничуть не жаль! Это же старая язва, сразу видно. Она была у него еще в Пуэрто-Асис. Да и неизвестно еще, от чего она. А он набрался нахальства наниматься к нам на работу, да еще поваром! Это же преступление! Он всю нашу экспедицию под угрозу поставил! Даже если завтра установится хорошая погода для съемок, все равно мы должны немедленно возвращаться в Пуэрто-Легизамо, чтобы спасти этого негодника...

Жестокие слова! Но в них заключалась горькая правда. Хорхе совсем не лишен человеческих чувств — напротив, и все же такой волевой, прямодушный и неизнеженный человек, как он, не мог сказать иначе.

Мы перевязали Хокке ногу и влили в него пенициллин, а на следующий день свернули лагерь и двинулись обратно вниз по реке. Никакой работы ему, разумеется, больше не поручали.

— Теперь мы будем иметь удовольствие готовить обед для нашего уважаемого пассажира, бывшего повара! — ворчал Хорхе.

Сам Хокке почти не раскрывал рта. Изредка он постанывал и получал болеутоляющее лекарство, однако на аппетит не жаловался и с каждым днем заметно веселел. А один раз мы после долгого перерыва услышали даже его любимые трели.

Впрочем, прежде чем мы сдали Хокке в лазарет при военной базе Пуэрто-Легизамо, на реке Путумайо, он ухитрился поднести нам еще один сюрприз. Это случилось на Кагуане: низко нависший сук смел с лодки Хокке и часть багажа. И тут мы обнаружили, что наш повар не

умеет плавать. Он исчез под водой, потом вынырнул, отчаянно размахивая руками и ногами, и опять ушел под воду. Если бы не Хорхе, который без промедления бросился на выручку, песенка Хокке была бы спета.

Придя в себя, Хокке обратился прерывающимся голосом к Хорхе:

— Спасибо, дон Хорхе! Вы спасли мне жизнь...

Хорхе сделал вид, будто не слышит. Мне он сказал:

— Ничего не мог поделать с собой — в таких случаях действуешь просто машинально!

Валле Бубергу тоже нездоровилось; он заметно осунулся и мечтал только о том, чтобы поскорее вернуться домой. К счастью, это удалось осуществить довольно быстро. Из Пуэрто-Легизамо один немец подбросил нас на своем выдавшем виды самолете в Боготу (в следующем же рейсе его летающий рыдван свалился в джунгли). Этот немец скупал каучук и другие ценные товары в Амазонас и перепродавал их в Боготе с немалой выгодой. Одновременно он перевозил пассажиров и багаж. Казалось, в самолете и для мухи места не найдется, тем не менее он забрал и нас и наше снаряжение. Впрочем, большая часть снаряжения осталась в Пуэрто-Легизамо: мы с Торгни твердо решили завершить съемки, как только кончится дождливый сезон.

Мы попросили летчика следовать над Кагуаном. Для этого не надо было сильно отклоняться от курса, зато мы получили возможность опровергнуть один географический миф. На всех картах озеро Чайра производит внушительное впечатление своими размерами. Между тем кишаций крокодилами водоем, который мы видели во время нашего путешествия и который Хорхе называл Лаго Чайра, показался нам совсем уж не таким обширным. Но где же тогда большое озеро, помеченное на карте? Обследовав этот район с воздуха, мы пришли к выводу, что оно вообще не существует, и пилот подтвердил наши наблюдения. Собственно, тут нет ничего удивительного. Настоящие картографические съемки здесь никогда не производились; часто

географам приходилось основываться на сделанных кое-как зарисовках и противоречивых сообщениях путешественников. Так Чайра и останется на карте значительно больше своих действительных размеров, пока кто-нибудь не поправит картографов.

В Боготе мы распрощались с нашими спутниками-колумбийцами, взяв с них обещание сопровождать нас и в следующей экспедиции. Снова — на самолет, через Ямайку и Нью-Йорк в Европу. Чудесным весенним днем мы приземлились на стокгольмском аэродроме, где нас встречали представители «Нурдиск Тунефильм». Встреча была приветливой, но, естественно, не особенно восторженной. Однако мы с Торгни вовсе не чувствовали себя поверженными героями. Конечно, обидно было возвращаться без достаточного материала для картины, но мы по-прежнему верили в свой замысел и в самих себя. Весь вопрос был в том, продолжает ли верить в нас кинокомпания. Ответ последовал уже через несколько недель: «Поезжайте снова!»

ГИГАНТСКИЕ ЖАБЫ И ЯДОВИТЫЕ ЛЯГУШКИ

Войдя в ванную комнату нашего номера гостиницы в Пасто, уборщица сначала взвизгнула, потом бросилась бежать, усиленно крестясь на ходу.

Уборщицу напугали три гигантские жабы, три страшных чудовища, которые сидели на каменном полу и пялили на нее огромные глаза.

Эти уроды и 2,5-метровый удав, а также энное количество банок с заспиртованными тварями составляли первый улов нашей новой экспедиции. Мы снова приехали в Колумбию, намереваясь возобновить и завершить съемки полнометражного фильма, и в начале ноября 1953 года покинули Боготу.

Валле Буберг заявил, что сыт по горло Амазонас, поэтому его место занял оператор Курт Вальгрэн. Курт уже участвовал в киноэкспедициях в Африку и пристрастился к тропическим приключениям. Новым членом нашей экспедиции был также двадцатичетырехлетний звукооператор Олле Булин; он получил впоследствии прозвище Эль-Капусино (капуцин) из-за своей кудрявой бородки. Остальные участники были те же, что и в прошлый раз.

Наш маршрут должен был явиться повторением прошлогоднего: мы собирались спуститься на грузовике из Пасто по восточным склонам Анд до Рио-Путумайо, а оттуда следовать водным путем в Амазонас. Но предварительно мы успели навестить район западнее Пасто, где я несколькими годами раньше сделал открытие, вызвавшее немалый интерес среди естествоиспытателей. Речь шла, как я уже писал в одной из своих книг, об открытии крупнейшей жабы Нового

Света, которую окрестили Буфо блонбери.^[22] (Как видите, есть много способов обессмертить свое имя!) Торгни решил сделать кинозвезду из гигантской жабы. Таким образом, наша экспедиция очутилась на ее родине.

Это было богатое событиями и довольно трудное путешествие. Четыре дня мы пробирались верхом по узким выючным тропам — то вдоль головокружительных обрывов и пропастей, то сквозь густые заросли по скользкой, глинистой почве. Наше снаряжение, да и сами участники экспедиции с честью выдержали серьезное испытание. При этом киноаппаратура осталась цела только благодаря какому-то чуду, потому что с нашими выючными животными то и дело случались несчастья: то они летели кувырком, то проваливались по брюхо в грязь, и нам приходилось выручать их совместными усилиями.

Курт Вальгрэн один раз чуть не сломал себе шею: подпруга его лошади лопнула, и он полетел вниз головой в глубокую жидкую грязь. К счастью, у Курта оказались прочные позвонки, и он благополучно выбрался из ямы, грязный и злой, как черт. До сих пор знакомство Курта с седлом сводилось к верховой прогулке в Исландии, когда пугливая лошадь сбросила его на камни; понятно, что после нового приключения он стал относиться с еще большей подозрительностью к четвероногому средству передвижения. В дальнейшем Курт предпочитал в опасных местах слезать наземь и доверяться собственным ногам.

Нашей первой жертвой оказались не жабы, а уже упомянутый удав боа, которого «Соколиный глаз» Муньос обнаружил висящим на дереве. Караван немедленно остановился, в мгновение ока кинокамеры и звукозаписывающая аппаратура были приведены в боевую готовность, мы вырубили шесты с рогатками, и после этого судьба рептилии была решена. Несмотря на протестующее шипение, удав был изловлен и упрятан в мешок, пленка запечатлела волнующий эпизод, и все, кроме нашего пленника, были довольны.

Конечной целью этого похода было местечко Ла-Сиудад-де-Мадригаль на берегу реки Патия. В эпоху испанских завоеваний здесь возник город, но индейцы сровняли его с землей и убили белых поработителей. До недавнего времени развалины города были скрыты густыми зарослями, но лет десять назад на этом месте появилась небольшая деревушка, и джунглям пришлось уступить место посевам

и пастбищам. Именно здесь-то и обитают гигантские жабы, однако встречаются они довольно редко. Несмотря на продолжавшиеся три дня и четыре ночи усиленные поиски, в которых участвовали шесть членов экспедиции и все население деревни, добыча составила всего лишь три экземпляра, да и то из них только один оказался взрослым. Зато этот толстячок и весил целый килограмм!

Мы ловили не только жаб. В мой первый приезд в Ла-Сиудад-де-Мадригаль мне попалась небольшая ярко-красная лягушка, которая относилась к неизвестному дотоле виду и была наречена замысловатым ученым названием «Дендробатес гистрионикус конклюэнс». Это ядовитая лягушка; яд выделяется железами, находящимися на спине. Индейцы в Чоко, на северо-западе Колумбии, используют его для своих стрел. Достаточно яду попасть на открытую ранку, и можно писать завещание.

Меня просили добыть еще несколько экземпляров этой необычной твари. И вот теперь я обратился к помощи жителей деревни, пообещав уплатить за каждую лягушку по одному песо (больше двух крон на шведские деньги). Это оказалось роковой ошибкой с моей стороны: я чуть не оставил экспедицию без денег! Насколько редки гигантские жабы, настолько же распространены, судя по всему, красные малютки.

Первым пришел ко мне один мальчуган, неся десяток лягушек, и я был очень счастлив. Но скоро перед нашим домом выстроилась целая очередь ловцов в возрасте от пяти до девяноста лет, держа в руках банки, пакеты, кульки из банановых листьев. Пришлось послать мальчишек — предупредить тех, кто еще не вернулся с охоты, что мне больше не нужно лягушек. Отобрав нужное количество, я выпустил остальных на волю, и ближайшие несколько минут вся земля вокруг дома казалась покрытой живым красным ковром.

Проведя три дня в Ла-Сиудад-де-Мадригаль, мы вернулись в Пасто и привезли туда змею, жаб и лягушек. Я бы охотно задержался еще, так как у меня было много заказов от зоопарков и музеев на новую Буфо, но съемки стояли на первом месте, и пришлось поспешить дальше.

Возвращались мы в Пасто тоже не без приключений, однако прибыли туда благополучно, хотя и основательно измотанные. А на следующее утро состоялось происшествие, с которого начинается

данная глава. Хорошо хоть, что уборщица не обнаружила змеи, не то пришлось бы нам, чего доброго, выселяться из гостиницы.

Вы спросите, как удались съемки? Предоставляю слово Курту Вальгрёну:

«Ослепительное утреннее солнце устремилось к зениту. Дома и улицы словно колеблются в жарком мареве. Многочисленные церкви дружно трезвонят, созывая прихожан. Однако человек, выходящий от лучшего (если верить дирекции гостиницы) фотографа в Пасто, ничего не замечает. Этот человек я, в руках у меня куски киноленты, такие черные, что лишь с большим трудом можно различить на них какие-то непонятные линии. Так выглядят пробы, по которым мы должны судить о результатах нашей первой многострадальной экспедиции в Анды.

Правда, в багаже, который отплыл заблаговременно на пароходе из Швеции в Колумбию, уложены, наряду с запасным съемочным аппаратом, также и несколько бутылок готового проявителя и закрепителя, однако нераспорядительность шведской фирмы привела к тому, что нам на первом этапе пришлось обходиться без этих столь важных деталей. Единственный выход — обратиться к содействию местных специалистов...

Еще накануне, рассматривая у входа в фотографию изображения почтенных граждан города Пасто, я начал испытывать некоторое сомнение. Оно только усилилось, когда щуплый небритый человечек в посеревшей от старости шляпе с обвислыми полями робко впустил меня в «ателье». Мы очутились в полутемной комнате. Одна стена была завешена грязной тряпкой, по-видимому служившей фоном при фотографировании. Вся аппаратуру составлял древний «Кодак» 6×9 да две фотолампы с самодельными картонными рефлекторами на длинных подставках, напоминающие увядшие лилии. Кругом висели давным-давно высохшие негативы, словно допотопная липучая лента для ловли мух. Нехитрая мебель — стол да стул — была завалена пожелтевшими отпечатками, старыми газетами и другим хламом. Фотограф провел меня за тряпку — в «лабораторию», загроможденную бутылками, побитыми ванночками и стеариновыми огарками. Впрочем, здесь было достаточно темно, чтобы проявить мои пробы, а остальное меня не интересовало.

Испуганный человечек заверил меня, что постарается точно соблюдать время проявления и температуру растворов, и обещал сделать все к завтрашнему утру.

И вот я держу в руках результаты его деятельности. Что же это такое? Неужели все наши усилия оказались впустую? Утомительные переходы по узким выючным тропам вдоль крутых склонов, где каждый метр заснятой киноплёнки связан с лишениями и опасностями; лазанье с уступа на уступ в поисках подходящей точки, чтобы возможно лучше показать величие ландшафта; летящие сверху на тропу камни, заставляющие лошадей испуганно шарахаться, а рядом — бездонная пропасть... Я вспоминаю глухие ущелья, где с узких уступов на тысячу метров вниз срывались бурные реки, вспоминаю огромные оползни на нашем пути. Немые зарницы по вечерам, ночные ливни, Пеньол, Поликарпу, Ла-Сиудад-де-Мадригаль... Глинобитные лачуги, заброшенные по воле случая в самые глухие уголки Анд. Поселенцев — сильных и выносливых, гордых и волевых потомков индейцев и конкистадоров...

Больше тысячи метров плёнки засняли мы в первом походе. Сколько времени пройдет, прежде чем они попадут в лабораторию в Стокгольме! Но еще больше — пока нам сообщат о результатах: не так-то легко добраться до Пасто, не говоря уже о Пуэрто-Легизамо, куда мы отправляемся отсюда.

Итак, мне остается только возвратиться в гостиницу, оторвать еще пробы и надеяться на лучший результат.

Проявленные куски, которые на следующее утро предъявляет мне, робко улыбаясь, маленький фотограф, мало чем отличаются от предыдущих. Нет, не может быть, чтобы мы заporоли все ленты! Будем надеяться, что недостающее снаряжение догонит нас самолетом в Пуэрто-Легизамо, и я сам смогу произвести проверку».

Как видите, Курт Вальгрэн чувствовал себя не очень весело.

Зато для меня пребывание в Пасто оказалось более счастливым. Рано утром, когда я еще лежал в постели, с улицы донесся в номер знакомый писк. Неужели мне снится сон? Ведь так пищит только одно существо на свете — длинношерстый тапир! Сколько трудных походов совершил я в уединенные уголки Анд в поисках этого редкого животного! В конце концов мои усилия увенчались успехом, и нью-йоркский зоопарк «Бронкс» первым в мире получил горного тапира.

Да-да, это пицит тапир! Но каким образом... на улицах Пасто? Я выскочил наружу в одной пижаме. Представьте себе, мое удивление, когда я действительно увидел длинношерстого тапира! Поймавшие его индейцы искали покупателя, и я не замедлил заключить с ними сделку. Первый тапир, отправленный мною в Нью-Йорк, был самкой. Меня просили раздобыть самца — вот он тут как тут, с доставкой на дом!

Перед тем как покинуть Пасто, я передал тапира, жаб и удава на попечение моего друга в Попаяне. Он посадил первого в нью-йоркский самолет, отправил вторых в Гётеборг, а третьего, оставил у себя.

А мы продолжали путь в Амазонас.

12

ЛИНО И ЛАБАН — ДВА НОВЫХ ЧЛЕНА НАШЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Начало следующего этапа нашего путешествия было не «слишком обнадеживающим. Нам предстояло спуститься по восточным склонам Анд на вместительном грузовике, а накануне выезда мы наблюдали похороны шофера, разбившегося на этом самом участке. Много несчастных случаев происходит здесь, особенно в дождливый сезон. Машины срываются в пропасти, обвалы и оползни погребают заживо людей и коней. Трудно найти другую дорогу, где бы стояло столько крестов.

В первый день нашего местами довольно опасного путешествия мы преодолели перевал на высоте 4000 метров и очутились в плодородной высокогорной долине Сибундой. Мы познакомились с местными индейцами, а также с двумя бородатыми монахами-капуцинами, учредившими школу и больницу для населения. Жители долины Сибундой — гордые и суровые люди, считающие себя потомками инков. Они любят яркие пончо, на шее носят огромные ожерелья из фарфоровых бус. Охотно путешествуют: я встречал их и в Боготе и в Кито. Сибундойцы известны, как искусные врачеватели; они торгуют высушенными растениями и другими лекарствами, а также амулетами.

Отсюда мы двинулись дальше в сторону Амазонас по бесконечно петляющей дороге, мимо устрашающих обрывов, через гнилые мостики... Погода стояла скверная, густой туман и проливной дождь лишь изредка сменялись ярким солнцем. Постепенно высокогорная растительность перешла в пышную субтропическую флору. Красивые древовидные папоротники стояли вперемешку с деревьями, увешанными яркими орхидеями. Все чаще стали попадаться пестрые, красочные птицы и бабочки.

Разумеется, кинокамера не оставалась бездеятельной во время нашей поездки, и я снова обращаюсь к записям Курта — они не менее выразительны, чем снятые им кадры:

«Исполинские горные хребты вздымают свои вершины над тучами, разрывая их на клочья острыми зубцами и принуждая скатываться вниз по страшным кручам. Обрывки туч собираются вместе и оплакивают свое заточение. Реки угадывают близкую свободу, набираются сил и вгрызаются в горные склоны, прорываясь на волю, к Амазонас.

Четыре дня мы наслаждаемся этой фантастической природой. Неутомимый грузовик карабкается вверх и вниз по узкой извилистой дороге, которая порой буквально завязывается в узел. Анды в солнечном освещении! Что это должно быть за зрелище, какие можно снять кадры! Но чем выше мы поднимаемся, тем реже проглядывает солнечный луч. Одна за другой плывут тяжелые, низкие тучи, приостанавливаются, словно желая передохнуть, и ложатся затем обессиленно на нас. Все окутывается влажным туманом, то и дело переходящим в бурный ливень. Как тут снимать? Мы ждем часами, когда крошечные голубые просветы, точно издеваясь, выпустят на мгновение солнце — только приготовишь аппарат, как уже опять кругом все серо! И снова петляем на нашем грузовике, упорно выжидая солнца. Кончается тем, что мы решаем показать путешествие через Анды таким, каким оно оказалось на самом деле. Снимаем ливни, туманы, быстро густеющие сумерки, окутывающие все летучим покровом. Я снимаю и снимаю, хотя не сомневаюсь, что все равно не смогу полностью передать своеобразное настроение, навеваемое причудливым ландшафтом.

Эстасьон... Мы прибываем сюда в проливной дождь, когда уже давно стемнело. Несколько дощатых строений на скалистом карнизе

борются из-за места с узкой дорогой; так и кажется, что они сейчас обрушатся в тысячеметровую пропасть, на простирающуюся внизу равнину. Хозяин встречает нас широкой улыбкой своей лоснящейся луноподобной физиономии. Доски пола в ужасе скрипят, потрясенные столь многолюдным вторжением, тонкая стеариновая свечка, воткнутая в бутылку из-под рома, виновато моргает, бросая робкий отсвет на скудную обстановку. По жестяной крыше яростно барабанит тропический ливень, а мы жадно набрасываемся на густой суп из маниока и зеленых бананов. На столе появляются наполовину опустошенная бутылка рома и стакан. Настроение поднимается. «Вот бы показать все это в кино!» — говорит кто-то. И тут я вспоминаю керосиновую лампу у входа, которая наперекор дождю старается немного потеснить ночной мрак.

Плакаты: мадонна, рекламирующая освежающий напиток, Христос, призывающий курить какие-то особенные сигареты. Неугомонный попугай. Хозяин дома, члены экспедиции — я перехожу от одного объекта к другому, вооружившись своим аппаратом и керосиновой лампой... Уже далеко за полночь мы развешиваем вдоль и поперек гамаки и засыпаем под гул дождя».

На четвертый день, после головокружительного спуска из Эстасьон, мы очутились в настоящем тропическом климате — вечнозеленый влажный лес, тут и там клочки посевов сахарного тростника и банановые посадки.

В одном месте навстречу нам с бешеной скоростью пронесся, едва не задев, автомобиль. На его заднем сидении лежал телеграфист из Пуэрто-Умбриа. Он был смертельно ранен несколькими pistolетными выстрелами; его везли в больницу в Пасто.

Сразу после Пуэрто-Умбриа двое полицейских остановили нас и попросили подвезти. Они были вооружены до зубов — охотились за убийцей, но, кажется, без особенного энтузиазма.

Затем к нам подсел еще один пассажир — линейный надсмотрщик телеграфного ведомства. Он сообщил, что связь прервана. Причина? Кому-то понадобился провод, и он отрезал с полсотни метров...

Под вечер мы добрались до Вильяфлор, на берегу реки Путумайо. Здесь дорога кончалась, и на следующее утро мы пересели на длинную — двенадцать метров! — лодку, которая понеслась вниз по бурной реке со скоростью глассера. За этот день мы доплыли до Пуэрто-Асис.

А здесь экспедиция пополнилась еще одним членом. Это был негр Лино Киньонес, которого мы наняли в качестве повара и «мужской прислуги», — рослый веселый парень, любитель петь и играть на гитаре. За все путешествие мы только один раз видели Лино унылым — когда кто-то проломил сапогом деку его гитары. Впрочем, Олле, наш звукооператор, мастер на все руки, ухитрился с помощью клея и фанеры починить инструмент. Получилось не очень красиво, но звук был в полном порядке, и Лино снова повеселел!

Еще день спустя число участников экспедиции выросло до восьми, причем этот восьмой участник отличался от остальных в первую очередь своим цепким хвостом. Мы назвали его Лабан (Дылда). Это был детеныш обезьяны-ревуна, ростом не больше кошки. Хорошеньким его никак нельзя было назвать — ревуны далеко не самые красивые из детей господних! — зато он был на редкость веселый, обладал довольно ярко выраженным характером и немалым умом. Наконец, у Лабана был свой богатый язык, который мы со временем научились хорошо понимать.

Нашли мы Лабана в поселке, около которого причалили, чтобы купить бананов. Он был привязан к столбу, веревку затянули слишком туго, и бедный малыш выглядел очень несчастным. Крохотное тельце покрывала свалявшаяся шерстка, в которой кишели насекомые. Хвост, спина и коленки совершенно облезли. Я выменял Лабана на финку — главным образом из сострадания. Правда, Торгни с самого начала задумал, что в фильме будет участвовать обезьяна — но не такое чучело!

Первым делом мы вымыли Лабана и вывели всех насекомых. Эта процедура явно ему не понравилась — он жалобно кричал и пытался укусить нас. Зато когда мы вытерли Лабана насухо, он сменил гнев на милость, и мы впервые услышали тихое ворчание, которым он выражал хорошее настроение. Купание сделало из него чуть ли не красавца: рыжая шерстка заблестела, стала пушистее и даже как будто гуще, скрыв худобу обезьянки.

Разумеется, кончилось тем, что Лабан стал одним из героев нашей картины. Освобожденный от веревки, он благодаря хорошему уходу и питанию быстро превратился в приветливое маленькое существо. Все члены экспедиции прониклись к нему отеческим чувством, а Торгни не

мог и мысли допустить, чтобы какая-нибудь другая обезьяна заняла место Лабана в фильме.

Много волнующих приключений пережил Лабан в наших походах по Амазонас, но настоящим мужчиной так и не стал. Он смертельно боялся ящериц, лягушек и насекомых. Никогда не забуду, в какой ужас привела Лабана наша попытка познакомить его с карликовой обезьянкой уистити, которую он превосходил размерами раза в четыре. Однако самое страшное переживание выпало на долю Лабана, когда он однажды крепко спал, а какой-то бесцеремонный петух решил прокукарекать у него над самым ухом. Бедняга подскочил высоко в воздух и завизжал как зарезанный!

Итак, с появлением Лино и Лабана наша экспедиция оказалась в полном составе. Теперь бы и развернуть съемки полным ходом — да не тут-то было!

Добравшись после трехдневного плавания в Пуэрто-Легизамо, куда должно было прибыть на самолете недостающее снаряжение, мы услышали радостную весть: багаж ждет нас уже несколько дней! Когда же мы вскрыли ящики, то вместо киноленты, батарей, проявителя и прочих необходимых предметов обнаружили трехколесный велосипед, кукольную кроватку и другие игрушки, а также комплекты детской одежды. Что ж вы думаете? Транспортная фирма в Стокгольме, которой я поручил отправку как снаряжения экспедиции (адресованного в Боготу), так и моего личного багажа (адресованного в Кито, в Эквадоре), по каким-то неведомым соображениям заслала все в Боготу. К счастью, нужные нам ящики не успели отбыть из Боготы к моим детям в Эквадор, и еще можно было все исправить. Однако это означало несколько недель ожидания в Пуэрто-Легизамо. Мы решили использовать это время для путешествия вверх по реке Каукае, притоку Путумайо.

13

КИНОСЪЕМКИ В ДЖУНГЛЯХ

Незадолго перед тем, как наш отряд прибыл в Пуэрто-Легизамо, несколько местных охотников наблюдали необычайное зрелище.

Там, где река Каукая впадает в Рио-Путумайо, недалеко от Пуэрто-Легизамо, они увидели на берегу клубок из одиннадцати, анаконд!

Четырех змей охотники подстрелили, остальным удалось уползти в реку. Самая большая из убитых анаконд оказалась, больше шести метров в длину!

Мы сожалели, естественно, что не приплыли в Пуэрто-Легизамо чуть раньше — какие кадры пропали! Впрочем, узнав, что мы приехали как раз за анакондами, один из наших собеседников вызвался показать нам путь к небольшому озерку выше по Каукае. Там индейцы несколько раз видели на редкость огромную анаконду — не меньше десяти метров в длину!

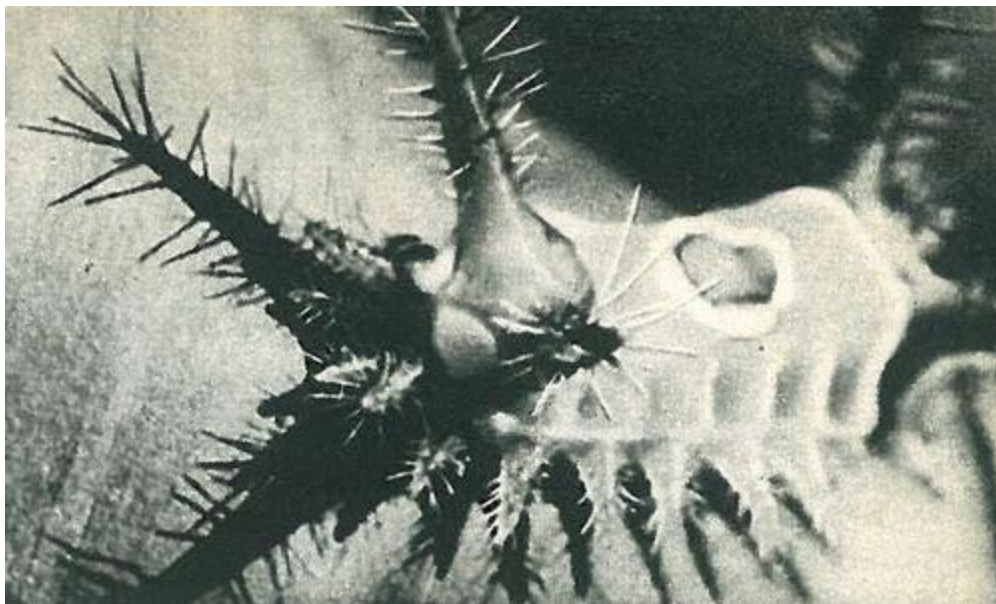
Нашего добровольного проводника звали Обдулио Вильямисар, он пользовался славой «самого искусного охотника и рыболова на всей Путумайо». В молодости Вильямисар был каучеро — добывал каучук — и немало походил по Бразилии и Колумбии. Затем участвовал в экспедициях немецких звероловов, помог, в частности, поймать много ягуаров. Теперь он жил охотой и рыболовством, особенно часто ходил

с гарпуном на пираруку и кайманов. Пираруку, или арапаима, — крупнейшая в мире пресноводная рыба: она достигает в длину четырех метров и весит до трехсот килограммов. Кайман — вид крокодила, его кожа пользуется большим спросом.

Не теряя времени, мы сразу двинулись вместе с Вильямисаром вверх по Рио-Каукае в длинной лодке с подвесным мотором. На буксире у нас плыла вторая лодка, поменьше. Немало рек повидал я в Амазонас, но не знаю реки прекраснее Каукаи. Мягкими извивами течет она сквозь пышные джунгли, ласкающие глаз неисчислимым множеством оттенков зелени и тысячами орхидей и других цветов. Летают нарядные птицы — туканы, цапли, попугаи, зимородки, порхают бабочки всех цветов радуги... Именно так представляешь себе тропическую реку.

А сколько обитателей в самой реке! Мы видели множество кайманов, черепах, рыб — и каких рыб! У нас был с собой спиннинг, рассчитанный на пятикилограммовых щук. Стоило забросить крючок, как сейчас же поплавков скрывался под водой. С первого раза на приманку кинулся громадный оранжевый пехеррей. Несколько мощных рывков — и его острые зубы перекусили прочную лесу. Мы заменили ее. Следующая рыба оборвала крючок. Всего у нас было с собой три лесы. Их хватило на пять минут.

Проплыв полдня вверх по Каукае, мы разбили лагерь. Стоял засушливый период, солнце палило нещадно, тем не менее нам пришлось пережить здесь внезапный кресиенте — паводок, вызванный бурными ливнями в верховьях. Мы оставили лагерь рано утром и вернулись только уже под вечер. За это время река поднялась на целый метр, наши раскладные кровати стояли в воде, и Лино лихорадочно работал, спасая снаряжение. Пришлось нам поспешно переезжать.

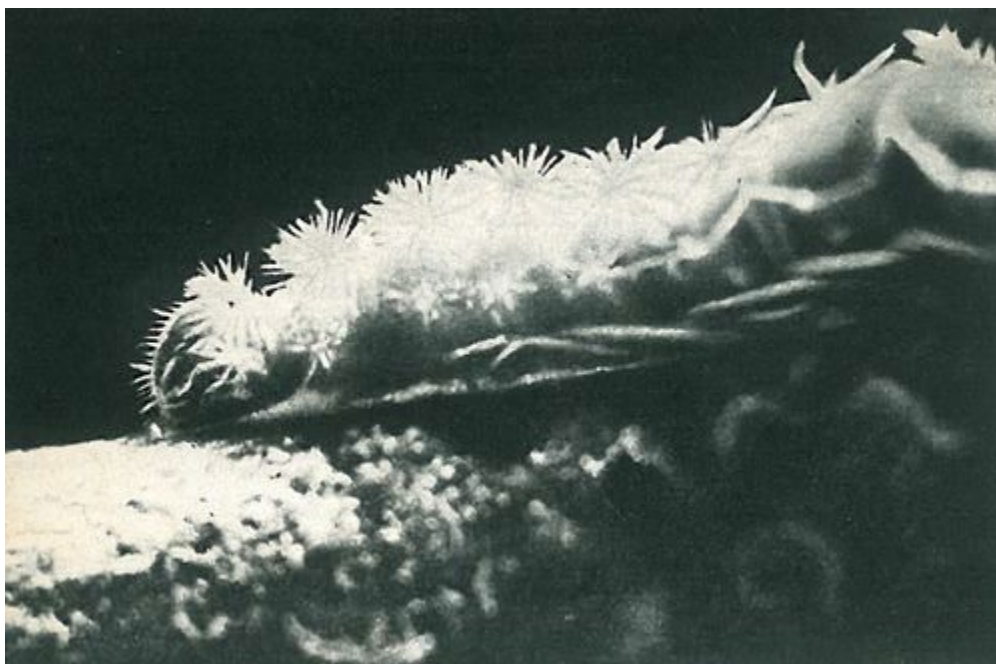
Это не странствующий кактус, а всего лишь гусеница.

Самые большие тысяченожки достигают здесь в длину тридцати сантиметров.

Этот страшный жук вооружен, как носорог.

Гигантская гусеница.

Гусеницы объели уже всю верхушку и спускаются вниз.

Не правда ли, смешная физиономия у ленивца?

Электрического угря лучше не брать руками.

Лино поправился и запел опять.

Куда же мы направимся теперь?

На такой лодке кофанам не страшна никакая стремнина.

Индейцы прихорашиваются перед праздником.

Ожерелье из клыков ягуара — украшение охотника.

Мы обсуждаем предстоящий путь.

Ах, как весело!

Эта игра понравилась кофанским детям не меньше, чем нашим собственным.

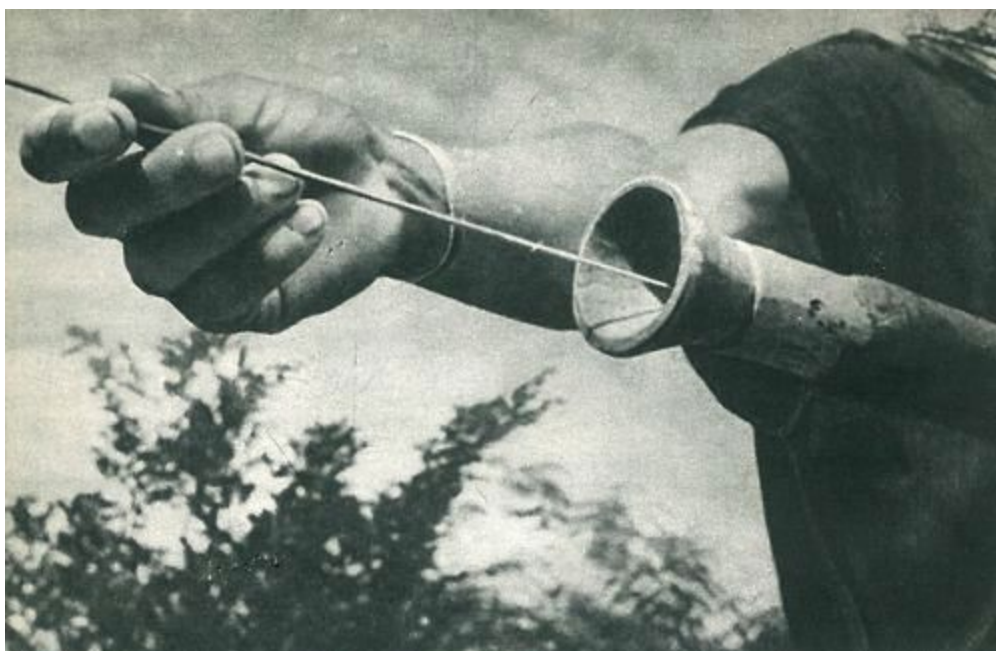

Так индейцы лепят сосуды из глины.

Олле устроил концерт для индейцев. Особенно понравилась им музыка Бетховена.

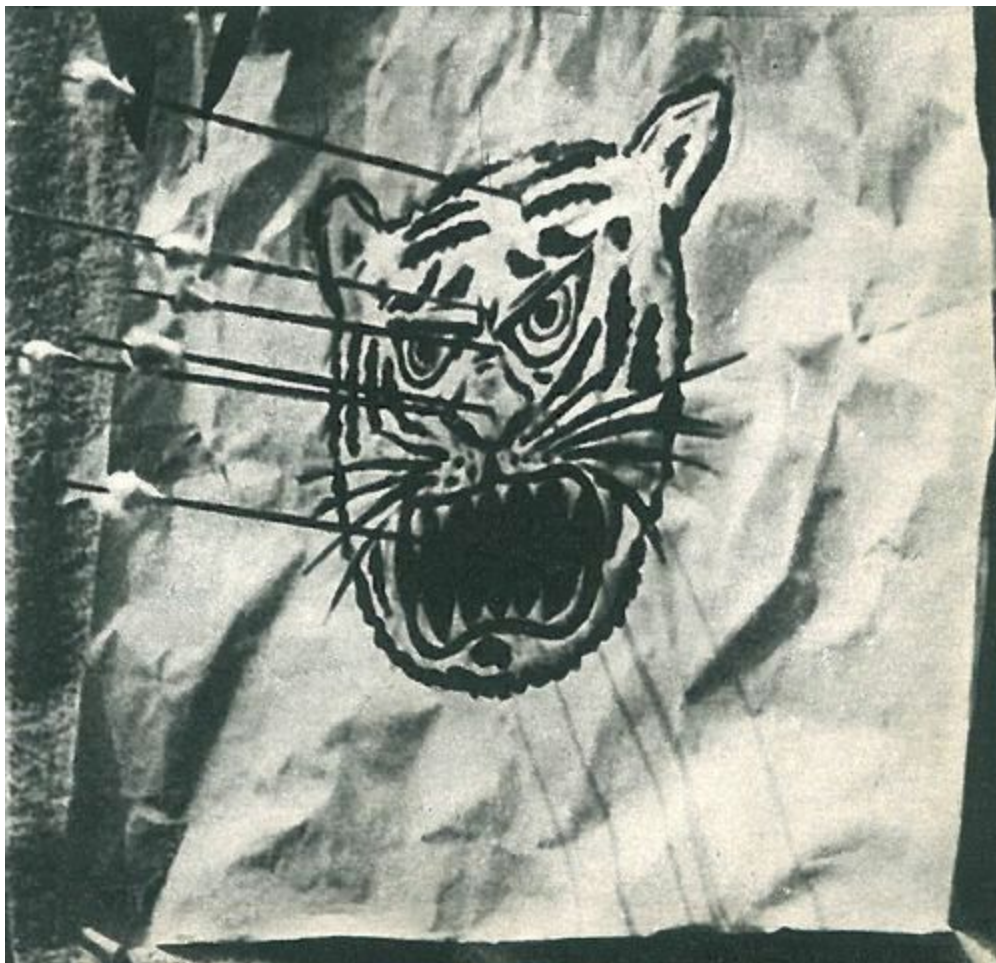
Кофан заряжает духовую трубку...

Огонь!

Состязание продолжается.

Кофаны стреляют из духовой трубки без промаха.

Кофан спускается со второго «этажа».

А теперь снова предоставляю слово Курту. Он расскажет о нашей жизни на Каукае, о трудностях съемки в сырых, жарких джунглях и о поисках анаконды:

«Утро в джунглях. Косматый лес стряхивает с себя пелену тумана, и он уплывает вниз по сонной реке. Усталые после ночного бдения, миллионы москитов удаляются на отдых. Но в тот самый миг, когда первые лучи ослепительного солнца разбиваются вдребезги о блестящую поверхность воды, из зарослей в поисках жертвы вылетают тучи кровожадных мух. Я сижу беззащитный около нашего лагеря, перезаряжаю кассету, когда они набрасываются на меня. Обе мои руки — в черном мешке, где происходит перезарядка, а намазаться жидкостью, отпугивающей крылатых хищников, я забыл. Миг — и мои плечи уже совершенно изъедены. В отчаянии выдергиваю руки из мешка, жертвую пленкой. Конквистадоры, миссионеры, путешественники прошлого — как они могли выносить хоть один день в этой стране без спасительной жидкости!..

...Вот уже много часов мы пробиваемся с помощью мачете сквозь сплетение косматых воздушных корней, упрямых ветвей и колючих

пальм, а коварные лианы ловят нас в свои сети и подставляют ножку. Воздух влажный и душный. Наши рубахи потемнели от пота.

Наконец впереди открывается ярко-зеленое болото; упавшие деревья-гиганты простирают в немом отчаянии к небу черные руки-сучья. Маленькая блестящая рыбка нарушает раскаленную тишину, выпрыгивая из воды. Несколько пузырьков газа лопаются на маслянистой поверхности.

Здесь живет водяной удав — анаконда. Мы балансируем по гниющим стволам, проваливаемся по пояс в грязь, а за нами неотступно следуют тучи насекомых. Съемочная камера становится все тяжелее и тяжелее. Руки горят, когда я поднимаю ее, чтобы заснять очередные кадры. И вот случается неизбежное. Слышится характерный треск, словно кто-то давит ногами ореховую скорлупу: разбухшая от влаги лента заедает, и лентопротяжный механизм рвет перфорацию. Пробую сменить кассету. Снимаю несколько сцен — снова треск. Нет, видно, из съемок ничего не выйдет. Расстроенные, мы продолжаем поиски, но я мечтаю лишь об одном — хоть бы мы не нашли анаконду сегодня! Моя мечта сбывается.

Вечером я бьюсь над разрядкой кассет. Руки влажны от пота. Светочувствительный слой превратился не то в сметану, не то в жевательную резину. Все же мне удастся убрать ленту в жестяные коробки. Однако вечерняя роса слишком обильна, чтобы я мог разобрать аппарат. Уныло заползаю под накомарник и долго не могу заснуть...

...Ослепительное жаркое утро. На ящике под брезентовым тентом разложены внутренности съемочной камеры. Олле вызвался мне помочь. Мы чистим, протираем и смазываем кадровое окно и лентопротяжный механизм — лента должна идти возможно легче. Не один час уходит на то, чтобы собрать аппарат и проверить, что он действует так, как надо, в этой раскаленной атмосфере. Затем мы снова отправляемся на охоту за анакондой. Но теперь я беру с собой пузырек с машинным маслом и смазываю फिल्मовый канал, как только начинает заедать ленту. Целую неделю мы обливаемся потом, предаваясь тщетным поискам гигантской змеи. Затем возвращаемся в Пуэрто-Легизамо...»

Как и в Пасто, Курту удалось разыскать в Пуэрто-Легизамо специалиста, который взялся проявить несколько проб.

«...Тропическое воскресенье. Маленькая отважная крылатая машина приземляется на аэродроме — опять без нашего снаряжения... Настроение падает. Мы бредем в деревню к эль професор — местному учителю, который одновременно является деревенским фотографом. Накануне вечером я дал ему проявить несколько проб, а Рольф доверил фотографу свои фотоленты. Однако нам не удалось застать эль професор дома. Оказывается, у него есть еще одно занятие — он выращивает бойцовых петухов. А сегодня в Пуэрто-Легизамо петушиный бой. Хриплое кукареканье и вопли восторженных зрителей помогают нам без труда найти место, где идет сражение.

Посреди маленькой арены сидит на корточках наставник юношества и опрыскивает ромом истеричного петуха. Лицо учителя побагровело от возбуждения и спиртного. Зрители орут.

Несколько мальчишек собирают тлеющие на песке окурки и докуривают их.

И вот два петуха становятся в позу профессиональных бойцов; представление начинается. Роль шпаг играют клювы, удары наносятся по всем правилам искусства. Первые выпады отличаются продуманной осторожностью — надо разведать тактику и силы противника. Затем темп боя нарастает. Молниеносные выпады и контрвыпады, рев зрителей... Облака пыли, летящие во все стороны перья... Кровь брызжет на жаркий песок, который жадно впитывает каждую каплю. Невозмутимые мальчишки допивают остатки из пивных бутылок. Время от времени по песку проносится быстрая тень — над ареной парят в нетерпеливом ожидании стервятники. Обезумевшие петухи продолжают смертельную схватку. Бьют клювами и ногами, стараясь поразить голову противника остро отточенными шпорами. Убить или погибнуть самому — третьего не дано! Вот один из бойцов наносит сокрушительный удар, шпора вонзается в голову противника. Петухи мечутся по кругу в вихре перьев и капель крови. Эль професор проиграл. Крики и брань сливаются в невообразимый гул. Мы спрашиваем учителя, как обстоит дело с нашими негативами. «Маньяна де маньяна» — завтра утром все будет готово...

В окошке бамбуковой хижины приветственно покачиваются подвешенные для сушки фотоленты. Несколько лент склеились между собой и тщетно пытаются освободиться, обдуваемые пыльным ветром. Эль професор встречает нас. Он считает, что наши результаты совсем

неплохи, особенно это относится к некоторым фотографиям. С кинолентой дело обстоит хуже — очень уж мал формат. «Ну ничего, — произносит он снисходительно. — Вы бы посмотрели, с какими негативами ко мне приходят иной раз! Каждому может не повезти. Я и сам вчера потерял пятьсот песо на своих петухах...»

Прежде чем мы успеваем сообразить, в чем дело, он подходит к окошку и грубо дергает слипшиеся ленты. Мы испытываем такое же ужасное чувство, как если бы он у нас на глазах разорвал заживо одного из своих петухов. На лентах появляются длинные белые царапины. Хорошо, если сохранилась половина кадров... Причем испорчены, разумеется, самые удачные. Вернее, те, которые Рольф сам считает наиболее удавшимися. Неповрежденные кадры изображают что-то расплывчатое и непонятное.

Пока Рольф нервно пытается опознать снимки, я ищу свои пробы. Вот они — распяты на бамбуковой стене. Где верх, где низ, разобраться невозможно. Рассматриваю кадры в лупу и вижу какую-то странную мозаику. Говорю учителю, что ни мой «Кодак», ни я сам тут ни при чем; виноват тот, кто проявлял. «Разумеется. Но где раздобыть холодную воду для промывки, если температура воды в Путумайо никогда не опускается ниже тридцати градусов! Хорошо еще, если удастся остудить ее до двадцати пяти!» — возмущается эль профессор.

Рольф закончил свое исследование — трех лент недостает. Эль профессор извиняется. К сожалению, вчера вечером, когда он споласкивал ленты в реке, было очень сильное течение, а лент было так много... К сожалению, он потерял несколько штук и не смог отыскать их в темноте. Но ведь и на оставшихся есть несколько удачных кадров! «А уж известно — фотографирование требует терпения и навыка...»

Мы возвратились на Рио-Каукаю и потратили еще неделю на поиски гигантской анаконды. Несколько индейцев племени хитото подтвердили сведения Вильямисара. Они сами на протяжении вот уже четырех лет то и дело сталкивались с чудовищем; последний раз — всего несколько недель назад. Однако мы проискали напрасно: десятиметровая анаконда не показывалась.

Наконец прибыло наше снаряжение, и одновременно Курту вручили телеграмму из Швеции: «Негативы в полном порядке. Выдержка правильная».

Мы облегченно вздохнули.

14

БОЛОТО ЛА-АПАЯ

В день рождества наш отряд расположился лагерем на маленьком островке посреди болота Ла-Апая. Вряд ли кому-нибудь из нас приходилось раньше встречать праздник в такой необычной обстановке.

Вообще-то мы направлялись к индейцам племени кофан, обитающим на берегу реки Сан-Мигель, на границе Эквадора и Колумбии, спешили попасть туда до того, как обмелеют реки; однако нам пришлось столько услышать о загадках болота Ла-Апая, что мы не устояли против соблазна посетить его.

Чуть южнее той точки, где линия экватора пересекает Рио-Путумайо, в реку впадает маленький приток, смешивая свою черную воду с ее грязно-желтыми водами. Следуя на север вдоль извилистого русла этого притока, вы как раз и попадете к Ла-Апая. У места слияния рек поселилась кучка полудицилизованных индейцев хитото, но они редко отваживаются ходить к болоту: слишком боятся великой гюио — анаконды. Считается, что Ла-Апая — излюбленное пристанище огромной змеи. Несколько лет назад, рассказывали нам индейцы, один их товарищ отправился туда ловить рыбу; гюио напала на него и проглотила.

Впрочем, не только индейцы, но и белые поселенцы берегов Путумайо с трепетом говорили о Ла-Апая. Здесь хорошо помнили, что

случилось с одним перуанским охотником несколько лет назад. Он исчез в районе Ла-Апая, и все попытки выяснить его судьбу ни к чему не привели. Правда, позднее удалось найти части человеческого скелета, и люди решили, что это и есть останки перуанца. Однако обстоятельства его гибели так и остались невыясненными. Поселенцы предполагали, что его укусила ядовитая змея. Но индейцы не сомневались, что тут замешана великая анаконда.

Ла-Апая производит очень своеобразное, почти жуткое впечатление. «Этот ландшафт словно нарочно создан для кино», — заметил кто-то из участников экспедиции, а Курту вспомнился разбитый бомбами Гамбург. Несколько лет назад здесь бушевал лесной пожар — небывалое явление в этой части Амазонас. Нужна на редкость сильная засуха, чтобы могли загореться такие влажные леса. Огонь уничтожил на большой площади густые, кишасшие зверьем заболоченные джунгли. На долгое время здесь прекратилась всякая жизнь. Но постепенно обугленные стволы покрылись растениями-паразитами, появились молодые ростки пальм и других деревьев, зазеленела сочная трава. А затем огромная прогалина стала привлекать и животных.

В воде болота обитало множество рыб, черепах и крокодилов. Поражало невиданное обилие всевозможных птиц. Млекопитающие встречались реже — они избегают открытых мест. Пожалуй, один лишь эль тигре, грозный ягуар, покидал иногда свои охотничьи угодья в гуще джунглей, чтобы побродить по Ла-Апая. Тут и там нам попадались свежие следы ягуара; глубокие царапины на стволах говорили о том, что хищник затачивал здесь когти.

Из нашего лагеря на острове мы совершали походы по всем направлениям, снимали и ловили животных. Нам удалось собрать интересный материал. Лаурентино Муньос едва успевал препарировать и консервировать нашу добычу: рыб, пресмыкающихся, лягушек, а также различных птиц — цапель, аистов, зимородков, попугаев и коршунов. Среди удивительных обитателей Ла-Апая, запечатленных на киноплёнке, была колония в несколько сот бакланов, поселившихся в кронах высохших деревьев. Они издавали причудливые, хриплые звуки, которые особенно занимали нашего звукооператора Олле.

Стояла страшная духота; даже Лабан, дитя тропиков, обливался потом и тяжело дышал. Яркое солнце палило целыми днями с почти безоблачного неба, и температура в тени достигала сорока градусов. Правда, воды кругом было вдоволь — теплой, около тридцати градусов, но все же прохладнее воздуха, — однако в Ла-Апая купаться опасно. Самое большее, что мы могли себе позволить, — это обливаться из ковша, стоя в лодке или на берегу. Да и то приходилось поторапливаться: за нами неотступно следовали огромные тучи кровожадных мух.

Чем была вызвана такая осторожность? Во-первых, в Ла-Апая порядочно крокодилов. Но еще страшнее, чем крокодилы, — многочисленные пираньи, хищные рыбы, гроза людей и животных, обитающих в Амазонас.

Пиранья (или пирайя, пиранха) — пожалуй, самая отвратительная из всех хищных рыб мира; недаром она получила прозвище «людоед». Она сравнительно мала — короткая, толстая и тупоносая. Известны три вида: самый большой, «белая пиранья», достигает в длину немногим более тридцати сантиметров, остальные два вида не превышают пятнадцати сантиметров. Но зубы пираньи способны хоть на кого нагнать ужас. (Название рыбы взято из языка индейцев тупи: пира — рыба, анха — зуб.) Челюсти несоразмерно велики по сравнению с остальным туловищем и оснащены треугольными, острыми, как бритва, зубами. Кусает хищница молниеносно и со страшной силой. Мы встречали на Путумайо несколько человек, у которых пиранья отхватила палец; они неосмотрительно окунули руку в воду, сидя в лодке. Не раз попадались нам коровы, которым рыбы отгрызли полморды на водопое, а также одноногие утки. Переплывать реку, населенную пираньями, опасно для жизни, особенно если на теле человека есть хоть малейшая кровоточащая царапина. Запах крови немедленно привлекает целые стаи прожорливых хищниц. Они нападают со страшной быстротой и дьявольской яростью. Вся вода кругом бурлит, когда пираньи бросаются в атаку, отхватывая целые куски мяса, перегрызая жилы и сосуды. Живое тело быстро превращается в обглоданный скелет.

Много ужасных историй рассказывают о людях, ставших жертвами пираньи. Вот вкратце одна из них, услышанная мною от кинооператора Брюкнера.

Пьяный бразильский солдат упал с пристани в воду. Немедленно на него набросились пираньи. Товарищи бросили ему лассо; он схватил веревку, но тут же отпустил, крича от боли, и стал отбиваться от хищниц. Однако схватка была слишком неравной. Когда товарищам удалось наконец зацепить его при помощи лассо и вытащить на пристань, то от солдата оставался почти один скелет с обрывками мундира.

Неудивительно, что мы страшно перепугались однажды вечером, услышав крики о помощи, доносившиеся с болота. Кричал Торгни; он отправился на маленькой лодке окатиться водой, но, когда стал одеваться, хрупкое суденышко перевернулось и он очутился в воде. Торгни не успел еще как следует натянуть штаны и теперь не мог даже двинуть ногами. При мысли о многочисленных крокодилах и пираньях им овладел дикий ужас. К счастью, Хорхе был поблизости в большой лодке и мгновенно пришел на выручку. Таким образом, Торгни отделался испугом.

Другой неприятный обитатель Амазонас, с которым мы познакомились во время экспедиции, — электрический угорь. Не знаю, как другие, но я проникся почтением к этому чудовищу. Однажды мы поймали рекордный по величине экземпляр электрического угря, решили даже сначала, что нам на удочку попала анаконда. Желая сохранить его для съемок, мы устроили специальный садок из прочной сетки, выпустили угря в садок и стали шестами направлять его в поле зрения аппарата. И тут меня вдруг так ударило электричеством, что ноги непроизвольно подогнулись и на мгновение совершенно онемели. Неприятное ощущение! Если электрический угорь коснется вас на глубоком месте, последствия могут оказаться трагическими. Сила тока настолько велика, что способна парализовать лошадь.

Электрические органы угря состоят из слизистого вещества, покрывающего примерно треть поверхности его тела и образованного тысячами клеток, которые действуют подобно гальваническому элементу. Взрослый электрический угорь достигает в длину свыше двух метров, его электрические органы развивают напряжение около пятисот вольт. Сила тока — пол-ампера; иначе говоря, к угрю можно подключить довольно яркую лампочку. В нью-йоркском «Аквариуме» электрические угри сами давали ток для неоновой рекламы с

надписью «Electric Eel»! Время от времени рыб пугали, они начинали метаться и касались контактов в стенах бассейна.

Электрический угорь слеп. Свою добычу — рыб, лягушек и других мелких тварей — он обнаруживает при помощи своего рода «радара» — специального органа, излучающего до двадцати импульсов в секунду, когда рыба находится в движении. «Передатчик» угря изучен, но где находится «приемник» и как он устроен, еще предстоит установить.

Другой малопривлекательный обитатель здешних рек — рыба карнеро. Она очень мала, не больше двадцати сантиметров в длину, но чем она меньше, тем коварнее ее поведение. В этом легко можно убедиться, купаясь в водоемах Амазонас. Маленькие карнеро — от четырех до семи сантиметров — впиваются в половые органы или прямую кишку и сосут кровь, вызывая воспаление и острые боли. Бывает, что отвратительного маленького паразита приходится удалять оперативным путем.

Галерею злодеев завершает скат речной хвостокол. Он прячется в иле и песке на дне рек, и надо остерегаться, чтобы не наступить на него. Длинный хвост ската оснащен зазубренными ядовитыми шипами. Хвостокол владеет своим оружием не хуже искусного фехтовальщика и может нанести очень болезненные, а то и опасные для жизни раны.

Но хватит о рыбах Ла-Апая! Расскажу о других неприятных животных. Например, о кайманах. Кайманами называют один вид тупоносых, на редкость злобных крокодилов, достигающих в длину пяти метров. В Ла-Апая они встречаются во множестве.

Вильямисар сопровождал нас до самого Ла-Апая, и в первый же вечер на болоте мы с Торгни отправились с ним на охоту за кайманами, доставившую нам немало волнений.

Охота на кайманов происходит ночью. Сидя в лодке, охотник светит по сторонам сильным карманным фонарем (иногда фонарь прикрепляют на лбу). Если в луч света попадут глаза каймана, то они будут отсвечивать яркими, раскаленными угольками. Животное смотрит на свет, точно загипнотизированное, а охотник подкрадывается. И если он такой же мастер своего дела, как Вильямисар, то ему удастся поразить каймана гарпуном.

Невозможно описать словами удивительное, сказочное впечатление, которое производило на нас Ла-Апая в ту звездную ночь, когда мы медленно скользили по черной воде сквозь изувеченный мертвый лес. Иногда вдруг казалось, будто в воздухе беспорядочно мечется сорвавшаяся с неба звездочка: это летел светлячок. Грубое, хриплое кваканье жаб смешивалось со звонкими голосами крохотных лягушек и множеством других звуков, которые издавали просыпающиеся с наступлением ночи большие и маленькие болотные жители.

Вильямисар сидел на носу лодки. Бесшумно, с большим искусством вел он наше хрупкое суденышко по узким протокам между поваленными стволами. Время от времени он передразнивал крик каймана: «А́оооооом! Аоооооом! Аоооооом!» — и гулко ударял себя в грудь. С болота то и дело доносился ответ.

Красные огоньки мелькали со всех сторон, однако Вильямисар был разборчив. Его интересовали кайманы длиной не менее двух метров; за них он мог получить по восьми песо за метр. «Крокодилью кожу короче двух метров здесь никто и брать не станет», — объяснил он нам.

В ту ночь Вильямисар заработал неплохо: добрую сотню песо. Его добычу составили пять кайманов, из которых самый большой достигал в длину трех с половиной метров, самый маленький — двух. Наш друг был доволен, но еще довольнее были бесчисленные стервятники, обитающие на Ла-Апая. На ободранных крокодильих тушах они устроили настоящее пиршество.

Мне приходилось участвовать в охоте на крокодилов в разных частях света: с неграми на тихоокеанском побережье Южной Америки, с даяками на Борнео, малайцами на Малых Зондских островах, но ни один из виденных мною охотников не мог сравниться с Вильямисаром. Он орудовал гарпуном с невероятной быстротой и точностью; удивительно спокойно, с довольной улыбкой втаскивал в лодку отчаянно сопротивлявшихся животных, не обращая внимания на угрожающее щелканье челюстей и судорожные удары сильного хвоста.

Торгни сразу загорелся. «Это обязательно надо снять!» — твердил он Курту. И съемки состоялись — в самых сложных условиях, какие только можно себе представить, но зато с блестящим результатом.

Кадры, показывающие Вильямисара во время охоты, относятся к числу самых лучших в нашем фильме.

Подходящее для съемок освещение устанавливалось лишь на короткое время, пока смеркалось, и мы использовали эти минуты с предельным напряжением сил. Несколько эпизодов пришлось, разумеется, инсценировать, причем артистами были живые кайманы. Вильямисар ухитрился поймать их и доставить совершенно невредимыми, рискуя при этом собственной жизнью. Не менее опасная обязанность выпала на долю режиссера Торгни. Впрочем, понемногу он стал обращаться с кайманами с такой небрежной смелостью, что мы только дивились, как он не остался без рук и без ног. Вильямисар, много лет изучавший натуру этих хищников, облегченно вздохнул, когда была заснята последняя сцена, и заявил, что теперь понял всю справедливость изречения «бог дураков милует». Как руководитель экспедиции, я, естественно, считал своим долгом предупредить Торгни, что он имеет дело не с игрушечными крокодилами. Однако, когда Торгни приступал к режиссуре, он становился глух и нем ко всем предупреждениям и советам, касающимся его личной безопасности.

Мы засняли много интересного на Ла-Апая и основательно пополнили наши коллекции, но великую гюию, как ни старались, обнаружить не смогли. А так как мы спешили к кофанам, то пришлось нам покидать болото. В канун Нового года мы свернули лагерь и двинулись дальше вверх по Рио-Путумайо. Вильямисар поплыл обратно в Пуэрто-Легизамо, везя полную лодку каймановых шкур.

Новый год наш отряд встречал на островке посреди Путумайо, а 1 января мы достигли реки Сан-Мигель, в верховьях которой обитают кофаны.

15

К ВЕРХОВЬЯМ РЕКИ САН-МИГЕЛЬ

Много необычных людей повидали мы во время экспедиции, много слышали удивительных историй.

Взять, например, испанца, с которым мы встретились у устья реки Сан-Мигель, — небольшого роста, жилистый, пожелтевший от малярии, с седой щетиной на преждевременно постаревшем лице.

Пятнадцать лет назад он бежал из Испании от политических преследований, приехал в эти забытые богом края и поселился один в нехитрой бамбуковой хижине. Некоторое время жил вместе с красивой индианкой, потом она ушла от него — не ужились. Испанец кормился тем, что давало ему небольшое поле, на котором росли сахарный тростник, бананы и маниок. Кроме того, он гнал агуардиенте — ром. Кузнец по профессии, он охотно орудовал кувалдой, и его жилище служило одновременно спиртным заводом, кузней и курятником. Я спросил нерешительно, неужели ему действительно удалось привыкнуть к этой новой одинокой жизни. Испанец заверил, что все эти годы чувствовал себя необычайно счастливым.

— Я тут словно король в своем собственном королевстве, — сказал он. — Никто не вмешивается в мои дела, поступаю и думаю, как хочу...

Здесь он, однако, нахмурился и добавил озабоченно:

— Да только теперь и тут покою приходит конец... Послушайте, что случилось месяца два назад. Явились сюда американцы; один назвался ботаником, другой — журналистом. Но я-то сразу их раскусил! Ботаник был вовсе не ботаником, а полицейским чиновником из Лос-Анжелоса, приехал с секретным поручением. В его багаже обнаружили жетон с надписью SHERIFF, а про Лос-Анжелос он сам проговорился, так что уж тут сомнений быть не могло. А второй был такой же журналист, как и я. На самом деле это был знаменитый атомник, а цель путешествия этих господ в Амазонас заключалась в том, чтобы подыскать надежное укрытие для американских политиков и ученых на случай атомной войны, когда все города сровняют с землей. Понятно, что лучшего места, чем бескрайние дебри Амазонас, и не придумаешь. На озерах в джунглях свободно могут сесть самолеты-амфибии. Так что в один прекрасный день здесь соберется знатное общество, помяните мое слово!

Тщетно пытался я успокоить испанца, говоря, что у него чересчур богатое воображение. Он только сочувственно посмотрел на меня и сказал, что я либо наивен, либо не хочу смотреть правде в глаза. Я попытался представить себе, какие слухи породит наш приезд в здешние края: уж не свяжут ли и его с международными событиями?

После трехдневного плавания по Сан-Мигель мы увидели еще одного белого — страшно исхудалого чернобородого эквадорианца, который уже несколько месяцев занимался здесь рыбной ловлей. Эквадорианец встретил нас радостными возгласами: он уже давно сидел без табака, без кофе и сахара и с трогательной благодарностью принял от нас немного продуктов. Эквадорианец прибыл сюда с двумя товарищами, но месяц назад его друзья отправились на большой лодке вниз по реке Сан-Мигель, к Путумайо, повезли на продажу тонну соленой и сушеной рыбы.

— Им уже давно бы пора вернуться с деньгами и провиантом, — произнес эквадорианец мрачно. — Они вам не попадались? Нет... Значит, отправились в Пасто и там все пропили. Поменьше надо полагаться на так называемых друзей, тогда не будешь попадать впросак!

Но не только это заботило эквадорианца: он побаивался индейцев тетэ. Уверял, что кто-то видел их неподалеку, и опасался, что встреча с

дикарями кончится плохо.

Небольшое племя тете обитает где-то между Рио-Агуарико и Рио-Сан-Мигель, а где именно — никто не знает. Слышанные мною описания совпадают с тем, что известно об индейцах племени аука, которых я разыскивал в Восточном Эквадоре в 1949 году. По-видимому, тете — маленькая группа племени аука, решившая переселиться дальше на север. Они ведут крайне примитивную жизнь, ходят совсем голые, но отличаются большой воинственностью и не хотят иметь дела ни с белыми, ни с обитающими по соседству индейцами других племен. Раза два делались попытки наладить с ними дружеские отношения, но безуспешно. Несколько лет назад к дикарям проник католический миссионер с двумя спутниками. Одного из спутников индейцы убили, а сам миссионер вместе со вторым спутником едва спасся.

Думаю, однако, что к тете относится то же, что можно сказать о многих других племенах Амазонас: они никого не задевают сами, лишь бы их оставили в покое. Белых гостей встречают нелюбезно, хорошо зная, что за появлением белых всегда следуют большие неприятности. Как раз в этих краях белые прославились зверскими расправами с индейцами, особенно в конце прошлого и начале нынешнего века, когда здесь добывали каучук. Десятки тысяч индейцев были убиты, часто после страшных пыток; по берегам Путумайо шла безжалостная охота за рабами. Все это крепко запомнилось индейцам, и неудивительно, что многие племена, которые раньше общались с белыми, теперь ушли в глубь лесов, чтобы жить там в мире и покое.

В том месте, где мы встретили эквадорианца, река Сан-Мигель уже становится бурной. Пенистые пороги и коварные водовороты быстро заставили нас понять, что здесь не так-то просто управлять лодкой.

На одном повороте, где течение было особенно сильным, винт нашего мотора ударился о камень и сломался. Мы попытались добраться до берега с помощью шестов и весел, но стремнина подхватила лодку и помчала ее с бешеной скоростью вниз по реке. Тогда мы с Куртом выскочили на мелком месте, чтобы притормозить. Куда там! Наше суденышко продолжало нестись дальше, с той лишь разницей, что теперь мы плыли на буксире, уцепившись за борт. Вдруг кто-то крикнул:

— Немедленно отпустите — разобьетесь о камни!

Лодку полным ходом несло на камень. Мы поспешили отпустить ее и направились вплавь к берегу. Меня пронесло еще метров сто, но я все-таки выбрался на сушу. С Куртом дело обстояло хуже: он наглотался воды и выбился из сил. Впрочем, он не растерялся — спокойно отдался на волю течения и поплыл на спине, пока его не выловили с лодки. После столкновения с камнем она развернулась в правильном направлении и возобновила свой путь вверх по течению, развив при этом еще большую скорость, так как теперь все налегли на весла.

Выяснилось, что наш новый эквадорский друг хорошо знает реку. В течение двух следующих дней он был нашим штурманом, и мы обошлись без серьезных происшествий. Но потрудиться пришлось основательно. С каждым днем Сан-Мигель становилась все мельче и стремительнее. Теперь мы могли включать мотор только на отдельных участках. То и дело приходилось вылезать из лодки и перетаскивать ее через пороги. Одновременно надо было следить, чтобы не напороться на хвосты, которыми кишела река. Немалые мучения причиняли нам также кровожадные мухи.

Незадолго до сумерек мы разбивали лагерь на песчаном берегу. Лино разжигал костер и готовил ужин, остальные натягивали палатку и старались навести уют. В ожидании ужина каждый был чем-нибудь занят. Курт и Олле возились со съемочной и звукозаписывающей аппаратурой (за ней требовался уход, как за грудным ребенком), упаковывали заснятые ленты, прослушивали магнитофонную ленту и писали отчеты о проделанной за день работе. Торгни помогал им. Мы с Муньосом разбирали и обрабатывали очередное пополнение наших коллекций. Хорхе, страстный охотник, уходил в лес с ружьем или на реку с острогой; нередко он возвращался с добычей. Каждый раз он надеялся встретить «эль тигре», но, хотя нам повсюду попадались следы пятнистой кошки, ему так и не удалось подстрелить ни одного ягуара. Зато Хорхе дважды приносил оцелотов^[23] — и то неплохо!

Впрочем, там, где Хорхе не мог доказать ружьем, он наверстывал языком. Слушать его рассказы у костра было все равно, что читать увлекательный приключенческий роман. Он был врожденный рассказчик. Мимика, жесты, различные звуки делали его

повествование настолько правдоподобным, что мы невольно хватались за револьверы.

Однажды в Пуэрто-Асис Торгни наслушался воспоминаний Хорхе и всю ночь во сне видел ягуаров. А когда под утро на улице замычала корова, он вскочил с кровати и забегал по комнате в поисках ружья, крича: «Эль тигре! Эль тигре!» Лишь громкий хохот Хорхе привел Торгни в себя.

— Послушайте, как опозорились однажды охотники за ягуарами на реке Путумайо, — рассказывал Хорхе. — Двое охотников увидели с лодки переплывающего реку ягуара. Они выстрелили, но промахнулись, а ягуар направился прямо к ним и стал карабкаться в лодку. Охотники до того перепугались, что попрыгали в воду. А когда они выбрались на берег, то увидели уплывающую лодку и в ней ягуара — он сидел ужасно довольный и вылизывал шерсть...

Еще одна история Хорхе:

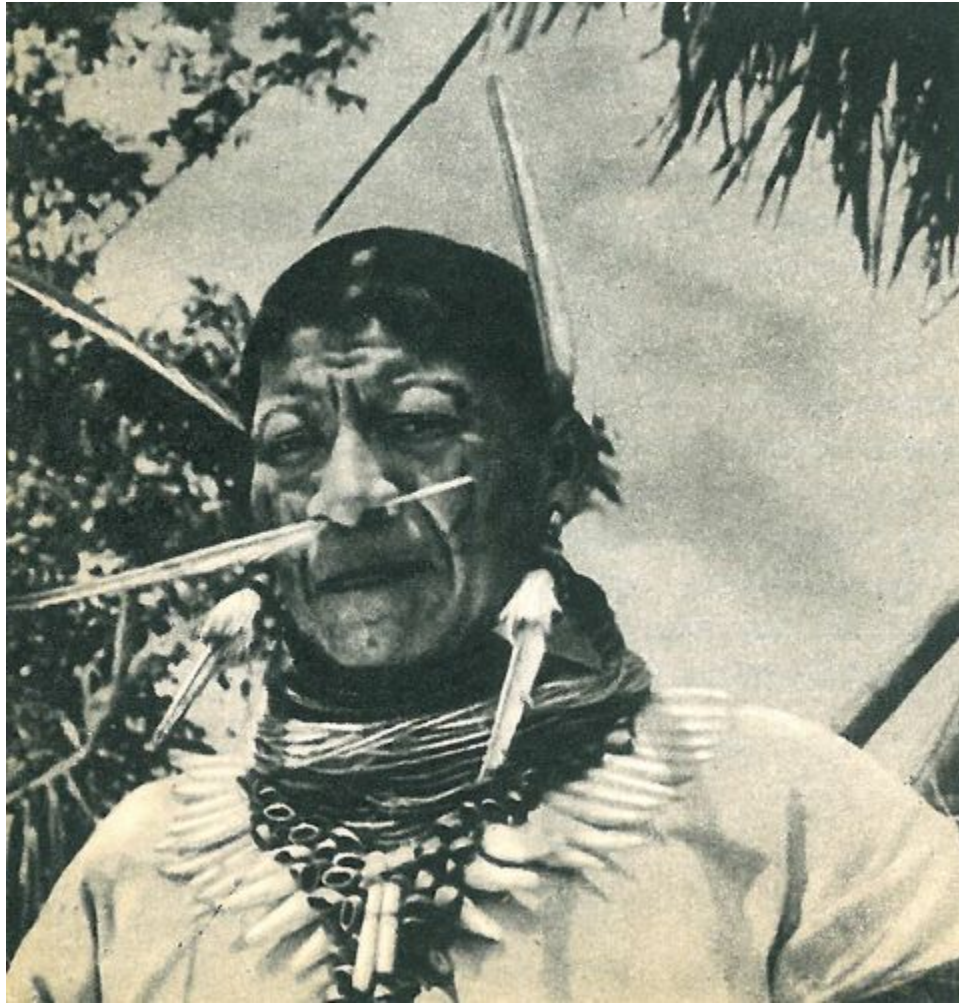
— Пожалуй, самая моя удачная охота происходила в 1938 году. Я служил тогда военным моряком на канонерке. (У Хорхе множество колумбийских наград за невероятные подвиги в войне против Перу.) И вот однажды на Путумайо мы увидели, как через реку плывут штук шестьсот — семьсот саинос, — диких свиней. А нам как раз нужно было любой ценой раздобыть провиант для частей. Ну, я и сел с двумя матросами в моторную лодку и отправился за котлетами. На лодке был установлен пулемет, да еще мы взяли с собой топоры. Хотите — верьте, хотите — нет, но мы добыли девяносто свиней! Кроме того, поймали немало поросят — они перебирались через реку на спинах взрослых животных. Конечно, хвастаться тут нечем, даже вспомнить стыдно: это была уже не охота, а бойня. Впрочем, свиньи потом отыгрались на мне. Случилось вскоре, что я оказался в окружении стада в двести саинос. Сам-то я спасся от них на дерево, зато от моих собак только клочья полетели, и я ничего не мог поделать...

Приготовление к празднику.

Вождь красится особенно тщательно.

Не старайся, Олле, все равно не будешь похож на кофана!

Кофаны отправляются на ночную охоту за тапиром.

На болоте Ла-Апая.

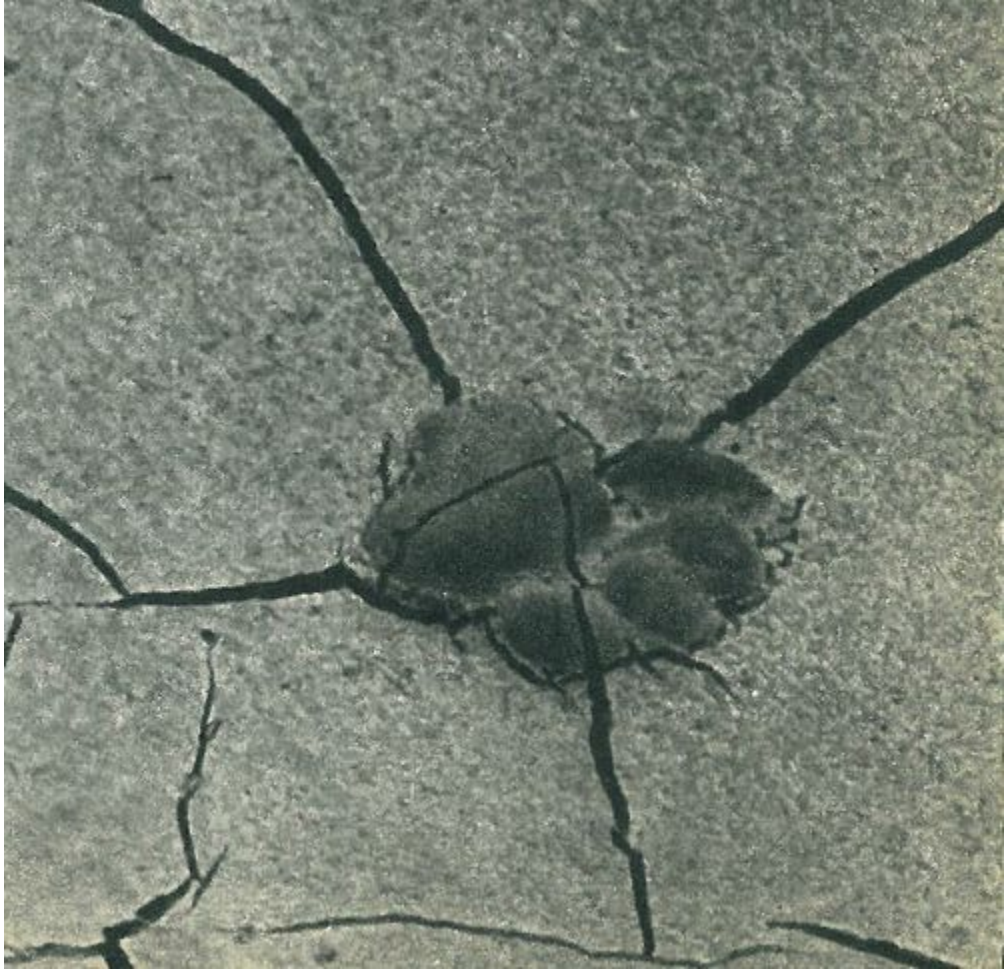

Волосатый паук-птицелов кровожаден и ядовит.

Ночью возле нашего лагеря бродил ягуар.

Приветливая улыбка.

Обитатель эквадорских джунглей — легуан.

Этот зверек похож на нашу выдру.

Наше появление насторожило ястреба.

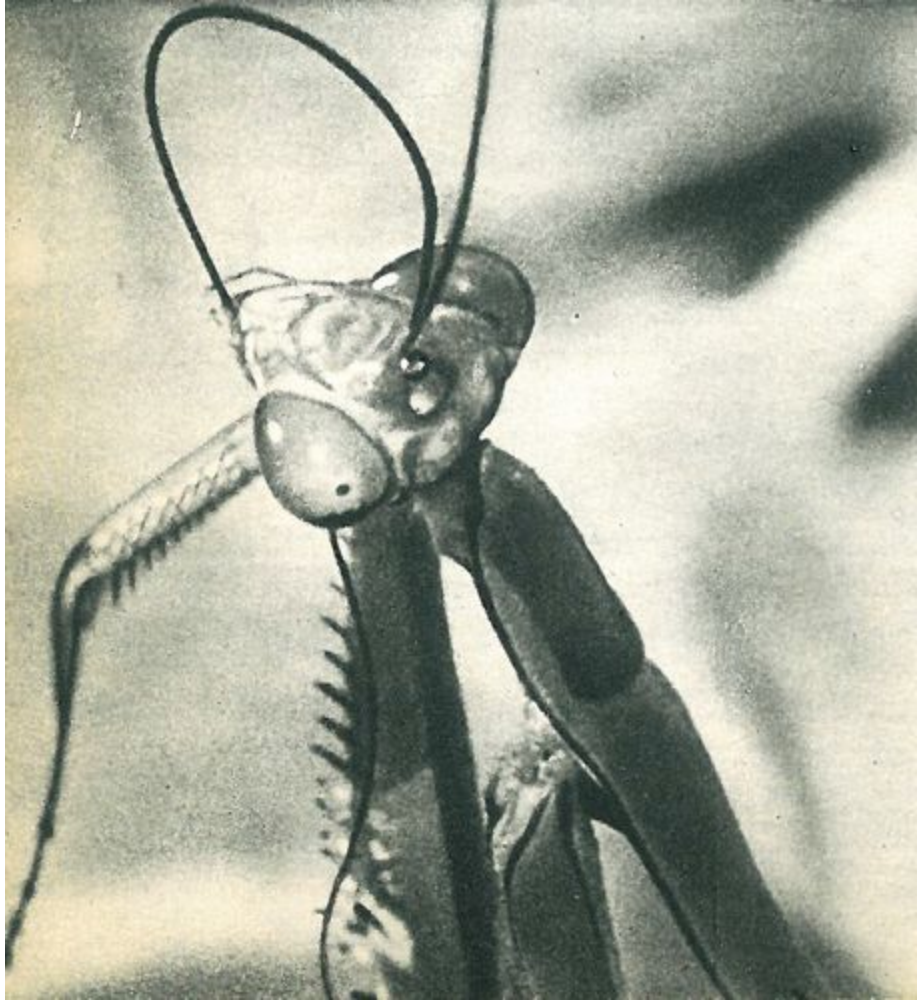
«Лучше уйти от этих людей», — решила куанду.

Это детеныш тапира, а не слоненок из сказки Киплинга.

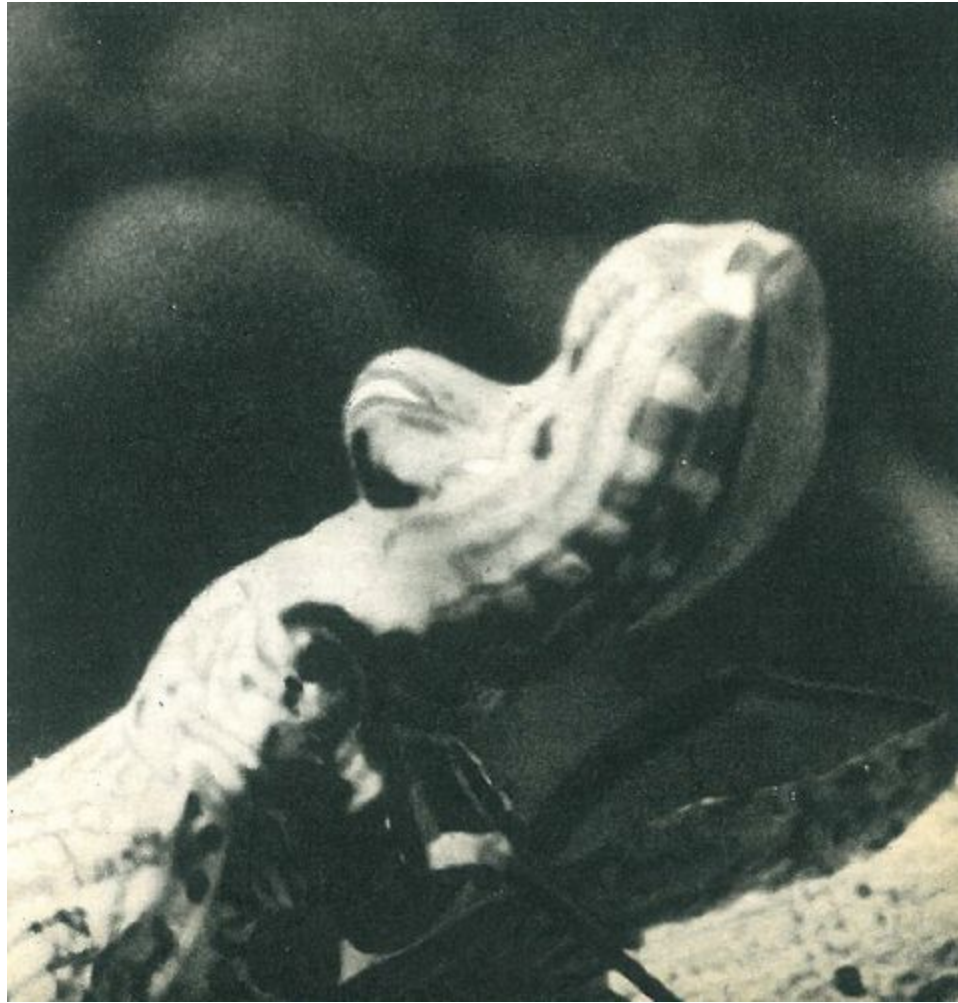

Насколько изящен богомол издали, настолько же уродлив он вблизи.

Местные жители считают чичарро мачако ядовитой, но это ошибка: она совершенно безвредна.

После утренней зарядки...

Лабан с удовольствием гложет косточку.

Пока он маленький, его можно не бояться.

Лино тоже развлекал нас своим искусством: он играл на гитаре и пел. Это было совсем не то, что «тру-ля-ля» черного Хокке! У Лино был чудесный голос и обширный запас песен — самба, порро и как там они еще называются...

Восьмой член экспедиции, Лабан, обычно уже спал в своем гамаке в столь поздний час. Гамаком ему служила вещевая сумка, а одеялом — мохнатое полотенце, так что Лабану было мягко, тепло и уютно. Если утро оказывалось прохладным или дождливым, он так же неохотно покидал свою сумку, как мы — наши гамаки и кровати. Однако валяться нам было некогда, даже в плохую погоду находилось достаточно работы. С рассветом всем приходилось вставать, несмотря на ворчанье и протесты.

Когда Лабана будили, он высовывал из сумки сонную рожицу, зевал во всю ширь своего маленького ротика и пытался снова юркнуть в постельку. Однако мы решительно возражали против того, чтобы он

лежал и нежился после того, как все остальные встали. С большой неохотой, поругиваясь, Лабан оставлял постель и отправлялся на поиски кустика или ветки, которые служили ему уборной. Затем он спешил на кухню, где его ждал завтрак. Как и мы, Лабан любил начинать день вкусным спелым бананом и чашкой кофе, а чуть попозже, перед тем как приступить к работе, — подкрепиться поосновательнее: например, копченой рыбой и печеными бананами или овсяной кашей с диким медом.

Торгни был доволен Лабаном. Уморительная рожица с выражением мировой скорби во взоре, не покидавшим Лабана даже в самых смешных и нелепых обстоятельствах, как нельзя лучше подходила для кино. Это был настоящий обезьяний Бестер Китон, только несравненно темпераментнее знаменитого американского киноартиста. Лабан умел злиться так, что от него только искры летели — например, когда мы сажали его на обрубленную внизу лиану и ему приходилось лезть до самого верха, чтобы потом спуститься по дереву. Подобно всем нам, Лабан был не лишен слабостей и недостатков, среди которых не последнее место занимала лень.

— Послушай, Лабан, ведь ты обезьяна, — говорили мы, — а обезьяны всегда лазают по деревьям.

— Потому что они вынуждены! — отвечал Лабан сердито (во всяком случае, так мы его понимали). — А мне что делать на дереве? Листья и плоды мне ни к чему, я и так уже наелся каши до того, что живот чуть не лопается!

— Именно поэтому тебе полезно немного поразмяться. Ты должен двигаться, лазить... — настаивали мы.

— А вы будете сидеть и зубоскалить? Попробовали бы сами залезть по лиане за завтраком, так узнали бы, что это вовсе не так уж весело! Если говорить начистоту, то вы просто садисты!.. Впрочем, — продолжал Лабан, нехотя приступая к утомительному подъему по раскачивающейся лиане, — и я тоже могу досадить вам, если уж на то пошло!

После чего он взбирался на ветку над головой у кого-нибудь из членов экспедиции и обливал его — вы понимаете, конечно, что я имею в виду! — с удивительной меткостью.

Из сказанного вовсе не следует, что мы пребывали в постоянной ссоре с Лабаном. Можно поспорить иной раз, поругаться и оставаться,

тем не менее, друзьями. Правда, Лабан был еще мал и зелен, и его следовало держать немножко в строгости. Если он, например, не соображал сам, что свежие зеленые листья для его желудка полезнее, чем бумажные листки моего дневника, то приходилось, естественно, втолковывать ему это.

(Кстати, я в жизни не видал более всеядного, чем Лабан! Он разделял все наши трапезы, после чего охотно принимался за пиретрум, динамит, магнитофонную ленту и так далее.)

Мы получили немало трогательных доказательств ответной привязанности со стороны Лабана. При всем своем отвращении к воде, он отважно плыл к нам, когда мы купались. Больше всего Лабан любил сидеть на чьем-нибудь плече. Это было не всегда приятно, особенно если он для верности цеплялся хвостом за вашу шею, а градусник в это время показывал тридцать пять — сорок в тени. В таких случаях Лабана ссаживали на землю. Он громко возмущался и пытался влезть обратно, но прекращал попытки, как только на него прикрикивали. Однако стоило Лабану заметить, что ваше внимание чем-то отвлечено, как он тихохонько, крадучись, стараясь сделаться возможно легче, начинал взбираться опять на плечо. Он был готов повторять свою хитрость снова и снова. Известно, что сердце — не камень; в конце концов Лабан оставался сидеть на излюбленном месте.

16

У ИНДЕЙЦЕВ ПЛЕМЕНИ КОФАН

После недельного плавания по реке Сан-Мигель мы впервые встретили индейцев племени кофан. Встреча состоялась у притока Сан-Мигель — Кебрада-дель-Конехос.

Кофаны — очень статный народ. Мужчины, сильные и суровые, одеваются в нечто вроде тоги, на шее носят целые килограммы фарфоровых бус. Мочки ушей и носовые хрящи пробуравлены, и в отверстия вставлены пестрые перья попугая. Лица причудливо раскрашены ачиоте — красной растительной краской. На головах у многих можно увидеть великолепные украшения из перьев, на шеях — ожерелья из клыков ягуара.

Женщины одеваются и красятся скромнее, чем мужчины. Впрочем, так заведено у большинства диких народов (в отличие от так называемых цивилизованных людей): мужчины наряжаются гораздо пышнее женщин.

Вождь индейского поселения (он же был верховным вождем всех кофанов вообще) носил христианское имя Франсиско. У него было умное и живое лицо, да он и вообще казался подвижнее остальных индейцев, которые держались весьма важно и сдержанно.

Дня через два, когда я познакомился с Франсиско поближе, он признался, что вовсе не кофан по происхождению и вообще не чистокровный индеец. Родился в начале столетия совсем в другом конце Амазонас, в деревне, населенной белыми.

— В молодости, — рассказывал он на хорошем испанском языке, — я ходил, как и вы, в рубашке, штанах и ботинках. Однако жизнь белых была мне не по душе; я отправился к индейцам сиён, на реке Какета, и поселился там. Меня выбрали вождем. Но и там мне не понравилось; я продолжал путешествовать, пока не оказался здесь, на Сукумбио (так называют кофаны Сан-Мигель). У кофанов я почувствовал себя хорошо. Оделся на их лад, женился на местной женщине — в общем, зажил, как все кофаны. Здесь меня тоже выбрали вождем. После белые назначили меня губернатором или верховным вождем всех кофанов. Уже шестнадцать лет я занимаю этот пост. Не раз и с белыми приходилось поспорить! Когда началась война с Перу, они хотели забрать кофанов в армию. Но я сказал «нет». А потом появились миссионеры — хотели проповедовать среди кофанов. Я опять сказал «нет». Кофаны лучше всего чувствуют себя тогда, когда в их жизнь не вмешиваются чужаки!

На хижине Франсиско висит доска с надписью «Гобернадор, Сан-Мигель, Колумбия». Кроме того, его наградили жезлом с серебряным набалдашником, на котором выгравированы слова: «Гобернадор де Путумайо».

Самая крупная группа кофанов живет в верхнем течении реки Сан-Мигель, в поселке Санта-Роса-де-Сукумбио. Чтобы попасть туда, нам требовались еще лодки и люди. Франсиско вызвался помочь; три дня спустя наш отряд смог продолжать путь, пополнившись двумя лодками и девятью кофанами. Наши новые спутники прекрасно знали реку и отлично управляли лодками, и нам потребовалось всего четыре дня, чтобы добраться до цели.

Санта-Роса-де-Сукумбио находится на острове там, где белопенная Рио-Руми-Яку сливается с Сан-Мигелем. Впрочем, индейцы обитали здесь только временно. Выше по реке Руми-Яку находилась настоящая деревня, большая, с удобными хижинами, но жителей выгнали оттуда... тараканы! Правда, и на новом месте было немало этих неприятных насекомых; в остальном же кофаны устроились довольно уютно. Мы разбили большой лагерь неподалеку от индейских хижин, сделали из бамбука настоящие нары, столы и скамейки и даже оборудовали темную комнату для проявления негативов. (Она служила также нашим тайным баром.)

Кофаны приняли нас не слишком холодно, но и не очень сердечно. Они вели себя сдержанно и недоверчиво, и первые дни нашего знакомства не обещали ничего хорошего. Собственно, иного приема не приходилось и ждать. Я уже говорил, что индейцы по прежнему опыту составили себе не очень-то лестное представление о белых. Понятно, что кофаны не приветствовали наше вторжение, хотя бы и с разрешения их верховного вождя. Особенно нас смущала их замкнутость. Мы мечтали записать на магнитофон песни кофанов, но индейцы отказались петь: заявили, что у них вообще нет песен и они никогда не поют! Такой же ответ мы получили и насчет плясок. Трудно было поверить этому: песни и пляски распространены среди всех диких народов. Шли дни, отношения улучшались, и индейцы стали общительнее. Они убедились, что мы приехали с мирными намерениями; сыграли свою роль и наши товары и подарки. А кроме того, в нашу пользу говорили игрушки, которые мы раздавали ребятишкам, и... музыка.

Однажды мы торжественно пригласили соседей на концерт, и вечером кофаны пришли к нам в лагерь послушать музыку. Наш звукозаписывающий аппарат был оснащен усилителем и динамиком, а в багаже имелось много записей, начиная от Моцарта и Бетховена, кончая шведскими рождественскими плясовыми мелодиями и матросскими вальсами. Концерт прошел с огромным успехом. Больше всего захватила кофанов классическая музыка; они слушали ее затаив дыхание. И позднее, когда они просили нас сыграть что-нибудь, то всегда заказывали Бетховена и Моцарта. Чтобы оценить подлинно прекрасное искусство, вовсе не обязательно обладать высокой культурой.

— Ну что ж, — сказал я как-то вождю, — теперь вы послушали нашу музыку и наши песни. А когда вы споете для нас?

Индейцы посовещались, причем совещание время от времени перебивалось громким смехом, наконец вождь объявил:

— Мы, мужчины, поем, только когда выпьем яхэ (наркотический напиток), но наши женщины споют для вас.

И женщины спели, притом с величайшей готовностью. Это было все равно, что слушать стайку щебечущих птиц. Песни кофанов подчинены определенному канону: женщины вступали одна за другой

и так же поочередно смолкали: заканчивала песню та, которая вступила последней.

Много песен услышали мы в тот вечер, и магнитофону пришлось основательно поработать. А потом Олле дал индейцам прослушать запись. Восхищению кофанов не было предела, их взоры, устремленные на Олле и его чудесные аппараты, выражали почтение и восторг.

Я спросил нашего переводчика, о чем говорится в песнях кофанов. «Обо всем на свете», — ответил он. Так, женщины прямо на ходу сочинили песню о белых мужчинах, которые приехали в гости и очень понравились индианкам, потому что не пили сами и не спаивали их мужей!

Обычно бывает как раз наоборот. Комерсиантес, торговцы, которые иногда пробираются сюда, чтобы выменять себе лодки, шкуры и другие товары, охотно подпаивают индейцев: пьяных легче надуть...

По прошествии двух недель вождь пригласил нас на праздник. Это был замечательный вечер, настоящий маскарад. По случаю торжества все принарядились и выкрасились. Даже мы с Олле ходили размаленные красной краской — сам вождь поработал над нашими физиономиями!

Подходя к дому вождя, мы впервые слышали кофанскую музыку. Вождь бил в барабан, обтянутый обезьяньей кожей, два других индейца играли на дудочках. Мы присели на скамеечки и бальзовые бревна, и нам тут же поднесли чаши с чичей. Чича — национальный напиток. Его изготавливают из плодов или корней и дают основательно перебродить, так что он получается довольно крепким. Предложенная нам чича была приготовлена из маниока и бананов, вкусом она напоминала приятное кисловатое фруктовое вино. (Впрочем, о вкусах не спорят: Курт называл чичу «кислым пивом, от которого пучит живот».)

Несмотря на чичу, праздник поначалу как-то не ладился и больше всего напоминал поминки. Тогда Олле решил для поднятия настроения сыграть на магнитофоне несколько вальсов и рождественских песен, а Торгни и Курт исполнили для индейцев «дикие пляски» нашей страны. Кофаны страшно веселились, да и мы тоже: два шведа, отплясывавших в огромных башмаках, представляли собой, конечно, скорее смешное, чем красивое зрелище. Но главное было достигнуто: настроение

поднялось, и ближе к полуночи, когда было выпито уже немало чичи, наши друзья преодолели наконец застенчивость, и настал черед индейцев показать свои пляски.

Мы увидели три различные пляски с участием и мужчин и женщин. Танцоры шли навстречу друг другу, потом расходились, кружились и менялись местами в рядах.

В свете костра пляшущие и поющие индейцы представляли такое живописное зрелище, что мы стали просить вождя, чтобы он разрешил нам сходить за съемочной камерой. Сначала он не соглашался — еще никак не мог заставить себя привыкнуть к нашим удивительным аппаратам, — но, когда мы обещали зажечь невиданные факелы, уступил. Мы имели в виду магниевые лампы, которые захватили специально для ночных съемок.

Первые магниевые вспышки произвели на кофанов потрясающее впечатление. «Они горят ярче солнца!» — воскликнул ослепленный вождь не без испуга. Но постепенно индейцы оправились от своего смутения, пляска возобновилась, и мы засняли немало уникальных кадров.

В эту ночь кофаны преодолели последние остатки недоверия к нам, и мы почувствовали, что они окончательно признали нас своими друзьями.

Когда я говорю, что «мы засняли немало уникальных кадров», то это звучит очень просто. Однако записи Курта показывают, что ему пришлось не так-то легко:

«Нам предстоит запечатлеть на киноленте с помощью наших драгоценных магниевых вспышек индейский праздник.

Между тем за последнее время аппарат стал все чаще царапать ленту. Из-за сырости и жары целлулоид набухает, а светочувствительный слой размягчается и легко отслаивается. Достаточно нескольких пылинок, чтобы на негативе появились длинные царапины. Поэтому я взял за правило открывать камеру и протирать пленочный канал после каждого второго или третьего эпизода. Вот гаснут первые вспышки, оставив белое зловонное облако, и Торгни направляет на аппарат луч своего фонарика. Но едва я открываю механизм, как в кадровое окно устремляются большие и маленькие ночные бабочки. Я не могу даже ругаться — настолько я поражен отчаянием... Надо разбирать весь механизм. Индейцы самым

наглядным образом познают, что значит ждать: им приходится замереть на месте, пока я не заканчиваю чистку. До сих пор кофаны жили в счастливом неведении, что существует нечто, именуемое временем. Нам удалось просветить их...

...Ночью проявляю несколько проб, но результат ненадежен. Проявитель перенес все то же, что и мы, да еще проделал перед этим длительное путешествие и теперь находится при последнем издыхании. Остается только надеяться, что пленка обладает большей сопротивляемостью...»

17

ЖИЗНЬ ИНДЕЙЦЕВ

Мы прожили среди кофанов больше месяца, так как погода стояла неблагоприятная и съемки продлились дольше, чем мы рассчитывали. После праздника, устроенного вождем, индейцев словно подменили. Сдержанность и недоверие к нам совершенно исчезли, кофаны стали приветливыми и общительными и охотно помогали нам в нашей работе. Мы чувствовали себя так, точно выдержали трудный экзамен.

Теперь можно было снимать сколько угодно, и, как только выглядывало солнце, Курт вооружался съемочной камерой. Ему удалось запечатлеть много интересных сцен; всего он заснял пять тысяч метров пленки. Мы стремились возможно полнее и правдивее отобразить жизнь индейцев, а для этого надо было хорошо изучить их быт. Поначалу нам никак не удавалось найти подход к кофанам и узнать что-либо. Зато теперь мы получили ответ на все наши вопросы и снимали все, что хотели. С помощью нашего переводчика — это был кофан, который жил одно время у монахов-капуцинов на реке Путумайо и прилично объяснялся по-испански — я исписал не один блокнот сведениями о жизни и быте племени. Впрочем, духовная культура кофанов не очень богата. Важнейшие события в их жизни — рождение, женитьба, смерть — не связаны со сложными ритуалами и церемониями. Все происходит просто и разумно.

Полюбив девушку и убедившись во взаимности, кофан просит ее руки у родителей. При этом он подносит им подарки. Если родители девушки согласны, они идут вместе с ней в дом будущего зятя, который задает по этому случаю роскошный трехдневный пир. Гости и хозяева выпивают огромное количество чичи, едят, пляшут и веселятся. Затем молодых оставляют вдвоем, пожелав счастья в супружеской жизни.

Когда молодой жене приходит время рожать, она переходит в небольшую хижину около дома. В роли акушерки выступает муж. Спустя две недели после рождения ребенка они возвращаются в дом.

Мертвых хоронят в бамбуковом гробу, недалеко от поселения. При этом мужчину облачают в его головной убор из перьев. Иногда дом, где произошла кончина, покидают. Куда попадает умерший, согласно поверьям кофанов, мне не удалось выяснить; сведения на этот счет отличались неопределенностью и противоречивостью.

Понятно, что все это мы не смогли показать в нашей картине. При нас никто не родился, не женился и не умер. Однако повседневная жизнь кофанов и без того давала богатый материал для съемок.

Кофаны — специалисты по изготовлению яда кураре для стрел. Мы сняли, как они собирают нужные лианы и затем добывают из них смертельный яд; получились очень интересные кадры. Ходили мы также с индейцами на охоту, видели, как они с помощью духовых трубок и копий убивают тапиров, диких свиней, обезьян и другую дичь. Вот когда мы убедились в устрашающей силе кураре! Маленькой стрелы, смоченной в темно-коричневой жидкости, было достаточно, чтобы убить кабана! Нас поразило искусство индейцев в обращении с духовыми трубками; меткость кофанов просто удивительна. Конечно, огнестрельное оружие — хорошая вещь, но духовая трубка для охоты лучше: ведь она бесшумна! Если я, скажем, обнаружу стадо обезьян и подстрелю одну, то остальные разбегутся. А индеец может скосить их всех, одну за другой, прежде чем они сообразят, что происходит.

Однажды по деревне прошла весть, что поблизости появился ягуар. Кофаны все как один отправились на охоту; пошли и мы.

Кофаны остро ненавидят ягуара. Он не прочь полакомиться при случае их охотничьими собаками, а иногда нападает и на людей, поэтому между кофанами и большой пятнистой кошкой идет непрекращающаяся война. Правда, для того чтобы выйти на поединок

с ягуаром, имея лишь копья и духовые трубки, требуется немалое мужество, но индейцы обладают им в полной мере. Один из наших новых знакомых убил собственноручно тридцать ягуаров! Из клыков хищника делают красивые ожерелья, которые надевают в торжественных случаях, как ордена за храбрость и отвагу. Подобно тому, как у нас орденосные господа с интересом и завистью присматриваются к ленточкам, украшающим фрак другого, так и кофаны внимательно изучают ожерелья друг друга, дающие повод к рассказам об увлекательных охотничьих приключениях.

Возвращаясь к нашей охоте, скажу сразу, что она не удалась. Не получилось увлекательных кадров, которые мы так предвкушали... Ягуар ушел на высоты вверх по реке, и там индейцы потеряли его след. Все же мы не вернулись совсем без дичи. Нам удалось добыть двух тапиров и несколько обезьян-ревунов; обезьянье мясо очень ценится не только индейцами, но и белыми, обитающими в Амазонас.

Случалось нам также ходить с индейцами на рыбную ловлю, и тут, при всей их ловкости, мы все-таки брали верх: у нас был динамит. Конечно, глушить рыбу динамитом запрещено даже в Амазонас, но мы получили «ради целей науки» разрешение властей прибегать к этому столь губительному способу, так как нам нужно было собрать возможно более полную коллекцию рыб из рек и озер на нашем пути. Правда, в коллекцию шла только небольшая часть улова. Остальное мы съедали вместе с индейцами, да еще оставалось достаточно, чтобы можно было накопить впрок. Мало мест на свете может сравниться по богатству рыбой с Амазонас. Достаточно сказать, что здесь насчитывают около двух тысяч различных видов!

В сборе зоологического материала большую помощь оказывали мне индейские ребята. Маленькие искусные ловцы приносили всевозможных животных — черепах, ящериц, лягушек, улиток, насекомых и прочих тварей — и получали взамен зеркальца, рыболовные крючки, ножи, стеклянные бусы... До сих пор разобрана лишь малая часть собранной нами зоологической коллекции, но, во всяком случае, одна из находок, сделанных кофанскими мальчуганами, оказалась редкостью. Один американский исследователь, сотрудник естественно-исторического музея в Стэнфорде, просил меня попытаться найти маленьких древесных лягушек, о которых он как раз писал диссертацию. Сколько я ни искал, мне не удалось поймать ни

одной. И вдруг в один прекрасный день индейский мальчуган приносит желанную находку — маленькое, невзрачное ярко-зеленое существо с огромными глазами. Это оказался единственный экземпляр, который мне удалось добыть за всю экспедицию. Но американец, лягушачий специалист, был очень доволен. «Твоя лягушка чрезвычайно интересна, представляет еще не известный вид, — написал он мне впоследствии. — Я как раз занят ее описанием. Думаю назвать «Филломедуса блومберги».

Кофаны живут в основном охотой и рыбной ловлей, но есть у них и небольшие поля с маниоком, чонтой, бананами и кукурузой. (Чонта — пальма, дающая питательные плоды.) С приездом нашего отряда в Санта-Роса-де-Сукумбио стало трудновато с питанием, а так как и наш собственный провиант был на исходе, мы решили отправить Хорхе на лодке с двумя индейцами в деревню Пуэрто-Оспина за пополнением. Хорхе обернулся в рекордный срок: возвратился уже через две недели. За это время он отпустил бороду и выглядел теперь настоящим конквистадором. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы среди старых испанских завоевателей нашелся хоть один, который решился бы на то, что совершил Хорхе: увидев по дороге анаконду, он вступил с ней в единоборство!

Уже под вечер, поднимаясь вверх по реке Сан-Мигель, Хорхе разбил со своими спутниками лагерь на острове. Верный своей привычке, он пошел перед сном побродить с ружьем и... обнаружил анаконду. Она лежала в большой луже — здоровенная, метров на пять, на шесть. Хорхе поспешил срезать длинный шест с рогаткой и смело пошел на змею. И началась пляска!

Хорхе удалось захватить шею анаконды рогаткой и прижать ее голову ко дну. Змея, в свою очередь, пыталась опутать хвостом его ноги. Хорхе плясал по грязи, подпрыгивая высоко в воздух, и одновременно кричал что есть силы, чтобы дать знать индейцам. Но шест он держал крепко, как ни буйствовала анаконда.

Минута проходила за минутой, а индейцы не появлялись. Опасная игра затягивалась. Пять минут... десять... пятнадцать... Змея стала ослабевать. Дышать она не могла — ведь Хорхе не давал ей поднять голову над водой. Наконец анаконда окончательно выдохлась и перестала биться. Кончилась сумасшедшая пляска Хорхе...

Теперь надо было не зевать. Хорхе рассчитал, что анаконда не сразу опомнится, и побежал в лагерь за веревкой. Из лагеря он тут же помчался вместе с обоими индейцами; они не слышали его криков из-за шума реки. Анаконда лежала все на том же месте, и Хорхе удалось накинуть ей петлю на шею. Но индейцы не решались помочь ему: они насмерть перепугались и не хотели даже подходить близко. Кофаны, как и большинство индейцев, отважно бросаются на ягуара, но перед анакондой испытывают суеверный панический страх. Лишь с величайшей неохотой согласились они помочь Хорхе оттащить добычу в лагерь.

К тому времени успело уже стемнеть. Что делать с опасной добычей? У Хорхе не было ни мешка, ни ящика. «Придумаю что-нибудь завтра», — решил он. Хорхе устал, его клонило в сон; он повесил свой гамак и привязал к нему змею, рассчитав, что если анаконда попытается улепетнуть, то поневоле разбудит его. И надо сказать, что змея не жалела сил, стараясь освободиться. В ту ночь Хорхе так и не пришлось уснуть, да и индейцам тоже, хотя они улеглись в лодке. Спутники Хорхе не могли сомкнуть глаз от страха.

Когда рассвело, Хорхе изготовил с помощью индейцев прочную клетку. Они вбили в землю бамбуковые жерди, затем из бамбука же сделали стенки и крышу. Гвоздей у них, понятно, не было, и они скрепили все лианами. С некоторым трудом им удалось поместить анаконду в клетку и развязать удерживавшую змею веревку. Затем Хорхе и его спутники продолжали путь вверх по реке.

Забегу вперед и расскажу о судьбе змеи. Девять дней спустя, возвращаясь к реке Путумайо, мы высадились на островке, где оставил свою анаконду Хорхе. Нас встретило ужасающее зловоние; мы сразу поняли, что змея погибла. А затем увидели и как это произошло. Земля вокруг клетки почернела от полчищ хищных муравьев, а самой клетки просто не было и видно. Анаконду убили муравьи! Страшная, мучительная смерть постигла пленницу Хорхе, не имевшую никакой возможности уйти от безжалостных хищников.

Помимо провианта, а также нескольких бутылок агуардиенте от испанского кузнеца, Хорхе привез нам ужасную новость: будто бы индейцы-каннибалы, обитающие в джунглях между реками Сан-Мигель и Путумайо, съели охотника Мануэля из поселка Эскумби. Мануэль не вернулся с охоты домой в условленное время; тогда его

жена с несколькими индейцами хитото вышла на розыски мужа. Сидя в укрытии, они были свидетелями ужасного пира, но предпринять ничего не могли, так как каннибалов было гораздо больше. Теперь на поимку убийц выступил целый вооруженный отряд.

Вся эта история показалась мне крайне неправдоподобной, и я тщетно пытался впоследствии получить подтверждение ее достоверности.

Уже под конец нашего пребывания у кофанов произошло событие, которого мы никак не ожидали.

Однажды вождь пришел в наш лагерь, сообщил, что вечером мужчины собираются пить яхе, и предложил принять участие, если мы пожелаем. Я готов был обнять его! Мы знали, что белые никогда не допускаются на это ритуальное собрание индейцев, и готовы были отдать все, что угодно, за возможность присутствовать на нем. А тут кофаны сами приглашают нас! Трудно было придумать более убедительное доказательство того, что мы завоевали дружбу и доверие индейцев.

Яхе — наркотический напиток, изготавливаемый из коры лианы Банистерия каапи. Индейцы говорят, что от этого напитка душа покидает тело и отправляется в странствие, во время которого переживает много чудесного. Волшебный напиток пьют только ночью, в сооруженной специально для этого хижине в джунглях. Женщинам присутствовать при этом строго воспрещается.

Индейцы начинают пить яхе с наступлением сумерек и соблюдают при этом строгий ритуал. Готовит напиток вождь. Сняв с лианы кору, он измельчает ее, потом заливает водой, все время произнося заклинания и монотонно напевая. Он же подносит всем готовый настой; индейцы подходят по одному, становятся на колени и принимают от вождя чашу. Позже, под воздействием яхе, они начинают подпевать вождю.

Было уже темно, когда мы вместе с нашим переводчиком подошли к хижине, укрывшейся в гуще джунглей на другом берегу Руми-Яку. Хижина оказалась без стен — просто навес из пальмовых листьев. В углу, в небольшом очаге, светилось пламя, около которого сидели, согнувшись, несколько индейцев. Другие лежали в гамаках, натянутых вдоль и поперек между столбами хижины. Все кофаны были празднично одеты. Вождь сидел на своем гамаке спиной к остальным

и готовил яхе. Иногда он помахивал в воздухе веткой и что-то пел неверным, прерывающимся голосом.

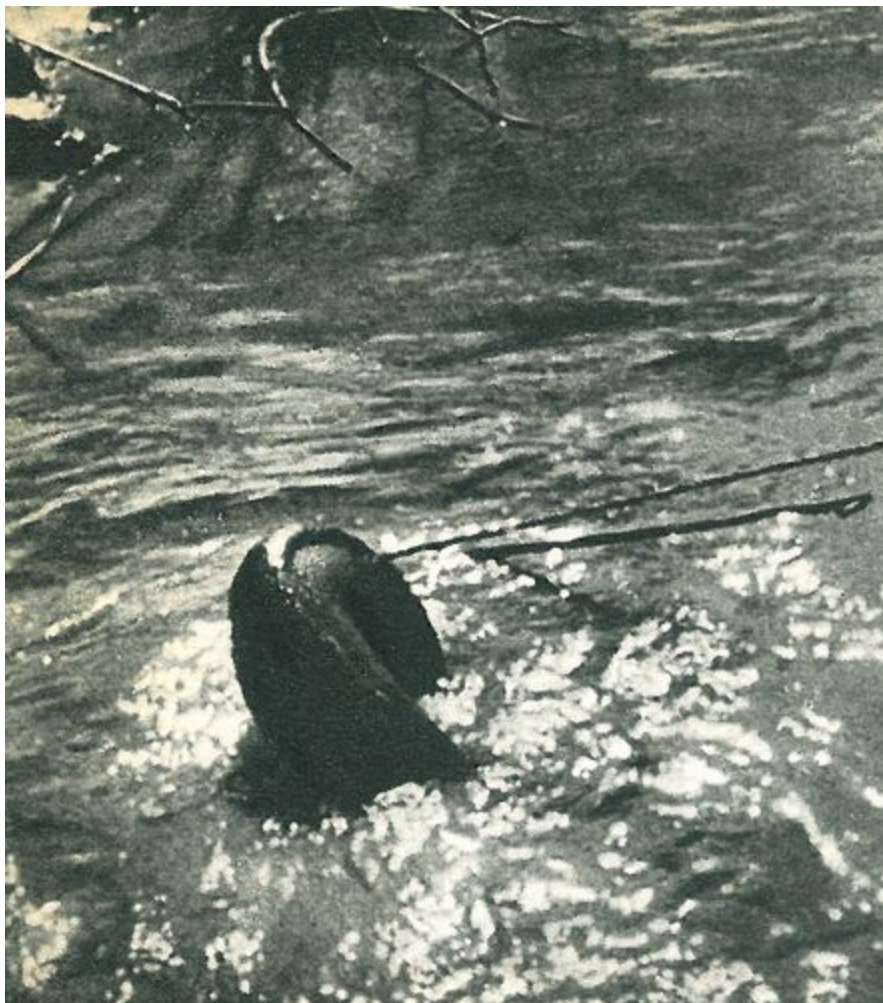
Царила какая-то жуткая атмосфера, погода способствовала усилению мрачного колорита. Не успели мы войти под навес, как разразилась страшная гроза, захлестал сильный ливень. Мощный порыв ветра сломал высохшее дерево рядом с хижинкой, и послышался такой грохот, словно оно обвалилось прямо на головы нам.

Мы сели в сторонке. Никто не обратил на нас внимания, за исключением кусачих муравьев. Было холодно и сыро. Мы обсуждали шепотом надежды на осуществление нашего замысла; дело в том, что мы захватили магнитофон, съемочные аппараты и магниевые лампы. При этом мы не спросили предварительно разрешения у вождя: боялись услышать отказ.

Хорхе увидел анаконду.

Анаконда оборвала веревку и уплыла.

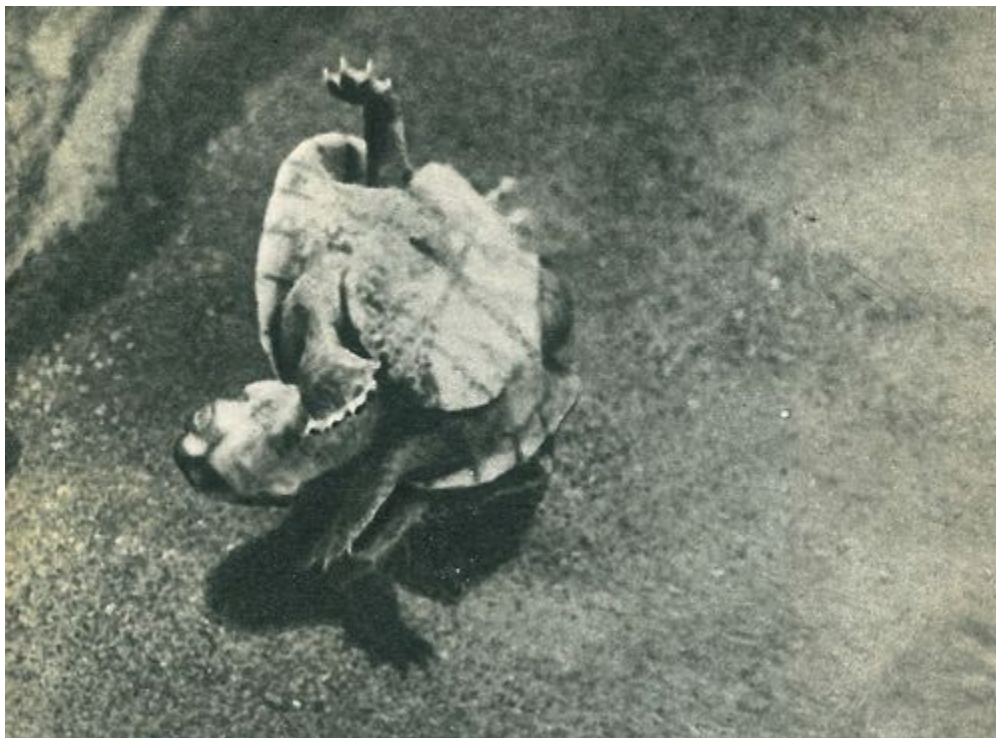

Нередко мы везли лодку, а не она нас.

Возвратившись из очередной экскурсии, мы разбираем свое снаряжение.

Стоит перевернуть черепаху — и она беспомощна.

Эта маленькая змея опаснее анаконды.

*Хриплые крики черных бакланов очень понравились нашему звукооператору
Олле.*

Рыба, которую поймал Вильямисар, считается самой большой пресноводной рыбой на свете. Ее зовут пираруку.

Пока мы ловим рыбу, Лабан хозяйничает на кухне.

Даже в лесу можно встретить с крокодилом.

Анаконда мирно дремала на солнце, но мы нарушили ее покой.

Гигантская змея недовольна, но нас оказалось слишком много.

Снова в Льянганати!

Я осторожно подзвал переводчика. Как он думает: можно нам будет снять несколько кадров и записать пение? Переводчик неуверенно покачал головой. «Может быть... а может быть, нет, — ответил он. — Во всяком случае, раньше полуночи лучше и не пытаться...»

Ожидание показалось нам очень долгим. Мы основательно продрогли. Мы воевали с муравьями и москитами, слушали монотонную прерывистую песню, и глаза неумолимо слипались.

Но вот опять подошел переводчик.

— Кто хочет пить яхе? — спросил он.

Разумеется, все! Однако следовало быть воздержанными, на случай если окажется возможным осуществить наши планы. Поэтому мы только чуть пригубили необычный напиток. Бурая жидкость оказалась

такой горькой, что мы невольно скривились. У Торгни сразу схватило живот. Для меня вкус яхе не оказался новостью: я пробовал раньше тот же напиток у индейцев хибаро, охотников за головами, обитающих в Восточном Эквадоре (там он называется натэма). Тогда он вызвал у меня странные видения и галлюцинации.

Время тянулось мучительно медленно. Вот уже миновала полночь. Кое-кто из индейцев задремал в своем гамаке, но большинство продолжали пить яхе, курить, беседовать, смеяться, петь — в общем, вели себя, как захмелевшие люди. Было что-то гипнотическое в однообразной песне, которую исполняли глухие дрожащие голоса.

Час ночи. Два часа. Три. Четыре... Мы все больше волновались. «Рано», — отвечал переводчик на все наши вопросы. Олле уже успел пустить в ход звукозаписывающий аппарат, сначала потихоньку, потом открыто, и никто ничего не сказал. Но как со съемками?..

В половине пятого нам опять удалось позвать к себе переводчика. Теперь мы были настроены решительно.

— Я спрошу вождя, — сказал он.

Прошло несколько волнующих секунд. Неужели отказ, неужели зря прождали всю ночь?.. Нет!

— Вождь разрешает, — прошептал переводчик.

Куда девалась наша сонливость!

Олле забегал кругом с магнием. Курт носился с киноаппаратом. Торгни едва поспевал тащить за ними батарею. Они напоминали мальчишек, играющих в поезд. Сам я делал снимки фотоаппаратом в те мгновения, когда останавливалась кинокамера.

Мы лихорадочно трудились, обливаясь потом. Магниевые лампы шипели и брызгали огнем, мы прыгали, приседали, нагибались в поисках лучших точек съемки, кричали, ругались и смеялись...

Когда догорела последняя магниевая лампа, уже начало светать. Мы совершенно обессилели от волнения и усталости и уснули тут же, на земляном полу, под причудливую песню кофанов...

18

ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Настал последний день нашего пребывания у кофанов.

Мы увозили с собой уникальные кадры и звукозаписи, зоологические и этнографические коллекции. Все наши товары, предназначенные для обмена, в том числе сотня финских ножей, кончились. Зато мы получили замечательные образцы индейского оружия и украшений, предметов культа и домашнего обихода. Тщательно упаковав все в ящики и резиновые мешки, мы привязали наши коллекции к бальзовым бревнам. Это была необходимая мера предосторожности: теперь, даже если тяжело груженная лодка перевернется на порогах, драгоценный груз не пойдет ко дну.

Все племя вышло проводить наш отряд, а несколько кофанов спустились с нами довольно далеко вниз по реке Сан-Мигель, помогая одолеть самые трудные пороги.

Грустно было расставаться с этими людьми, которые приняли нас так недоверчиво, а потом оказались такими дружелюбными. Наше пребывание в их деревне оставило след не только в ящиках и мешках с коллекциями. Мы познакомились со здоровым и гармоничным народом, жизнь которого заслуживает названия счастливой. Жизненный уклад кофанов отличается от нашего. Они никуда не торопятся, ни за чем не гонятся, нет среди них никаких разногласий.

Отношения между кофанами — самые дружеские; мы ни разу не слышали, чтобы они ругались, не видели, чтобы индейцы наказывали своих ребяташек.

«А что, если взять и поселиться здесь среди кофанов вместе с семьей?» — спрашивал я себя. Питание не составляет тут никакой проблемы. Зачем жить в вечной гонке, когда можно обойтись без этого?! Зачем искать клад, который тебе совершенно не нужен? Почему не взять пример с кофанов?.. Но нет, уж если завелась лихорадка в крови, на растительное существование переходить невозможно!

Вниз по реке Сан-Мигель мы мчались с головокружительной быстротой; несколько раз лодка была на волосок от гибели. Затем река стала шире, и течение замедлилось; мы снова установили подвесной мотор. Однако горючего оставалось мало, и приходилось расходовать его экономно. Около устья Сан-Мигеля нас ждала бочка бензина, нам хотелось добраться туда без особых физических усилий.

Все же, как мы ни изощрялись, километрах в десяти от Путумайо наш мотор смолк — в тот самый момент, когда впереди показалась эквадорская погранзастава. (Сан-Мигель — пограничная река между Эквадором и Колумбией.) Мы подгребли к берегу — узнать, не могут ли эквадорианцы выделить нам несколько литров бензина.

Нас встретил бородатый солдат. Я попросил проводить меня к начальнику заставы.

— Начальник занят, — услышал я в ответ.

Мне стало смешно. Живет почти в полной изоляции в джунглях, видит белых не больше двух-трех дней в году — и вдруг занят!

— Он скоро освободится? — спросил я.

— Гм... боюсь, нет... Он сейчас не в состоянии.

— Заболел?

— М-м-м... не то чтобы заболел. Хотя, можно сказать, что да.

— Малярия?

— Да нет, не малярия... А! Понимаете, здесь в лесу такая тоска, просто нельзя не выпить иной раз. Вот, комендант и хватил немного лишнего... Может быть, я могу вам помочь?

— Мы всем сердцем сочувствуем коменданту, — ответил я. — Пусть спит. Нам нужно только немного бензина.

Бензина у солдата не оказалось, но он продал нам три литра керосина, за что мы были очень благодарны.

Бородач и сам был навеселе. Он спросил нас, куда мы едем; узнав, что мы снимаем фильм, попросил снять и его. Неужели для него не найдется роли в нашей картине? Нет?!

— Послушайте! — сказал он, умоляюще глядя на нас. — Я всю жизнь мечтал о кино, мечтал попасть в Голливуд. Семь лет торчу в этих проклятых джунглях — семь потерянных лет!

— Вы женаты? — спросил я.

— Женат! Нет... у меня есть компаньера... Вот она! — он показал на стоявшую в сторонке индианку, которая скоро должна была стать матерью. — Но ее я, конечно, оставлю здесь. Ей в Голливуде нечего делать.

Он помолчал, потом заговорил снова:

— А до чего же хороша Ингрид Бергман!^[24] Я просто влюблен в нее! Но она этого не знает...

Когда мы двинулись дальше, солдат еще долго провожал нас печальным взглядом.

Мотор натужно кашлял от керосина, однако честно дотянул до устья. Здесь находилась застава покрупнее.

Мы высадились на берег и прошли к дому начальника. По дороге нам попалось здание с забитыми окнами, вокруг которого расхаживали вооруженные солдаты. Позднее начальник объяснил нам, что они охраняли пойманных на эквадорской территории перуанских солдат, заподозренных в шпионаже.

На эквадорско-перуанской границе постоянно происходят стычки. Как раз в этот момент отношения между Перу и Эквадором обострились, и начальник заставы считал, что можно ожидать чего угодно. На заставе царил тревожная атмосфера.

Еще на реке Путумайо я услышал, будто у начальника есть кожа анаконды длиной свыше десяти метров. Я спросил его, правда ли это.

— Истинная правда, — подтвердил он. — Длина кожи двенадцать метров.

— Она у вас здесь? — поинтересовался я.

Я знал по опыту, что владельцы рекордных змеиных кож всегда отвечают на этот вопрос отрицательно. Либо они отдали кожу кому-нибудь, либо она сгнила, либо ее крысы съели...

— Конечно, здесь, — ответил начальник, к моему удивлению, и тут же послал за ней солдата.

«Вот это сенсация! — подумал я. — Вот когда полетит мировой рекорд! Будь я Теодором Рузвельтом, пришлось бы мне сейчас выложить пять тысяч долларов: именно это вознаграждение обещал американский президент за кожу анаконды длиной «всего» в десять метров». Много лет я безуспешно пытался найти такого гиганта. В Амазонас на каждом шагу можно услышать об анакондах длиной в десять, пятнадцать, даже в двадцать метров. А в Бразилии продают открытку с изображением анаконды, достигавшей якобы сорока метров в длину и весившей восемь тонн! (Или, может быть, восемьдесят метров и четыре тонны — я уже не помню точно. Распространяется этот снимок одним фотографом из Манаоса, а судить о подлинных размерах змеи невозможно, так как на снимке не с чем ее сравнить.) Разумеется, эта открытка способствовала усиленной циркуляции слухов о невероятных размерах анаконд. На самом же деле рекордные музейные экземпляры кож или скелетов анаконды не превышают восьми с половиной метров.

Солдат принес кожу; мы расстелили ее на полу. Я измерил ее шагами — шесть метров.

— Тут немного не хватает — в ней всего шесть метров, — заметил я.

— Вот как? — рассмеялся начальник заставы. — А я-то думал — двенадцать! А ведь на глаз и в самом деле кажется так, не правда ли?

Преувеличения относительно размеров змей не менее распространены, чем у любителей-рыболовов в отношении рыб. Вряд ли это можно назвать сознательной ложью, скорее тут имеет место самообман. Меня смущает, однако, что даже авторы весьма солидных книг — Фосетт, Уп де Графф и другие — обращаются вольно с истиной, когда речь заходит о гигантских змеях.

Недавно вышла книга об Амазонас под названием «The amazing Amazon» («Удивительная Амазонка»). Ее автор, Виллард Прайс, довольно известен. Английские и американские рецензенты отзываются о книге очень одобрительно, считая ее серьезным трудом.

Вот что пишет об анаконде Прайс:

«...Не приходится больше сомневаться, что анаконда — крупнейшая змея на свете. Ее ближайший конкурент, азиатский питон,

не превышает тридцати футов. Между тем не раз поступали сведения об анакондах длиной до пятидесяти футов (пятнадцать метров). Естествоиспытатель Уотертон пишет об убитых экземплярах около шестидесяти футов длиной. Впрочем, такие экземпляры крайне редки.

Элгот Лэндж, очень добросовестный исследователь, видел немало анаконд, большинство — менее двадцати пяти футов. Однако и ему попалось однажды небывалое чудовище, свернувшееся в конус высотой около семи футов, из которого торчала голова и шея. Змею подстрелили, она развернулась и попыталась уйти в воду. Но голова была разбита пулей, и анаконде не удалось спастись. Она успела погрузиться в воду лишь на половину своей длины. Лэндж смерил ее; оказалось пятьдесят шесть футов (почти семнадцать метров!) в длину и два фута в толщину.

Своему спутнику-индейцу Лэндж сказал, что дома, в Соединенных Штатах, никто ему не поверит.

«И все-таки это правда, как вы видите, — ответил индеец. — Не то что ваши рассказы, будто в Нью-Йорке есть дома с тридцатью пятью, даже сорока этажами один на другом!»

Понятно, что трудно ради доказательства доставить небоскреб в Бразилию. Зато Лэнджу удалось подтвердить свою историю — он привез кожу анаконды в Нью-Йорк. В высушенном виде она имела в длину пятьдесят четыре фута и восемь дюймов...»

Не правда ли, это сообщение производит весьма убедительное впечатление? Но где искать в Нью-Йорке эту редкость, какое научное учреждение приобрело ее? На этот вопрос найти ответ оказывается невозможным. Ни один из известных мне музеев не знает о трофее Лэнджа.

Виллард Прайс рассказывает в той же книге, как он сам поймал тридцатидвухфутовую анаконду и запер ее в клетку. Рассказ Прайса звучит не очень правдоподобно, а заключение заставляет окончательно усомниться в добросовестности автора:

«Громадная змея оказалась нашей пленницей. А впрочем — пленницей ли? Анаконда яростно билась о прутья клетки, и мы боялись, что она вот-вот окажется на свободе...

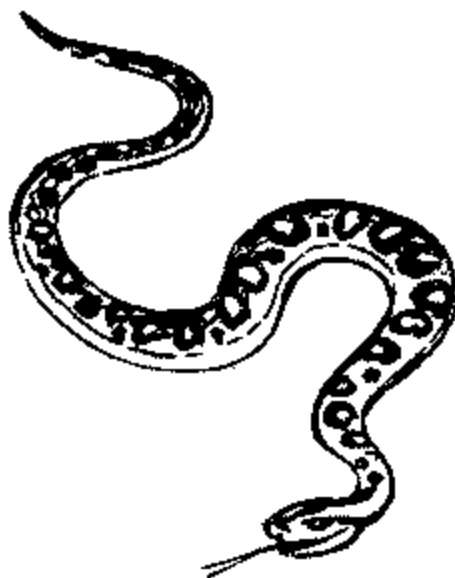
Лучший способ успокоить змею — накормить ее. Среди трофеев Рода (один из спутников Прайса) был живой кабан весом в

восемьдесят фунтов. Он пришелся по вкусу анаконде. Она проглотила его и спустя полчаса уже мирно спала...»

Тому, кто хоть немного знает змей и их повадки, история Прайса покажется просто наивной. Немало трудов нужно приложить, чтобы заставить змею есть в неволе. В этом я имел возможность убедиться сам на многочисленных примерах. Так, мы поймали анаконду длиной в четыре с половиной метра (я расскажу, как это происходило, в следующей главе) и доставили ее в гётеборгский «Аквариум». Она отказывалась от пищи пять месяцев. А в берлинском зоопарке находилась гигантская змея — кажется, питон, — которая ничего не ела целый год! Совершенно невероятно, чтобы пойманная Прайсом анаконда тут же проглотила целого кабана.

Как бы то ни было, перед нами по-прежнему стояла задача найти анаконду. Мы заранее окрестили наш фильм «Анаконда» и были теперь просто обязаны поймать змею. Этот эпизод должен был явиться кульминационным пунктом всей картины.

Мы снова двинулись к Рио-Каукае.

19

АНАКОНДА ПОЙМАНА

Во время нашей первой, столь неудачной во всех отношениях экспедиции мы все-таки поймали анаконду, притом в весьма драматической обстановке. К сожалению, это случилось в субботу, когда наш кинооператор, адвентист седьмого дня,^[25] отдыхал, и великое событие не было запечатлено на пленке. Позже мы пытались инсценировать поимку (а это гораздо опаснее!), но слишком уж все получилось искусственно. Впрочем, наша анаконда все равно была мала — всего четыре с половиной метра. Только настоящий великан мог рассчитывать стать героем нашего фильма.

Анаконда встретилась нам, когда мы плыли вниз по реке Кагуан; она лежала на дереве, свисавшем над водой. Несколько дней подряд лил холодный дождь, но тут выглянуло солнышко, и змея выползла погреться. Она казалась гораздо больше, чем была на самом деле, — вероятно, из-за своей толщины.

Как поймать анаконду? Положение было сложное. Если она прыгнет в воду, все пропало. Но ведь можно растянуть под стволом

сеть и перехватить змею таким образом. (Мы везли с собой специальные сети для ловли анаконды.) Да только как это сделать?

Осторожно приближаемся на лодке. Змея не обращает внимания. У анаконд нет опасных врагов — во всяком случае, у таких крупных анаконд, разве что крокодил нападет, — и она, видимо, решила, что нас опасаться нечего. Тут-то она и просчиталась!

Мы подплыли к самому стволу и привязали лодку за сук, чтобы ее не относило течением. Муньос и Торгни навели на змею свои двухстволки, а мы с Хорхе прыгнули в воду и добрались вплавь и вброд до берега. Сеть мы тащили с собой; нам удалось растянуть ее под самым стволом между берегом и лодкой. Теперь предстояло самое трудное: набросить на страшилище петли.

Медленно приближаемся к анаконде с арканами в руках. Она по-прежнему неподвижна, только язык извивается во все стороны да внимательно наблюдают за нами холодные, жестокие глаза. Осторожно, бесконечно осторожно надеваем петлю на заднюю часть змеиного тела и на ствол. Конец аркана у меня в руках, я приготовился тянуть что есть силы, как только настанет момент. Хорхе берет в зубы финку и ступает в воду: он должен наложить еще петлю. Но ему мешают ветки и листья. Хорхе начинает срубить их ножом. Змея поднимает голову. Хорхе каменеет. Напряжение достигает предела, — секунды кажутся минутами... Анаконда опускает голову на прежнее место. Хорхе осторожно набрасывает веревку на тело и ствол, делает петлю-удавку и бросает конец веревки сидящему в лодке Торгни.

Остается самое сложное: захватить петлей голову змеи. Хорхе пытается набросить веревку, но промахивается. И тут анаконда начинает двигаться — приподнимает голову и медленно скользит вперед...

Пора действовать!

— Тяните изо всех сил! — кричит Хорхе.

Мы затягиваем петли, тянем веревки так, что они врезаются в руки. Анаконда обладает невероятной силой. Хотя я всем телом повис на своем аркане, ей удастся высвободить заднюю часть тела. Я хватаю змею за хвост руками и тяну изо всех сил назад, но уже мгновение спустя анаконда вырывается.

Похоже, что анаконда уйдет! Она отчаянно бьется. Напрягает все тело, затем расслабляет его и таким образом сантиметр за сантиметром

выбирается из петли. Шипящая разинутая пасть мечется из стороны в сторону, пытается схватить Хорхе, но не достает.

Мы все страшно возбуждены, особенно Торгни. Он орет снова и снова:

— Накиньте петлю на голову! На голову!

Но это не так-то легко сделать: змея кидается во все стороны и не дает нам приблизиться.

И тут снова в атаку идет Хорхе. Он смело шагает к анаконде. Бросает аркан. Есть! Петля захватывает шею змеи! Хорхе дергает веревку и откидывается назад. В ту же секунду анаконда вырывается из последней петли, прижимавшей ее тело к дереву, и плюхается в реку. Сеть оказалась не на месте, ее отнесло течением. Положение становится опасным! Но Хорхе не отпускает аркан. Я подбегаю к нему, хватаю веревку, мы вместе тащим яростно сопротивляющуюся добычу к берегу. Анаконда извивается и сбивает воду в пену. Муньос и Торгни прыгают в воду и бегут к нам на помощь. Общими усилиями мы вытаскиваем анаконду на берег. Змея сворачивается в клубок, пряча голову в середину; видно, старается защитить ее от тугой петли...

Мы вытаскиваем сеть из реки и расстилаем ее на берегу, затем набрасываем на клубок и «упаковываем» нашу анаконду. Теперь можно разрезать петлю. И снова змея отчаянно бьется, стараясь вырваться из тюрьмы. Тщетно: слишком плотна эластичная сеть.

Мы стоим мокрые, грязные и усталые и смотрим на свою добычу. Вдруг Торгни вспоминает:

— У меня же спрятана бутылка виски! Специально берег ее до первой анаконды. Теперь можно и откупорить!

Нужно ли говорить, что мы не стали медлить!

Нашу первую анаконду мы назвали сеньорита Ана; она ехала с нами до самой Швеции. Нельзя, однако, сказать, чтобы она была в отличной форме, когда прибыла в мае в дом моих родителей в Стоксюнде. Открыв ящик с анакондой, я обнаружил, что она окоченела и не проявляет никаких признаков жизни. Я трогал ее, щипал — никакого впечатления. Умерла? Нет, просто змея оказалась «замороженной» во время перелета Нью-Йорк — Стокгольм! Самолет шел временами на высоте трех-четырёх тысяч метров, а анаконду поместили в неотопливаемом отделении. Впрочем, чтобы «оживить» ее, оказалось достаточно теплой ванны. Просто поразительно, как

быстро подействовала водная процедура! Миг — и длинное тело змеи забилось, она разинула шипящую пасть и бросилась на веник, которым я ее передвигал.

Несколько дней сеньорита Ана грелась на солнышке на травке среди тюльпанов, затем ей пришлось покинуть Стоксюнд и поселиться в гётеборгском «Аквариуме», где для нее оборудовали террариум с температурой плюс тридцать градусов. Пять месяцев она выдерживала голодовку, как я уже упоминал выше, но затем принялась с большим аппетитом поедать крыс и морских свинок.

Поистине необычная судьба для жительницы джунглей Амазонас! А еще говорят, что каждый сам хозяин своей судьбы!

Многие спрашивали меня, насколько опасна анаконда. Отвечаю: вряд ли она так страшна, как ее малюют. Но и безобидной ее никак не назовешь!..

В другой книге я рассказывал, как одна анаконда утащила купавшегося в Рио-Напо метиса, — это абсолютно достоверный факт. Во время нашей киноэкспедиции я услышал еще об одном подобном случае и мог сам проверить достоверность рассказа.

Трагедия эта разыгралась в месте слияния Рио-Ясуни с Напо, в Восточном Эквадоре.

Несколько ребятишек купались у берега, как вдруг оказалось, что один из них, тринадцатилетний мальчуган, пропал. Решили, что он утонул. В это время на воде показались пузырьки воздуха, и другой мальчишка нырнул на поиски утонувшего. Он вынырнул бледный от ужаса. Пытаясь нащупать руками тело товарища, он задел громадную змею — анаконду. Мальчик часто слышал, что в реке живет змея-великан. Она уже проглотила двух людей, и он не сомневался, что она же утащила его товарища.

Отец погибшего решил отомстить и поклялся любой ценой убить анаконду. После усиленных суточных поисков ему удалось обнаружить змею. Она наполовину вылезла на берег. Пятью выстрелами отец убил анаконду. Это была на редкость здоровенная бестия!

Можно привести немало подобных и даже более ужасных историй о злодеяниях анаконд, но ограничусь этими двумя, за достоверность которых могу поручиться.

Поймать анаконду в воде, точнее — на глубоком месте, практически невозможно. В своей родной стихии она невероятно подвижна. Змею надо застать, когда она выползает на берег погреться на солнце или переварить пищу.

Как правило, у анаконды есть свои излюбленные места охоты, и она держится в строго определенном районе. Если вы увидели где-то анаконду, то почти наверное встретите ее здесь вновь. Мы старательно собирали все сведения о виденных больших анакондах и пришли к выводу, что надо искать в верховьях Рио-Каукая. Индейцы хитото, обитавшие на этой реке, подсказали нам, где именно мы можем рассчитывать встретить десятиметровую анаконду и других великанов. Узнав, что мы хотим поймать этих бестий живыми, индейцы сочли нас сумасшедшими. Сами они испытывали панический ужас перед анакондой и тщательно обходили места ее обитания...

Итак, мы снова отправлялись на поиски. Заехали ненадолго в Пуэрто-Легизамо — запастись продовольствием, отправить домой киноленты, отослать отчеты и письма и получить почту — и двинулись вверх по Путумайо и дальше по сказочной Каукае.

Мы плыли по Каукае на длинной пироге, время от времени отправляясь в разведку на лодчонке Вильямисара. Узкие кебрадас — извилистые протоки, прегражденные буреломом, — приводили нас к озеркам и болотам. Совершали мы также долгие, утомительные пешие переходы по заболоченным джунглям. На каждом шагу нам попадались пресмыкающиеся, ядовитые и неядовитые — и ни одной анаконды. Правда, следов было сколько угодно, но и только. Мы твердо решили не сдаваться, хотя бы пришлось проторчать в этом нездоровом краю и месяц, и два. Даже малярия, уже поразившая двоих участников экспедиции, не могла поколебать нашей решимости.

Однако было обстоятельство, которое не позволяло нам долго ждать: приближался сезон дождей, а с ними и конец всем нашим надеждам.

Мы усилили поиски, находились в движении с рассвета до сумерек, отменили все выходные дни. И наконец на одном из маленьких притоков Каукаи наши усилия увенчались успехом!

Семиметровая анаконда, толщиной чуть не в телеграфный столб, имела неосторожность выбраться на сушу — тем самым судьба ее была решена!

Мы набросились на нее впятером, вооруженные жердями с рогаткой и арканами, а главное — твердой решимостью не дать змее уйти. Завязалась отчаянная борьба, с акробатическими номерами. Мы тянули, дергали, катались по грязи, мы ругались, кричали, обливались потом... Анаконда шипела и кидалась во все стороны, пытаясь захватить кого-нибудь в свои объятия. Тем временем Курт один устроил вокруг нас и змеи настоящий хоровод в поисках точек для съемки. Он был вездесущ, забирался чуть не в самую пасть анаконде! Вот это оператор! А Олле Булин колдовал над магнитофоном, от волнения рвал на себе бороду и время от времени щелкал затвором фотоаппарата. Режиссер Торгни махнул рукой на свои режиссерские обязанности: вместе со всеми остальными он с упоением отдался схватке. Анаконда сама обеспечивала режиссуру!

Но вот представление окончено. Анаконда поймана, мы вталкиваем ее в предназначенный для этого большой ящик. Все, в том числе анаконда, смертельно устали.

— Слава богу, — вздохнул Торгни, — теперь наше рабочее название «Анаконда» оправдано!

— Не трать зря слов, — отозвался Курт. — Доставай-ка лучше бутылку с виски!

20

ПРОЩАЙ, АМАЗОНАС!

Нам удалось поймать еще двух анаконд — одну примерно такой же длины, как сеньорита Ана, вторую поменьше, длиной всего в полтора метра. Вместе с нашей семиметровой пленницей они после возвращения экспедиции в Пуэрто-Легизамо жили временно в ящиках в доме, который любезно предоставил нам доброжелательный начальник заставы.

Посещение пограничной заставы, ставшей штабом экспедиции, всегда было для нас чем-то вроде праздника. Мы неизменно встречали самое заботливое отношение, ели и пили вкусные вещи, спали на белых простынях. Поверьте, что это немало значило после похода в джунгли. Странно, как много может означать пища... Под конец экспедиции мы говорили преимущественно о том, что будем есть, когда вернемся в Швецию. Рекомендовали друг другу хорошие рестораны, придумывали меню обедов, вспоминая самые лакомые блюда. Если кто-нибудь бился об заклад, то обязательно на завтрак, обед или ужин в Швеции. Я сам проиграл Торгни завтрак в «Рише»: салат «весткюстен» и «а ля доб», — а также ужин с омарами в «Хассельбаккен». Впрочем, нам действительно не вредно было отъестся. Когда отряд вернулся в Пуэрто-Легизамо от кофанов, то

выяснилось, что мы не в меру похудели, потеряли самое малое девять килограммов каждый, а Олле — целых тринадцать. Со здоровьем тоже не ладилось. Курта мучила тяжелая форма дизентерии, мы с Лино страдали от малярии. Кроме того, у меня было что-то с глазом. Это началось еще во время первой экспедиции; доктор прописал мне тогда абсолютный покой. Понятно, что мне не стало лучше от того, что я вскоре отправился в новое путешествие.

Добыв змей, мы снова направились вверх по Путумайо — завершить кое-какие необходимые съемки до наступления дождей. Все эти дни стояла страшная жара, но нам приходилось трудиться без устали с утра до позднего вечера. Курт проявил настоящий героизм, работая с таким напряжением вопреки своей болезни. Но такой уж он есть: всегда впереди со своей камерой, хотя бы пришлось ползти по грязи, стоять по пояс в ледяной воде или балансировать на крутых скалах над пропастью. Дизентерия и жара не мешали ему трудиться двенадцать часов в день.

Редкие животные непременно должны были участвовать в нашем фильме, и мы посвятили им немало времени и терпения. Нам удалось запечатлеть тапиров, муравьедов, ленивцев, диких свиней и других млекопитающих Амазонас, но также и тварей поменьше. Даже насекомые производили сильное, подчас даже устрашающее впечатление, если мы снимали их крупным планом во весь кадр.

Сотни метров пленки потратили мы на удивительных муравьев-листорезов — искуснейших агрономов. Эти красные муравьи питаются специальным видом грибов, который сами же и культивируют, причем настолько давно, что этот вид уже не существует в диком состоянии, подобно нашим культурным растениям. Свои подземные «плантации» муравьи удобряют листьями с определенных деревьев. В джунглях на каждом шагу попадаются прилежные муравьи, которые тащат домой зеленые кружочки, а навстречу им идут за новой порцией другие колонны. Если последовать за рабочими муравьями до муравейника, то можно увидеть других муравьев, поменьше, которые отвечают за чистоту и выносят из муравейника всевозможный мусор на «помойку».

Листорезы причиняют страшный вред плантациям и садам, и население относится к ним с острой ненавистью. Вообще в Амазонас муравьи являются первыми врагами человека. Вы встретите их

повсюду, в любое время дня и ночи, и большинство кусается очень чувствительно. Хуже всего самые крупные виды, черные «конга» (Парапонера, Грандипонера), достигающие трех сантиметров в длину. Они очень ядовиты; кусают и жалят (наряду с мощными челюстями, они оснащены здоровенным жалом, скрывающимся в брюшке) чрезвычайно больно. Это мы с Торгни знаем по собственному горькому опыту.

Конга попал в наш фильм, а также волосатый ядовитый паук-птицелов ужасающих размеров. Паук получал от нас даже жалование, как и положено статисту: тараканов и других насекомых. Он стал нашим домашним и подопытным животным. Несколько месяцев мы возили с собой паука-птицелова в маленькой клетке. Он чувствовал себя превосходно и с большим аппетитом поедал все, что мы для него ловили.

Наши друзья, солдаты в Пуэрто-Легизамо, смотрели на нас, как на настоящих героев, когда мы принялись снимать чичарро мачако. Это своеобразная цикада, ее называли светоноской из-за большого нароста на голове, напоминающего фонарь, хотя она ничуть не светится. Светоноска — совершенно безобидное насекомое, тем не менее в Амазонас ее считают смертельно ядовитой и боятся, как чумы. Когда мы поймали одну чичарро мачако и стали обращаться с ней так, словно это самое безвредное существо на свете, жители Пуэрто-Легизамо решили, что мы просто сошли с ума. Даже убедившись, что с нами ничего не случилось, они не хотели верить в ее безвредность.

— Вам просто повезло: одного укуса этой твари достаточно, чтобы убить человека, — сказал нам один офицер, не первый год живший в Амазонас.

Но самое редкое зрелище, касающееся насекомых, мы наблюдали во время первой экспедиции на реке Кагуан: полет термитов.^[26] Это было нечто потрясающее. Три дня подряд с раннего утра до полудня над рекой словно повисал густой дым. Миллионы, если не миллиарды, термитов летели вверх по реке. Однажды прошел дождь — после него вся поверхность реки была усеяна прибитыми насекомыми. В другой раз они даже при яркой солнечной погоде сыпались в воду, точно снег.

Позже я узнал причину этого перелета. Крылатые самцы и самки термитов появляются только к началу дождливого периода. Когда в гнезде скапливается избыток взрослых насекомых, они начинают,

подобно муравьям, роиться и спариваться либо в воздухе, либо на земле, после того как сбросят крылья.

В том же путешествии мы наблюдали другое явление, связанное с периодом дождей. Разбив лагерь на песчаном берегу, мы заметили как-то вечером крохотную симпатичную черепашку, потом еще и еще одну... целое множество. Сначала мы не могли понять, откуда они взялись. Я прошел с фонариком вокруг лагеря и обнаружил, что малышки выползают из ямок в песке: очевидно, с наступлением дождей они вылупливаются из яиц. Выбравшись из норки, малыши направлялись напрямик к реке.

Вообще я нигде не видел такого количества речных черепах, как на Кагуане. Они попадались здесь целыми косяками, даже затрудняли плавание на лодке. Винт нашего мотора то и дело ломался о панцири черепах.

Поразительно богатство животного мира Амазонас, но одно дело — наблюдать и записывать, совсем другое — запечатлеть его представителей на пленке. Нам приходилось мириться с частыми неудачами. В гуще сумрачных дебрей или под проливным дождем трудно получить первоклассный кадр, и даже при безупречном освещении далеко не всегда удается поймать киноглазом животное. Звери пугливы, они не ждут, картина изменяется мгновенно. И если мы все же смогли за относительно короткий срок заснять столько обитателей джунглей, то дело тут не только в искусстве оператора, но и просто в везении.

После четырех месяцев усердной работы пришло время возвращаться на родину. На этот раз наше возвращение не было позорным отступлением: мы засняли 17 тысяч метров пленки — 17 километров! Вполне достаточно для нашей полнометражной картины.

Было решено, что я поспешу в Боготу, чтобы уладить там различные дела. Остальные прибудут спустя неделю: надо было собрать еще кое-какие экспонаты, уложить снаряжение и сделать, в знак благодарности за гостеприимство, небольшой фильм о пограничной заставе в Пуэрто-Легизамо.

Мы не раз обсуждали, что делать с Лабаном, когда кончится экспедиция. Больше всего нам, конечно, хотелось бы взять его с собой, но это было невозможно. Ревуны очень нежны и чувствительны к

перемене климата, — везти Лабана с собой было бы убийством. Приходилось оставлять его в Амазонас.

Проблема чуть не решилась сама собой, причем весьма трагическим образом.

В один из последних дней пребывания экспедиции в Амазонас, когда я уже был в Боготе, мои товарищи разбили лагерь на берегу Путумайо в одном дневном переходе от Пуэрто-Легизамо. Вернувшись под вечер из экскурсии, они обнаружили, что Лабан пропал! Они оставляли его в лагере вместе с Лино, но Лино решил, что Лабан уехал на лодке с остальными...

Целые сутки они разыскивали Лабана, бродили по джунглям и звали его. Но Лабан исчез безвозвратно. «Видно, его сожрал какой-нибудь хищник», — решили опечаленные члены экспедиции.

Свернули лагерь, направились в Пуэрто-Легизамо. Проплыв с десяток километров вниз по Путумайо, они причалили к берегу около индейской хижины. И тут к лодке бросилась маленькая обезьянка...

Лабан!

Но как он попал сюда?!

— Представьте себе, — рассказал им индеец, — отправился это я на днях на лодке половить рыбы и вижу — плывет по реке ствол, а на нем сидит вот эта обезьянка. Ну, я и подобрал ее.

Что же произошло? Вероятно, Лабан, увидев, что его «папы» уплывают на пироге, прыгнул следом за ними в воду. Ему ведь это было не впервой. Но течение оказалось слишком сильным, маленький Лабан не справлялся с ним и спасся на проплывавший мимо ствол. Он проехал на нем десять километров!

Свидание было очень радостным, но тем тяжелее показалось потом окончательное расставание. Впрочем, Лабан попал в хорошие руки. В Пуэрто-Легизамо нашелся среди солдат большой любитель животных, ему мы и вручили нашу обезьянку. Лабан явно почувствовал доброе сердце нового хозяина, потому что сразу привязался к нему.

Возвращение в Боготу я отпраздновал в обществе работавшего здесь шведского инженера Ханса Исберга и его жены, Ингер. Ханс разрешил мне пожить у него в течение недели, пока приедут остальные члены экспедиции. Но он предупредил меня, что при всем желании не сможет принять в своем доме трех анаконд в дополнение к четырем землякам!

— Мы чуть не остались без кухарки, когда ты привозил сеньориту Ану, — объяснил он. — Бедная женщина едва не лишилась рассудка, целый день только и делала, что крестилась. А если ты притащишь сюда трех змей, да еще одну из них семиметровую, то кухарка сразу сбежит, а на такой риск мы не можем пойти...

Дело в том, что, боясь простудить сеньориту Ану в холодной Боготе, мы держали ее на кухне. Змея лежала в ящике, но кухарка явно сомневалась, что доски выдержат, если сеньорита Ана вздумает потянуться как следует.

Все же, насмотревшись на наши тщетные попытки устроиться в гостинице со своим зверинцем, Ингер и Ханс пустили змей к себе. Правда, на этот раз не на кухню, а в гараж. Нельзя сказать, чтобы это решение полностью устраивало кухарку: она жила над гаражом и относилась крайне подозрительно к «нижним жильцам».

Нам не повезло с нашими змеями. Самая маленькая умерла сразу по прибытии в Боготу. Тогда мы поспешили отправить двух остальных в Кали, к Хорхе — он вызвался присмотреть за ними, пока мы не уладим вопрос об отправке анаконд в Швецию. В Кали царит тропический климат — таким образом, там нашим пленницам должно было прийти по вкусу. Увы, грузовик, на котором они ехали, сломался на дороге высоко в Андах, и самая крупная анаконда не выдержала холода. В Кали она прибыла мертвая, и в том же ящике лежало двадцать восемь мертвых анаконд, которых она родила так не вовремя. Я невольно чувствовал себя детоубийцей.

В итоге, из наших трех анаконд оставалась в живых только одна. Но зато эта благополучно добралась до Гётеборга. Ее вез Олле. Они плыли на пароходе из Буэнавентура (этот порт связан железной дорогой с Кали) до самого Гётеборга. Остальные участники экспедиции вылетели в Швецию на самолетах. (Я летел через Париж, но мое пребывание там оказалось не очень веселым: почти все время я провел больной в номере гостиницы — малярия...)

Помимо всего прочего, мы успели заснять короткометражный фильм на огромных плантациях «бананового короля» Фольке Андерсона в провинции Эсмеральдас, в Эквадоре. А я навестил свою семью в Кито и обсудил вопрос об очередной экспедиции в Льянганати с нетерпеливо ожидавшим меня Луисом Андраде.

— Свою анаконду ты заполучил, — сказал Андраде. — Теперь нас ждет золото. Дважды тебе пришлось съездить в Амазонас, чтобы поймать змею. Тебе придется трижды побывать в Льянганати, прежде чем ты доберешься до клада Вальверде. Но ты обязательно доберешься до него — он ждет нас...

21

ЛЬЯНГАНАТИ — СНОВА И СНОВА

Одно дело снимать фильм — это самое интересное. Куда труднее потом монтировать его! Немало работы было проделано в монтажных и лабораториях, прежде чем появилась на свет «Анаконда». На протяжении многих недель рабочий день Курта и Торгни начинался в четыре утра и заканчивался около полуночи. Иначе нельзя было, потому что обоим приходилось одновременно выполнять свою основную работу: Курту — в качестве главы собственной кинокомпании «Суэция фильм», а Торгни делал рекламные фильмы.

— Хватит! — произносил Торгни время от времени. — Сегодня у меня нет больше времени для анаконды. Пойду займусь петухом и марабу.

Он делал рекламные фильмы о простынях марки «Петух» и о шоколаде «Марабу».

Олле возился со звуком. Это была буквально мозаичная работа, тем более что многие ленты размагнитились и совершенно не годились.

Наконец все было готово. Из 17 тысяч метров оставалось 2700, зато получилось совсем не плохо. Премьера должна была состояться в Гётеборге; я выехал из Стокгольма за несколько дней, чтобы

организовать в фойе кинотеатра выставку части наших зоологических и этнографических коллекций.

— Позаботься о рекламе, — напутствовали меня в «Нурдиск Тунефильм».

Однако эту заботу взяли на себя... обитатели «Аквариума», привезенные нами.

Анаконда задушила и проглотила жившую вместе с ней боа — настоящая сенсация! А две гигантские жабы из трех, которые были еще живы в момент моего прибытия в Гётеборг, ухитрились скончаться при загадочных обстоятельствах перед самой премьерой. «Глубокий траур в «Аквариуме», — писала какая-то газета.

Печальное происшествие... Я утешался тем, что прожорливая анаконда и скончавшиеся жабы явились дополнительной рекламой нашего фильма.

Курт и Торгни присутствовали на премьере; Олле, к сожалению, не смог прибыть. Это был великий день для нас. Вернее, даже не этот день, а следующий, когда мы читали единодушные хвалебные отзывы. «Большая шведская кинопобеда в джунглях Южной Америки», — гласил один заголовок.

Наша работа была завершена и увенчалась успехом. Для меня это означало, что я могу вернуться в Эквадор, к семье, и снова заняться Льянганати!

В ноябре (в этом месяце не так жалко расставаться со Швецией) я вылетел в Кито. Несколько дней провел в Нью-Йорке, где Гюстав Альгорт вручил мне новый рудоискатель самой совершенной конструкции. Благодаря этому прибору теща приняла меня особенно сердечно, когда я вернулся в Кито. Она уже успела наметить несколько новых маршрутов.

Мы решили испытать рудоискатель в ее саду. Он действовал безупречно. Закопанные нами серебряные блюда и прочие металлические предметы заставляли наушники громко визжать.

— Чего же ждать — приступим! — обрадовалась теща.

Первая экспедиция привела нас в город Иварра, в провинции Имбавура, на север от Кито. Теща уверяла, что здесь в одном доме, или поблизости от него, зарыт большой золотой клад. В доме водятся призраки, по ночам там раздаются странные крики и голоса, поэтому в нем уже много лет никто не отваживается селиться. Да еще ночью

вокруг дома вспыхивают голубые огоньки — самый верный знак того, что тут зарыто золото. Короче, у тещи не было недостатка в доказательствах.

Мы выехали из Кито в четыре часа утра и прибыли в Иварра около десяти. Теща не хотела даже дать мне позавтракать — так она спешила к заветному дому. Но я воспользовался тем, что один умел обращаться с волшебным аппаратом, и отказался двигаться с места, пока не заморю червячка. Теща считала, что я ем возмутительно медленно и просто назло ей прощу добавки кофе.

«Дом с привидениями» находился в обнесенном глинобитной стеной заброшенном саду — разваливающийся, потемневший, населенный крысами и летучими мышами.

Я немедленно принялся за работу. Теща следовала за мной по пятам, отдавая команду. Наушники мешали мне слышать ее слова, но я тщательно обследовал метр за метром. Прошло четверть часа. Ничего. Двадцать минут... Есть! В наушниках раздался громкий визг, стрелка на приборе подскочила от 0 к 80.

— Здесь, — сказал я теще. — Здесь клад!

Мою тещу трудно назвать стройной и грациозной — она уже в летах и обладает мощной фигурой, но тут она, словно эльф,^[27] пролетела к пеонам, которые сидели в ожидании с лопатами и заступами. Она привела их к тому месту, где мой аппарат устроил такой шум, и приказала копать изо всех сил. Однако темп работы не устроил ее, и теща сама взялась за лопату. На глубине полуметра чей-то заступ ударил о металл. Теща высоко подпрыгнула от радости, да и я не остался равнодушным... Двое пеонов повалились наземь и принялись раскапывать находку руками: следовало быть осторожным, чтобы не повредить хрупкие золотые изделия и прочие драгоценности. Мы не сводили глаз с пеонов, теща сияла так, словно уже заполнила весь дровяной сарай дома золотыми слитками.

Показалось нечто вроде крышки от ларчика, а затем это нечто превратилось в... номер от автомобиля! И как только он мог здесь очутиться?!

Теща оторопела, затем возмутилась.

— Твой аппарат ни на что не годится! — кричала она.

— Ну, уж нет, — возразил я. — Вот перед вами блестящее доказательство того, что он действует превосходно и стоит

заплаченных за него долларов.

— М-да... возможно... Однако не будем тратить время на разговоры, лучше искать дальше...

Я работал еще два часа. Нашел старый, поломанный утюг, ржавую цепочку и крышку от кастрюли. Золота не было.

Теща, кажется, разочаровалась в моем аппарате. Она ждала от него золота, а не металлолома. Впрочем, это не помешало ей наметить множество новых маршрутов...

Мы с Андраде собирались выступить снова в Льянганати уже в конце ноября, но я чувствовал себя еще слишком плохо, чтобы подвергаться новым лишениям. Сначала мне нужно было расправиться с полчищами амёб и микробов, которые поедали меня изнутри, — безбилетные пассажиры из Амазонас. Они довели меня до того, что я вот-вот собирался отправиться на тот свет... К счастью, основательный курс лечения поставил меня на ноги, и к Новому году я опять был в сносной форме. В феврале наша экспедиция выступила в поход.

На этот раз у нас были удобные палатки, надувные лодки, всевозможный инструмент, примусы и прочие предметы, в необходимости которых убедил нас опыт путешествий в негостеприимный Льянганати. В деревне недалеко от Кито мы раздобыли носильщиков, в основном индейцев. Люди из Пильяро нас не устраивали: слишком хорошо они знали о цели нашей экспедиции.

Мы решили на этот раз атаковать Льянганати с другой стороны. Между городом Сальседо в горах и деревней Напо в Орьенте прокладывают дорогу; к тому времени было построено около сорока пяти километров. Готовый участок заканчивался в точке, лежащей на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря; доехать туда на автомобиле было бы для нас большим подспорьем. Однако самый тяжелый участок строительства оставался впереди. Еще немало диких гор и бурных рек нужно преодолеть, чтобы довести дорогу до Напо. Если она будет завершена, то это явится по-настоящему героическим предприятием.

Насколько трудно продвигаться в этой местности, видно из записей в моем дневнике:

«17 февраля 1955 года. Льет непрекращающийся дождь, холодный и противный. Целый день мы скользили по глинистой тропе. Около

половины четвертого заблудились в верхнем течении Рио-Мулато. Пришлось возвращаться в старое ранчо,^[28] которое мы прошли раньше. Зато здесь сухо и уютно, в очаге горит огонь; сейчас мы будем пить канелазос (ром с корицей).

18 февраля. Весь день проливной дождь. Сначала пробирались вдоль Рио-Мулато — то по скалам, то по ледяной воде. Потом берег стал совсем непроходимым, пришлось карабкаться по высотам, прорубая себе пику при помощи мачете. На каждом шагу обвалы и оползни, идти опасно. С трудом перебрались через реку. Один из пеонов видел пуму. Повсюду следы горного тапира. А вообще животных мало. Около половины пятого разбили лагерь на каменистом берегу. Настроение пеонов оставляет желать лучшего; они жалуются на тяжелую ношу и бесконечный дождь.

19 февраля. Опять тяжелый день. Вышли рано, затем карабкались по почти отвесным скалам, поросшим густыми субтропическими джунглями. Двое носильщиков — плохие работники и главные жалобщики — пытались уговорить остальных повернуть обратно, но безуспешно. Несмотря на утомительные поиски, не удалось найти сносного пути, пришлось вернуться на берег, к лагерю. Здесь зачинщики дезертировали...»

Разумеется, дезертиры оставили свою поклажу. Мы были вынуждены бросить немалую часть нашего продовольствия и снаряжения, так как просто не могли нести больше того, что было в наших собственных тюках.

На следующее утро снова хлестал ливень. Все же нам удалось найти подходящий путь. Еще один напряженный день, утомительный переход вдоль берега и через такие крутые высоты, что местами приходилось карабкаться подобно альпинистам и подтягивать грузы на веревках. Зато под вечер, когда мы окончательно выбились из сил, нам попалось идеальное место для лагеря: сухая пещера с большим запасом хвороста. Видно, кто-то побывал здесь до нас. Снаружи лил холодный дождь, а нам было тепло и уютно; мы просушили одежду у жаркого костра.

Еще три дня мы продвигались на восток под непрекращающимся дождем. Носильщики становились все строптивее и поговаривали о том, чтобы повернуть. Мы с Андраде не жалели красноречия, изобретали всевозможные аргументы, убеждая их идти дальше, но на

четвертый день после стоянки в пещере пришлось и нам сдаться. К этому времени мы уже поднялись довольно далеко вверх по Рио-Льянганати (или Рио-Сапалá), и до цели оставался, по нашим расчетам, день, от силы — полтора. Однако пеоны окончательно забастовали.

— Если мы не повернем сейчас, — заявили они, — то мы поступим, как те двое: бросим поклажи и уйдем!

Я попытался припугнуть их:

— В таком случае я засажу вас в тюрьму за нарушение контракта!

На это один из пеонов ответил, ослабившись:

— Лучше десять дней в тюрьме, чем один день здесь!

В этот неудачный день нам пришлось особенно тяжело, и уже к полудню носильщики настолько вымотались, что потребовали разбить лагерь. Нам с Андраде удалось тогда уговорить их. Если бы только погода была на нашей стороне, все сошло бы, возможно, благополучно, но тут снова полил дождь, а местность оставалась все такой же труднопроходимой. Дальнейшее наше движение было образцовой иллюстрацией к «закону всемирного свинства». Сначала двое пеонов упали с откоса и набили себе синяки. Потом мы потратили несколько часов в поисках дальнейшего пути. Каждый шаг пеонов сопровождался мрачной руганью. Я чувствовал, что подходит решающий момент; всякий раз, как мы присаживались отдохнуть, я ждал роковых слов: «Больше мы не можем».

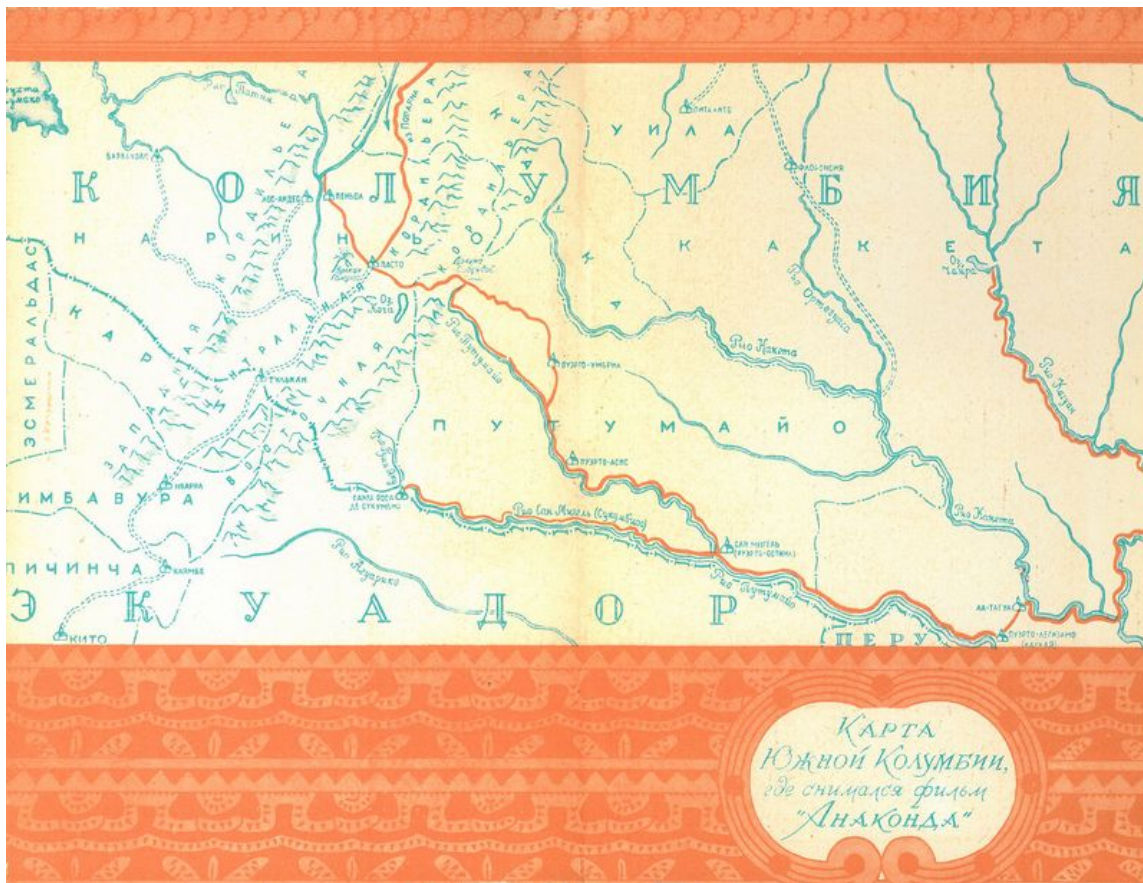
И вот этот момент настал. Под вечер носильщики посовещались вполголоса и объявили нам свое решение.

Снова покидать Льянганати, не достигнув цели!

Мы передохнули один день в лагере, причем носильщики воспользовались случаем как следует наесться, затем наш отряд зашагал обратно тем же путем, каким пришел. При этом один из пеонов тяжело заболел желудком и лишь с большим трудом смог добрести до дороги Сальседо — Напо, откуда попутный грузовик доставил нас в более цивилизованные места.

Казалось бы, я должен быть по горло сыт Льянганати! Да так оно, пожалуй, и есть... И все-таки я не собираюсь сдаваться! Если уж ты взялся за какое-нибудь дело, то надо доводить его до конца, не позволяя препятствиям сломить твою волю. Итак, осенью этого года,

примерно в то время, когда настоящая книга выйдет из печати в Швеции, я снова буду вместе с Андраде в диком краю, который капитан Лох назвал «страной фальшивых обещаний и разбитых надежд».

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

1

Манцинелла — небольшое тропическое дерево. Растет в Центральной и Южной Америке. В листьях и коре манцинеллы есть ядовитый сок, которым местные жители намазывают стрелы.

2

Инки — индейское племя, появившееся в Перу в XI веке. В 1438 году образовалось государство инков со столицей Куско; в 1532 году оно было захвачено и разгромлено испанцами.

3

Иезуитский патер — священник, член реакционной католической организации — ордена иезуитов, отличавшегося особым коварством, когда надо было обманывать трудовой народ и помогать богачам.

4

Сентаво — мелкая эквадорская монета, сотая часть сукре.

5

Гасиенда — поместье.

6

Крона — основная денежная единица Швеции, соответствует примерно нашему рублю.

7

Фортуна — в переносном смысле счастье; от имени Фортуны, древнеримской богини судьбы.

8

Сукре — основная денежная единица в Эквадоре, подобно тому как рубль — основная денежная единица в СССР.

9

Пеоны — бесправные сельскохозяйственные рабочие. Среди них Бломберг нанимал носильщиков для своих экспедиций.

10

Конквистадор — так называют испанских завоевателей, вторгшихся в Южную Америку в XVI веке.

11

Чернорясники — так часто называют по их одежде священнослужителей и монахов.

12

Священные девы Солнца. — В инкской империи люди поклонялись Солнцу, как богу. Был обычай, по которому молодые девушки посвящали свою жизнь служению богу — Солнцу.

13

Францисканцы — члены монашеского ордена, который был очень деятелен в средние века и помогал властителям обманывать бедный трудовой народ.

14

Фосетт — английский исследователь, пропавший без вести в бассейне Амазонки.

15

Маниок — растение с большими съедобными корнями; особенно распространено в Южной Америке и Африке. Сырые корни маниока ядовиты. Есть совсем несъедобные виды.

16

Метисы. — Метисами называют людей, родившихся от родителей разных рас: европейцев, индейцев, негров. Метисы составляют основную часть населения в большинстве стран Латинской Америки.

17

В верховьях реки Амазонки расположены: на крайнем западе Бразилии — штат Амазонас, на юго-востоке Колумбии — департамент Амасонас. Рольф Бломберг подразумевает, очевидно, всю область верховий, независимо от административного деления. (*Примеч. переводчика.*)

18

Боливар — герой освободительной борьбы, в ходе которой испанские колонии в Южной Америке добились в начале XIX века независимости.

19

Гаучо — конные пастухи.

20

Мачете — тесак или большой нож.

21

Волшебный прут. — В средние века суеверные люди искали воду с помощью «волшебного» прута в виде рогатки. Считалось, что «волшебный» прут должен наклониться к земле, если в почве есть вода.

22

См. очерк Рольфа Бломберга в первом номере журнала «Вокруг света» за 1957 год. (*Примеч. переводчика.*)

23

Оцелот — хищное животное из кошачьих, длиной до одного метра. Живет в глухих местах Мексики и Южной Америки.

24

Ингрид Бергман — известная шведская киноактриса. (Примеч. переводчика.)

25

Адвентисты седьмого дня — религиозная секта.

26

Термиты — насекомые, схожие с тараканами и богомолами. По образу жизни напоминают муравьев. Достигают в длину от 2,5 до 20 миллиметров. Живут гнездами («термитники») высотой до 15 метров. Термиты очень прожорливы, они портят деревянные дома, шпалы, телеграфные столбы.

27

Эльфы — выдуманные людьми сказочные доброжелательные существа, легкие и подвижные, как пушинка.

28

Ранчо — имение в Южной Америке, в котором занимаются скотоводством.